

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Преосвященнѣйшій Епископъ Никодимъ родился въ 1803 г., 5 Сентября, въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго Уѣзда, Московской Губерніи, отъ Дьячка Ивана Ивановича Казанцева. Во святомъ крещеніи нареченъ былъ Никита. О своемъ дѣтствѣ онъ, 23 Августа, 1872 года, писалъ вотъ что:

«Я былъ грудной младенецъ. На господскомъ дворѣ нашего села была иллюминація. Мать моя (Евдокія), тогда молодая жепщина, упростила своего мужа, а моего родителя, дозволить ей сходить посмотрѣть иллюминацію, прося его остаться дома и ухаживать за мною. Батюшка укачалъ меня въ люлькѣ; я заснулъ. Тогда и у него открылось желаніе посмотрѣть иллюминацію. Онъ потихоньку собрался и ушелъ изъ дома.

«Батюшка не имѣлъ осторожности — сперва отыскать матушку, чтобъ послать ее домой, и потомъ уже любоваться иллюминаціею: они сошлись случайно. Матушка спросила его обо мнѣ. Батюшка сказалъ: «Я укачалъ его; онъ уснулъ.» Матушка побѣжала домой, и нашла меня едва дышащимъ; я выплакалъ уже слезы и голосъ, стоналъ хрипя и почернѣлъ.

«Отселѣ начались страданія и мои и матери моей: я стоналъ дни и ночи. У матушки отъ лишенія сна при уходѣ за мною стало меркнуть зрѣніе.

«Такъ проведена осень, зима и часть весны 1803—1804 года.

«Въ Матѣ оба родители мои дали обѣтъ сходить пѣшкомъ въ Можайскъ (25 верстъ) со мною, и помолиться тамъ предъ иконою Святителя Николая, находящейся въ Соборѣ, обо мнѣ и о себѣ.*

* Въ Николаевскомъ Соборѣ хранился древняя чудотворная, такъ называемая, Можайская икона Св. Николая, съ изображеніемъ въ его рукахъ меча и храма. Сказаніе объ этой иконѣ см. въ Декабр. книг. «Душеспас.» 1872. Тамъ же, на стр. 413, помѣщенъ и рассказъ Преосв. Никодима объ его дѣтствѣ, который мы передаемъ теперь.

«По исполненіи сего обѣта я скоро выздоровѣлъ, и у матери моей омраченіе зрѣніа прошло.

«Вмѣстѣ съ родителями моими вѣрю и исповѣдую, что сіе чудесное милосердіе Божіе совершилось надъ нами молитвами угодника Божія, Николая Чудотворца, по молитвамъ родителей моихъ предъ святою иконою его, сущою въ Можайскомъ Соборѣ.

«Родитель мой, отпуская меня въ школу, когда мнѣ было только семь лѣтъ, благословилъ меня иконою Святителя Николая, хотя не во образъ Можайскаго. Святая икона сія сопутствуетъ мнѣ оттодѣ и доселѣ, и я многократно видѣлъ и чувствовалъ покровительство и защиту угодника Божія Николая Чудотворца, что также исповѣдую крѣпко и благодарно.»

Преосвященный воспитывался сперва въ Звенигородскомъ Духовномъ Училищѣ, потомъ (съ 1818) въ Виванской Семинаріи, находящейся въ трехъ съ половиною верстахъ къ юговостоку отъ Троицкой Сергіевой Лавры. Въ Московскую Академію * поступилъ въ 1826-мъ и окончилъ курсъ (седьмой) въ 1830 году, 5-мъ Магистромъ. Въ 1829 г., 31 Марта, будучи уже старшимъ Студентомъ, постриженъ былъ въ монашество; 5 Іюля посвященъ въ Іеродікона; чрезъ годъ рукоположенъ былъ Владыкою Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, во Іеромонаха. По окончаніи курса, въ 1830 году, опредѣленъ былъ Инспекторомъ въ Тульскую Семинарію, вторымъ Профессоромъ Богословія и обучающимъ Еврейскому языку. Въ 1832 г. переведенъ въ Новгородскую Семинарію Инспекторомъ же и Профессоромъ Философіи; въ Октябрѣ 1833-го возвращенъ въ Тульскую Семинарію, по прежнему. Въ 1835 году, 17 Апрѣля, посвященъ былъ во Архимандрита, опредѣленъ Ректоромъ Вятской Семинаріи и Настоятелемъ Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря.

Въ 1837 году, по предложенію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Графа Н. А. Протасова, Коммисія Духовныхъ Училищъ предписала всѣмъ Ректорамъ (Семинаріи) написать свободно, по разумѣнію каждаго, Богословскій Конспектъ.

Поданный Конспектъ отъ покойнаго Преосвященнаго Владыкою Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, * былъ одобренъ

* Открыта въ Лаврѣ въ 1814 г., 1 Октября, на мѣсто Троицкой Семинаріи, тогда же упраздненной.

** Въ 1814 г., по опредѣленію Коммисіи Духовныхъ Училищъ, напечатано «Обзоръ»

и объ составитель его дано было мѣстѣ въ тогдашнюю Коммисію Духовныхъ Училищъ, столь для него выгодное и интересное, что онъ поставленъ былъ выше и бойтѣе прочихъ Ректоровъ того времени. Это было причиною вызова, по Высочайшему повелѣнію, Преосвященнаго Никодима въ Петербургъ, въ распоряженіе Г. Оберъ-Прокурора, для занятія по преобразованію духовнаго ученія и управленія. Въ распоряженіяхъ Г. Оберъ-Прокурора находился съ 15 Іюня, 1838, по 1-е Іюля, 1839 года. Оставаясь частію въ распоряженіяхъ Г. Оберъ-Прокурора, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, каковую службу продолжалъ два года. За тѣмъ опредѣленъ былъ Ректоромъ въ Херсонскую Семинарію, что въ г. Одессѣ, и Настоятелемъ Одесскаго Успенскаго монастыря, куда прибылъ 5 Октября, 1841 г. Въ 1845 г. перемѣщенъ былъ въ Курскую Семинарію, что въ Бѣлгородѣ, Ректоромъ же и Настоятелемъ Рыльскаго Николаевскаго монастыря. Въ 1850 году переведенъ также Ректоромъ въ Ярославскую Семинарію, съ назначеніемъ въ управленіе Ростовскаго Боголюбскаго Аврааміева монастыря. Въ концѣ 1853 г., Указомъ Свят. Синода, былъ вторично вызванъ въ С.-Петербургъ для управленія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія; въ слѣдующемъ году, 29 Генваря, Св. Синодомъ избранъ, и 30-го Высочайше утвержденъ, во Епископа Чебоксарскаго, Викарія Казанской Епархіи. Во Епископа посвященъ 14 Февраля, того же 1854 года, С.-Петербургскимъ Митрополитомъ Никаноромъ въ соучастіи 5-ти Архіереевъ. Въ Казань прибылъ 21 Марта и водворился въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ почти 7 лѣтъ, до 1861 года, при двухъ Архіепископахъ Казанскихъ, Григоріѣ и Аванасіѣ. * Въ 1859 году, по распоряженію Св. Синода, въ теченіи 10-ти мѣсяцевъ управлялъ Вятскою Епархіею, по случаю отбытія въ Синодъ Епидифора, Епископа Вятскаго. ** На конецъ въ 1861 году, по Высочайшему повелѣнію на докладъ Св. Синода, назначенъ въ новооткрытую Епископскую Епархію Епископомъ, съ помѣщеніемъ Архіерейской кафедры въ г. Красноярскѣ, куда покойный Преосвященный прибылъ 5 Генваря, 1862

піе. Богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ Высшихъ Духовныхъ Училищахъ», стр. 1 — 36, составленное Архимандритомъ Филаретомъ.

* См. объ нихъ примѣчанія въ концѣ Записокъ 66 и 124.

** Примѣч. 19

года. Въ это жестокое морозами время, бѣжавши почти всегда день и ночь, Преосвященный получалъ страшный ревматизмъ, который мучилъ его во все остальное время жизни. Въ 1870 г., согласно прошенію, по разстроенному здоровью, Высочайше уволенъ отъ управленія Епархіею, съ дозволеніемъ помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской Епархіи по соглашенію съ Митрополитомъ Московскимъ. Таковымъ монастыремъ избранъ Перервинскій Николаевскій монастырь въ окрестностяхъ Москвы, куда Преосвященный прибылъ въ первыхъ числахъ Августа, 1870 года, и гдѣ жилъ на покой до самой почти кончины, никуда, кромѣ Москвы, и то изрѣдка, не выѣзжая. 19 Мая, 1874 года, Преосвященный совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ безъ всякаго предупрежденія, пріѣхалъ въ городъ Дмитровъ и хотѣлъ было на свободномъ воздухѣ, въ кругу родныхъ, помѣчиться. * Но водянка, развившаяся до послѣднихъ предѣловъ, въ соединеніи съ болѣзнію ноги, до того изнурили слабыя силы его, что не было никакой возможности поддержать здоровье его. Преосвященный скончался 11-го числа Іюня, того же года, на глазахъ и почти на рукахъ родной сестры своей. Отпѣваніе совершено было Епископомъ Дмитровскимъ, Преосвященнымъ Леонидомъ, Викаріемъ Московскимъ, 14 числа, въ Дмитровскомъ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ тѣло почившаго Святителя и погребено, въ придѣлѣ Св. Митрофана Воронежскаго. **

Свѣдѣнія изъ жизни покойнаго Преосвященнаго заимствованы мною изъ его послужнаго списка и частию изъ записокъ, оставшихся послѣ покойнаго, которыя началъ онъ въ Красноярскѣ, 30 Мая, 1868 года, и окончилъ въ томъ же году, 6 Октября. Онѣ озаглавлены такъ: «О Филаретѣ, Митрополитѣ Московскомъ, моя память.» Сочинитель передаетъ объ немъ, по большей части, свои личные воспоминанія, а по тому неизбежно касается и своей службы и многообразныхъ отношеній своихъ къ другимъ лицамъ. Изъ того, что сообщаетъ онъ о знаменитомъ Іерархѣ, иное было записано своевременно, вскорѣ, т. е., послѣ свиданія со Владыкой, а все остальное писано по памяти, которая не всегда вѣрно передавала вѣршное ей въ давнопрошедшее время, особливо изустныя рѣчи,

* Въ домѣ зятя своего, Протоіерея Георгія Кирилловича Добноврова (ум. 1874, Сент. 7), и родной сестры своей, Марьи Івановны, жены Протоіерея.

** Некрологъ его въ Моск. Епарх. Вѣдом. 1874, № 32.

въ свое время не записанныя. Не смотря на преданность Филарету, благодѣтелю своему, онъ позволяеть себѣ изрѣдка неосторожные отзывы объ немъ, подъ предлогомъ, конечно, безпристрастія и свободы въ сужденіяхъ. Рѣзко и съ нескрываемою досадою пишетъ онъ о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, не исключая высоко стоявшихъ въ церковной Іерархіи, не исключая и бывшихъ товарищей по Академіи, что производитъ прискорбное впечатлѣніе. Въ объясненіе этого замѣтимъ, что и ему самому другіе дѣлали кое-что поперекъ, и вообще служба Преосвященнаго была не слишкомъ завидная: дважды онъ былъ Инспекторомъ Тульской Семинаріи, 20 почти лѣтъ служилъ Ректоромъ въ другихъ городахъ, съ 1861 г. управлялъ отдаленною Енисейскою Епархіей... Причины не блестящаго положенія его заключались, надо полагать, въ немъ самомъ, въ томъ именно, что, при кажущейся простотѣ и Ангельской добротѣ своей, онъ какъ-то не сходился, не уживался съ людьми, въ слѣдствіе, должно быть, неосторожности, неподатливости и неустойчивости характера, каковыя недостатки и самъ Преосвященный признасть за собою. Отсюда недовольство собой, особенно при мучительномъ ревматизмѣ; а избытокъ собственнаго неудовольствія разливался на другихъ: этимъ какъ бы вымещалось на другихъ чувство скорби и досады на себя. Безотносительно къ этому, Записки Преосвященнаго, написанныя мастерскимъ перомъ, не лишены достоинства и занимательны въ высшей степени; наиболѣе важнымъ мнѣ кажется эпизодъ съ XVII до XXIII главы включительно; а для біографіи Митрополита Филарета онѣ заключаютъ драгоценный и обильный матеріалъ, за который нельзя не поблагодарить почтеннаго сочинителя съ пожеланіемъ мира душѣ его.

Архимандритъ Григорій.

О
ФИЛАРЕТЪ,
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКОМЪ,
МОЯ ПАМЯТЬ.

СЪ
ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Архимандрита Григорія.

О ФИЛАРЕТѢ, МИТРОПОЛИТѢ МОСКОВСКОМЪ, МОЯ ПАМЯТЬ.

I.

Прежде нежели поступилъ Филаретъ на Московскую кафедру,¹ я, будучи еще отрокомъ, слышалъ отъ моего дѣдушки, Священника въ городѣ Рузѣ, при Покровской церкви, Бориса Гавріиловича, о Филаретѣ слѣдующую рѣчь: «Говорятъ, будто этотъ Филаретъ насквозь видитъ человѣка.» Я понималъ тогда это буквально, т. е., подумалъ, что Филаретъ видитъ внутренность человѣка какъ въ хрустальномъ стаканѣ воду.

II.

Въ первые я увидѣлъ Филарета въ Виѣанской Семинаріи, въ Декабрѣ 1821 года, т. е., въ первый годъ поступления его на Московскую кафедру.

Онъ былъ на экзаменахъ въ Академіи (въ Лаврѣ) и въ Виѣаніи (у насъ).

Тогда приписывали это неблаговременное посѣщеніе Лавры и Виѣаніи его нетерпѣливости выказать свою блестящую ученость предъ Академіею и Семинаріею. Нынѣ я разсуждаю иначе: Филарета влекли въ Лавру чувства благочестія и сладкія воспоминанія проведенной здѣсь всей его юности и перваго цвѣта мужества. Ученое обозрѣніе было только благовидный предлогъ.

Филаретъ былъ истинно благочестивый человѣкъ.

Тогда была погода дурная: растаялъ снѣгъ; ѣздили на колесахъ. Филаретъ пренебрегъ и такую погоду.

Тогда я былъ въ Низшемъ Отдѣленіи Семинаріи.

Съ другими я послушалъ, приложивъ ухо, а болѣе посмотрѣлся въ щель сквозь дверь на Филарета, когда онъ присутствовалъ на экзаменѣ по Философіи въ Среднемъ Отдѣленіи.

Профессоръ, Павелъ Николаевичъ Наумовъ, онъ же и Инспекторъ, былъ ученикъ Филарета, 1-го курса С.-Петербургской Академіи (1809—1814), Кандидатъ, человѣкъ гордый, но мелкаго ума, хотя весьма прилежный. Филаретъ сердился на него. ¹

Съ Филаретомъ сидѣлъ Дамаскинъ, Епископъ Тульскій, проѣзжавшій въ это время изъ Новгорода въ Тулу, куда былъ назначенъ; онъ молчалъ. ²

Я съ благоговѣніемъ разсматривалъ и, можетъ быть, прикоснулся къ теплой рясѣ Митрополита, лежавшей въ передней комнатѣ: покрывка темнокоричневая, а мѣхъ либо куній, либо соболій.

Зашелъ и въ Низшее Отдѣленіе Филаретъ. Онъ далъ намъ только вопросъ:

«Наименуйте изъ Христіанской Исторіи Государя, котораго язычники хвалятъ, а Христіане бранятъ.»

Разумѣлъ—Іуліана Отступника. Кажется, ему отвѣтили.

У него въ это время была въ рукахъ трость съ золотымъ крупнымъ наглавіемъ. Оно блеснуло мнѣ въ глаза: я умилился.

На память сего я имѣю похожее наглавіе на моей черной трости, сдѣланное еще въ Одессѣ.

Филаретъ мнѣ тогда показался столь тощимъ и изтонченнымъ, что я подумалъ: «Онъ завтра умретъ», и пожалѣлъ.

Принимая его благословеніе, и лобызая его десницу, я находилъ его руку и тогда меньше моей.

Преосвященный Евгеній Ярославскій ³ сказалъ мнѣ Филаретово признаніе: «Когда я въ первый разъ вошелъ въ комнаты Митрополита въ Лаврѣ Преп. Сергія, у меня покатались слезы, горькія, сладкія. За 12 лѣтъ предъ симъ я входилъ сюда съ трепетомъ, какъ одинъ изъ малыхъ подчиненныхъ Митрополиту Платону. ⁴ Могъ ли я вообразить, что самъ буду на его мѣстѣ?»

Филаретъ съ Евгеніемъ, яко товарищи, были во всегдашнемъ братствѣ.

III.

Почти каждый годъ Филаретъ⁵ пріѣзжалъ въ Лавру, въ половинѣ Іюня, на экзамены въ Академію.

Публичный экзаменъ былъ въ одинъ день. Въ это время дозволялось быть въ залѣ экзамена и постороннимъ.

Я былъ всегдашній слушатель ихъ съ 9 часовъ утра до 2 и 3,

даже иногда до 4 часовъ по полудни; я стоялъ въ толпѣ мѣщанъ, у печки и дверей, слушаая благоговѣнно происходящее: вопросы Профессоровъ, отвѣты Студентовъ; вопросы Филарета, отвѣты Студентовъ и Профессоровъ.

Вопросы Филарета всегда степенные, интересные, должные, прямо относящіеся къ дѣлу.

Довольно было терпѣнія у Владыки выслушивать отвѣты даже слабые, легкіе, боковые; обличенія и опроверженія его болѣею частію безстрастны, всегда основательны, неопровержимы.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ разрѣшить вопросъ умами Студентовъ и Профессоровъ, при чемъ Филаретъ прибавленіями къ возраженію увеличиваетъ важность отвѣта,—накопецъ покрываетъ дѣло самъ Владыка, давая на свой вопросъ отвѣтъ полный, ясный, свѣтлый, ограничительный.

Въ это время и мой маленькій умъ видѣлъ въ Филаретѣ солнце ума, озаряющее всю окрестность. Блестящіе отвѣты Студентовъ и основательныя рѣчи Профессоровъ при этомъ свѣтилѣ кажутся легкимъ мерцаніемъ истины.

Я всегда выстаивалъ такіе экзамены до конца, и иногда едва держусь на ногахъ отъ усталости и изнуренія, душа же трепещетъ сладостно, будучи наполнена высокими помыслами.

Послѣ Академическихъ экзаменовъ Филаретъ бывалъ на экзаменѣ у насъ, въ Виѣщій, два черезъ три, или даже черезъ недѣлю послѣ Академическихъ.

Экзаменъ публичный одинъ день и одно засѣданіе.

Изъ трехъ часовъ засѣданія болѣе двухъ часовъ употреблялось на Богословію и вообще на предметы Высшаго Отдѣленія; остальной часть—для Средняго и Низшаго Отдѣленій, по главнымъ предметамъ.

И здѣсь Филаретъ—былъ Филаретъ: свѣтило ума; тонкое разсужденіе, ясное, блестящее изложеніе мыслей, огненный взоръ, чистота: благожеланіе, добродѣтель, какъ будто обоняешь святошь Божию въ присутствіи Филарета.

Не могу похвалить, и всегда жалѣлъ я о трусости и нерешимости профессіи и властей Академическихъ и Семинарскихъ предъ лицемъ великаго Филарета.

Они были робки, мизирны, унижительно, едва выговаривали слова, въ то время, когда Владыка, какъ Ангелъ Божій, хотѣлъ мира, сіялъ благожеланіемъ, любовію, сочувствіемъ, желалъ радоваться намъ

и съ нами, хотѣлъ ободрить и поощрить посильные труды и годные успѣхи.

Правда, Филаретъ не любилъ ни Ректора нашего Виѳанскаго, Никанора, ⁶ ни Инспектора—Ѳеодотія, ⁷ ни Ректора Академическаго—Поликарпа. ⁸

Никаноръ былъ почти товарищъ Филарета, администраторъ примѣрный, житіемъ безукоризненный, служитель ревностный и добросовѣстный, но наставникъ слабый. Кажется, Филаретъ въ Никанорѣ презиралъ только его слабость ученую, а онъ думалъ, что Филаретъ презираетъ всего его и всю службу его.

(Никаноръ самъ въ послѣдствіи былъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ).

Ѳеодотій былъ уменъ, но строитивъ, заносчивъ и неровенъ въ характерѣ, особенно имѣлъ слабость—осмѣивать другого. Филаретъ въ немъ это ненавидѣлъ.

(Ѳеодотій скончался Архіепископомъ Симбирскимъ).

Поликарпъ имѣлъ слабость нетрезвости. Филаретъ за это презиралъ его.

(Поликарпъ скончался въ отставку Архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ).

Но Филаретъ не любилъ слабостей ихъ, а ихъ самихъ щадилъ и терпѣлъ.

Расскажу нѣсколько приключеній.

Первое. Филаретъ пріѣхалъ въ Лавру, для Лавры или для Академіи, но въ среднѣе учебнаго времени, а не на экзамены.

Побывъ дня три въ Лаврѣ, онъ далъ знать, что намѣренъ сегодня быть въ Виѳаніи, и приказалъ каждому быть на своемъ мѣстѣ и дѣлать свое дѣло.

Было около 11 часовъ дня. Пріѣхалъ Филаретъ. Прямо въ Семинарію. Прямо на классъ Высшаго Отдѣленія. Въ это время Церковная Исторія. Преподаватель—Инспекторъ, Магистръ, Іеромонахъ Іеронимъ. ⁹

Филаретъ вошелъ въ залу. Іеронимъ подбѣжалъ къ нему на благословеніе, и тотчасъ, отвернувшись отъ него, сѣлъ въ кресла Профессорскія.

Ученики стоятъ за партами. Іеронимъ махнулъ имъ рукою и сказалъ: «Садитесь!» Ученики не смѣютъ. Іеронимъ повторяетъ: «Садитесь!» Не робѣйте: это жатель». (Указывая на Филарета, который стоитъ посреди залы, смотря на сцену). Ученики, однако же, не смѣютъ

сѣсть. Филаретъ съ нѣжною и мягкою улыбкою, легкимъ наклоненіемъ головы, далъ понять, что соглашается, чтобы ученики сѣли. Сѣли.

Междѣ тѣмъ Филаретъ, не имѣя мѣста, гдѣ бы присѣсть, отошелъ къ сторонѣ и сѣлъ на пустую скамью за пустою партою, молча, ожидая, что будетъ.

Иеронимъ, сидя важно въ креслахъ, и имѣя предъ собою маленькій столикъ, на коемъ лежала закрытая книга, заговорилъ возгласно (не дождавшись приказанія):

«Церковная Исторія есть, основанное на твердыхъ свѣдѣтельствахъ, отъ частныхъ повѣствованій къ общимъ соображеніямъ возведенное и къ дѣятельному наставленію направленное, изложеніе происхожденія на земли Церкви Божіей, и переменъ въ ея внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи послѣдовавшихъ, и непрерывнаго ея подъ особеннымъ промысломъ сохраненія, отъ начала міра до нынѣ.»

Это есть начало введенія въ Церковную исторію, соч. Филарета, книга классическая. ¹⁰ Закрытая книга на столикѣ была эта самая Исторія.

Иеронимъ прочиталъ за тѣмъ все сіе введеніе, очень не малое буквально и торжественно. Окончивъ чтеніе, онъ важно всталъ, помолился Богу и подбѣжалъ къ Филарету для благословенія.

Филаретъ съ улыбкою, смѣшанною съ удовольствіемъ (ибо то была его Исторія) и пренебреженіемъ (ибо это рабство, безсмысліе, лезть и лицедѣйство), благословилъ Иеронима, и послѣ прислалъ ему книжницу съ надписью: «За перробкое преподаваніе лекцій.»

(Иеронимъ скончался, въ санѣ Архимандрита, въ С.-Петербургѣ, на чредѣ, въ Декабрѣ 1834 года, почти окончивъ ее.)

Второе. Филаретъ, окончивъ экзамень въ Академіи, на извѣстный день далъ приказаніе, чтобы въ этотъ день былъ экзамень въ Виоанской Семинаріи, и послалъ сюда, въ родѣ предѣдателя, Ректора Академіи, сказавъ: «Начинайте экзамень въ 9 часовъ, а я пріѣду, когда удосуужусь.»

Экзамень у насъ начать былъ точно въ это время (въ Высшемъ Отдѣленіи, по Богословіи). Въ 11 часовъ вѣстовые дали знать, что Филаретъ ѣдетъ.

Наши Власти прекратили экзамень и поспѣшили на встрѣчу Филарета.

Они прошли довольно далеко, на пр., сажень 30 отъ залы собранія.

Подѣхалъ Филаретъ. Служитель отворилъ дверцы кареты: Власти кланяются, но Филаретъ сидитъ въ каретѣ, не выходитъ.

Вышелъ наконецъ Филаретъ. Власть спѣшать принять благословеніе. Владыка идетъ мимо ихъ.

Вошелъ въ залу. Сѣлъ. Потомъ обращается къ Властямъ съ такою рѣчью: «За чѣмъ вы выбѣжали ко мнѣ? Развѣ я не знаю, что вы заняты дѣломъ? Грабить меня хотѣли, или думали отъ меня защищаться, какъ грабителя?»

Власти поникли. Владыка гнѣвенъ и тревоженъ.

Началъ экзаменъ опять снова. Въ это время примѣчательны два приключенія, изъ коихъ одно близкое ко мнѣ:

1) На канунъ этого дня Ректоръ призывалъ меня (я тогда былъ первый), и умолялъ готовиться къ хорошимъ отвѣтамъ, и сіе онъ внушалъ мнѣ съ такою робостію и малодушіемъ, что я уничтожилъ его въ душѣ своей. Между тѣмъ знаю, что мои товарищи затвердили уроки Богословія очень хорошо, я осмѣлился о. Ректору выразиться такъ: «Не смущайтесь, о. Ректоръ: зададимъ пыли,» т. е., будемъ отвѣчать отлично.

Что же? Точно ученики отвѣчали бойко, кромѣ меня. Я совершенно сталъ молча. И вотъ въ чемъ бѣда. Какъ перваго, меня Филаретъ и спросилъ первымъ. Между тѣмъ первый вопросъ нами не ученъ; а отвѣчать надобно по Латыни. Я сталъ въ тупикъ.

На этотъ вопросъ надлежало исчислить шесть дней творенія міра. (Ректоръ справедливо выпустилъ сей вопросъ, сказавъ: «Это вы знаете изъ Библейской Исторіи»). Мнѣ предстояло двѣ работы: припоминать, что сотворилъ Богъ въ каждый день, и переводить это по Латыни.

Я сказалъ: «Deus creavit hunc mundum sex dierum spatio,» и остановился, работая и памятію и умомъ на дальнѣйшее.

Филаретъ, видя, что я замялся, говоритъ мнѣ: «Quare?»—Онъ, конечно, хотѣлъ освободить меня отъ конфуза; но вопросъ былъ такъ тяжелъ, что я и теперь не скоро бы собрался на него что либо отвѣтить сносное.

Ректоръ же, стоя около меня, совершенно растерянный и трясущійся, твердитъ мнѣ на ухо: «Quare? Quare?»—Это меня только смущало и приводило въ досаду.

Я сказалъ что-то, приближаясь къ мнѣнію Филарета въ его Библейской Исторіи, а именно, что Богъ чрезъ сіе хотѣлъ показать свою свободу и всемогущество, а тварямъ давалъ испытывать свои силы и совершенство.

Филаретъ меня посадилъ, видя, что я смущенъ, и не могу отвѣчать далѣе.

(Прекрасное, тонкое и вѣрное благоразуміе!) За тѣмъ прочіе ученики отвѣчали уже ученое, и, слѣдовательно, отвѣчали отлично.

Такимъ образомъ сконфузился только я: такъ смиряетъ Богъ самонадѣянныхъ!

Однако же, для возстановленія моей чести, я сталъ внимательно выслушивать вопросы Филарета, съ тѣмъ, чтобы дать хоть на одинъ порядочный отвѣтъ.

Мнѣ это отчасти удалось.

Филаретъ спросилъ: «Были ли рай и адъ до пришествія Христа? По притчѣ Христовой о Богатомъ и Лазарѣ, которую при томъ иные толкователи почитаютъ за исторію, надобно подумать, что и до Христа были рай и адъ, въ раздѣленіи. Между тѣмъ Ветхозавѣтные праведники, умирая, обыкновенно приговаривали: «Иду во адъ;» да и раю быть до искупленія, кажется, не можно.»

Много было разныхъ рѣчей и отвѣтовъ. Филаретъ поддерживалъ вопросъ, обезсиливая даваемые отвѣты, которые давали и сами Власти.

Я, выждавъ удобное мгновеніе, всталъ и сказалъ: «Можетъ быть, Иисусъ Христосъ сказалъ притчу, или разсказалъ исторію, о Богатомъ и Лазарѣ, по предваренію, зная, что, по совершеніи имъ искупленія, съ Богатымъ и Лазаремъ будетъ то, что излагается въ притчѣ!»

Филаретъ сказалъ: «Ты хорошо отвѣчаешь.» Потомъ сталъ искривлять своею блестящею, свѣтлою какъ солнце рѣчью, придерживаясь въ сущности того, что я сказалъ, но взявши дѣло шире и сжавъ рѣчь свою на твердѣйшихъ основаніяхъ.

Я позабылъ свой конфузъ и свое горе: такъ и въ маломъ великъ Господь!

2) Виванскій монастырь состоитъ подъ начальствомъ Намѣстника Лавры. Тогда былъ Архимандритъ Аѳанасій Намѣстникомъ, вовсе неученый человѣкъ, но хорошій живописецъ, жизни строго-монашеской. ¹¹

Онъ стоялъ было въ облаченіи и со крестомъ во вратахъ монастыря, на всякій случай, если бы, на примѣръ, Филаретъ вздумалъ, ѣдучи въ Семинарію, сперва побывать въ монастырѣ.

Такъ какъ Филаретъ пошелъ прямо въ Семинарію, то о. Намѣстникъ, снявши ризы, пошелъ въ Семинарію, и вошелъ въ залу, гдѣ уже начался экзаменъ. Мы тотчасъ все встали. Встали и Власти. Намѣстникъ, сдѣлавъ шага два отъ двери, отвѣсилъ Филарету глубокий поклонъ. Филаретъ молча, лѣвою рукою чрезъ свое плечо указывалъ Намѣстнику мѣсто, гдѣ сѣсть.

Намѣстникъ либо не разглядѣлъ, либо не скоро понялъ, еще сдѣлалъ шага два, или три, и опять глубоко поклонился. Филаретъ опять молча дѣлаетъ движеніе лѣвою рукою. Догадался Намѣстникъ; пошелъ къ мѣсту, и сѣлъ, и всѣ сѣли, и мы сѣли.

Тогда Филаретъ началъ такую строгую и гнѣвную рѣчь:

«За чѣмъ вы вскочили? Пришелъ Намѣстникъ Лавры: и для него надобно бросить дѣло, и всѣмъ вскочить?—Великъ человекъ Намѣстникъ Троицкой Лавры! Мы занимаемся дѣломъ: Намѣстникъ пусть, если хочетъ, послушаетъ, взявши себѣ тихонько мѣсто.»

«Вотъ вы хорошо научили учениковъ своихъ лѣстить; а дѣло дѣлать учите не такъ усердно.»

Намѣстникъ, по простотѣ и полнѣйшей преданности Филарету до исчезновенія, кажется, не оскорбился некрасивою для него рѣчью; но Властямъ было стыдно, хотя, правду сказать, виноваты только мы, по тому что мы первые встали и заставили собою встать и Властей.

Замѣчаніе же Филарета совершенно справедливое и благоразумное. Оно мнѣ служило всегда урокомъ въ жизни и служить. Если я въ обществѣ не первый, то всегда встаю тогда, когда встанетъ первый. Иначе я приказывалъ бы первому дѣлать то, что я дѣлаю, и можетъ быть еще не вѣрно.

Филаретъ, правду сказать, немножко нецѣдно обращался со Властями, при томъ публично и въ виду насъ, мальчиковъ, но и можно извинить: а) лѣтами его—ему тогда было 44 года (въ 1826 году); б) низкою трусостию Властей, дожимымъ подобострастіемъ, хуже рабскаго; в) слишкомъ грубыми ошибками со стороны ихъ; г) правдою на сторонѣ Филарета; д) его несравненною поверхностью надъ ними умомъ, знаніемъ и талантами.

Пребывая около тридцати дней въ Лаврѣ, Филаретъ питалъ свою душу всѣмъ, чѣмъ она была занята, а именно: ученостію, святостію, тишиною.

Филаретъ дѣлалъ экзамены Академическіе и томился въ нихъ, за сѣдая неподвижно отъ пяти до семи часовъ ежедневно, не по тому, что онъ считалъ это своимъ долгомъ, или же, чтобы похвастаться своимъ превосходствомъ надъ учениками (какъ иные укоризненно выговаривали), но по тому, что онъ наслаждался ученостію, ростъ съ ней, вмѣстѣ съ нами, желалъ незavidно расточить богатство ума своего и на насъ, и отъ насъ получить поощреніе къ повѣмъ расшире-

нїямъ духа и прїобрѣтенїямъ: таково свойство великихъ душъ. Но крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Сколько великъ умомъ и талантами, столько же преданъ былъ Филаретъ святости. Благоговѣнство предъ Богомъ у него было насущною потребностію, господствующею. Преподобнаго Сергія онъ величалъ такъ искренно, какъ пѣтій сынъ приверженъ къ добрымъ родителямъ.

Онъ чтилъ его какъ своего воспитателя, оберегателя, рукодителя; онъ прїнїмалъ ко всѣмъ слѣдамъ его и училъ себя походить на него. И вся святаѣ Лавра, столько храмовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ святую исторію, даже вся площадь Лавры, еѣ прахъ и то, что подъ нимъ въ пять столѣтїй сокрыто и погребено, его возбуждали къ великому благоговѣнїю.

Въ Лаврѣ Филарета я всегда видѣлъ восторженно умиленнымъ. Видно было, что онъ посилъ рай въ душѣ своей.

Лавра въ это время особенно наполнена богомольцами. Это не праздные люди, патающіеся по бульварамъ, улицамъ, площадямъ, въ садахъ, на рынкахъ, на гульбищахъ. Самый разсѣянный здѣсь мыслитъ, самый вольный сжимается, поникаетъ взоромъ, едва смѣетъ дышать.

Благочестивые же свободно изливаютъ свои чувствїя благоговѣнства, кладутъ поклоны, обливаются слезами.

Богобоязненному Архипастырю можно ли все сіе видѣть, и не сочувствовать, или паче не давать высшихъ примѣровъ благочестїя своею личностію?

Не смотря на толикїя тысячи людей благоговѣпныхъ, и безпрестанно смѣняющихся, Владыка оставался самъ при себѣ, одинъ въ изящныхъ палатахъ Пастытеля: его не тревожилъ какой ни будъ пахалъ, пустословъ, надменный, невѣръ. Здѣсь ихъ нѣтъ. У него бываютъ здѣсь только тѣ, кому онъ сіе дозволить, и тогда, когда назначить. Слѣдовательно, здѣсь онъ Царь своего времени.

Утрени протяженная въ 4 часа утра, за тѣмъ девять литургїй въ девяти церквахъ, а тамъ вечерня, и всегда съ людьми, наполняющими всѣ храмы до тѣсноты: вотъ что видѣть и слышать Владыка въ Лаврѣ.

Столъ его здѣсь бывалъ удивительно скромный, младенческій: не въ постные дни онъ питался молокомъ, ягодами, въ это время поспѣвающими, земляникою, черникою, малиною.

Богда и я былъ въ Лаврѣ въ это время (съ 1826 по 30 годы), или близъ нея (1818—26), мнѣ казалось, что во время пребыванїя здѣсь

Филарета, Лавра была дважды святою, и на самого Филарета смотрѣлъ какъ на святой умъ, а не просто на ученаго человѣка.

IV.

Во время ученія моего въ Московской Духовной Академіи я два раза былъ спрошенъ Филаретомъ, на экзаменахъ: а) въ 1828 году, при окончаніи курса въ Низшемъ Отдѣленіи; б) въ 1830 году, при окончаніи всего Академическаго курса.

Въ оба раза мои отвѣты были неудачны; но и въ оба раза я былъ пощажень Владыкою, и какъ-то ускользалъ отъ осужденія.

Въ Низшемъ Отдѣленіи я былъ спрошенъ по Философской Исторіи, о Греческихъ философахъ Анаксимандрѣ и Анаксиментѣ, и еще о третьемъ за ними. Уроки Латинскіе учены давно, еще въ первомъ году, повторены плохо. Къ тому я спрошенъ первый, когда обыкновенно присутствія духа надобно имѣть болѣе, нежели въ послѣдствіи: я вышелъ предъ Филарета, и сталъ молча. Припоминалъ, что одинъ философъ признавалъ за начало всѣхъ вещей воду, а другой огонь; но который признавалъ огонь, который воду, и какъ каждый изъ нихъ доходилъ до своего убѣжденія, я сказать не могъ. Произнесъ только сіи первоначальныя положенія, и замолчалъ. Баккалавръ¹² наводилъ меня на продолженіе рѣчи, но я не въ состояніи былъ продолжать ее.

Филаретъ вперилъ въ меня взоръ свой, искутующій, но и милостивый, обратился къ Баккалавру, и приказалъ спросить слѣдующаго (насъ вызвали вдругъ трехъ); другіе отвѣчали хорошо, и говорили много.

Насъ отпустили. Я возвратился на свое мѣсто съ грустію.

Въ Высшемъ Отдѣленіи, предъ окончаніемъ курса, я былъ уже монахъ.

Опять я спрошенъ былъ изъ первыхъ трехъ, и въ трехъ первый (слѣдовательно, опять мнѣ не было времени припомнить отвѣтъ, а иногда и взглянуть въ тетрадку).

Шла Нравственная Богословія. Профессоръ ея, Инспекторъ и Архимандритъ Евлампій (въ послѣдствіи Архіепископъ Тобольскій).¹³ Вопросъ данъ: «О степеняхъ совершенства нравственныхъ дѣйствій Христіанскихъ.»

Параграфъ, который мнѣ надобно было прочитатъ въ отвѣтъ, изложенъ періодомъ относительнымъ—чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Протазисъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, три члена, столько же и апота-

зись этого длиннаго періода. Мало того: каждый протазись и каждый апотазись имѣлъ свой текстъ, какъ бы въ подтвержденіе свое.

У меня не были выписаны тексты сіи (я не считалъ ихъ нужными): по тому я прочиталъ періодъ безъ текстовъ. Но меня безпрестанно останавливалъ о. Евлампій, требуя произнесенія текста на каждый членъ періода. Когда же я молчалъ, то Евлампій произносилъ сіи тексты самъ; даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: «Доказывайте изреченіями Священнаго Писанія ваши разсужденія, дабы иначе не подумали, что вы разсуждаете произвольно, безъ основаній.» Въ это время Филаретъ нетерпѣливо взглядывалъ то на меня, то на Евлампія; потомъ, когда я протазилъ періодъ, Филаретъ возбужденно заговорилъ, обращаясь къ Евлампію:

«Священнымъ Писаніемъ надобно доказывать полную истину, а не часть ея. Если скажете: «Чѣмъ дѣйствіе чище по намѣренію,» и затѣмъ тотчасъ придадите изреченіе Священнаго Писанія, вы сдѣлаете глупость; по тому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще не извѣстна. По сему вы напрасно сбивали съ толку монаха (указывая на меня) и навязывали ему вашу бессмыслицу: онъ не захотѣлъ ее предлагать; онъ умѣе васъ.»

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ получить посямленіе за плохое затверживаніе уроковъ, получилъ горькое наставленіе мой учитель.

Такъ какъ рѣчь эта была не коротка, со стороны Филарета: то онъ и заставилъ спрашивать уже другого, возлѣ меня стоявшаго (Михаила Россова), а не меня.

Здѣсь и накі явное покровительство Божіе надо мною. Если бы заставили меня читать дальше, я не могъ бы, по тому что почти ни чего не припоминалъ.

Пока читалъ другой, Филаретъ, смотря на меня, тихонько говорилъ: «Не пугайся, монахъ! Намъ должно бояться Бога, а не людей.»

Владыка видѣлъ, что я былъ въ испугѣ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и, конечно, былъ блѣденъ. Но я дрожалъ отъ многихъ смѣшанныхъ чувствій: а) стыдился моей глупости и лѣности; б) жалѣлъ, что подвергнулъ упрекамъ за себя о. Евлампія; в) жалѣлъ, что предъ такимъ свѣтиломъ, каковъ Филаретъ, я оказался такъ тусклымъ.

За тѣмъ Владыка сталъ слушать другого читающаго. Михаилъ Россовъ читалъ параграфъ «О единствѣ Закона Моисеева и Закона Евангельскаго.»

Владыка далъ прочитать параграфъ (Россовъ читалъ хорошо, и

приводилъ всѣ тексты Св. Писанія), потомъ началъ опровергать прочитанное.

Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ Моисеева и Евангельскаго единствомъ Законодателя, Сына Божія.

Филаретъ на это сказалъ: «Императрица Екатерина написала Соляной Уставъ и Уставъ о Губерніяхъ. Слѣдовательно, Соляной Уставъ и Уставъ о Губерніяхъ суть одинъ и тотъ же законъ.»

Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ единствомъ цѣли.

Филаретъ отвѣчалъ: «Петербургская дорога ведетъ въ Москву, и Дмитровская дорога ведетъ въ Москву же. Слѣдовательно, Петербургская и Дмитровская дороги суть одна дорога.»

Послѣ того Филаретъ довольно оскорбительно началъ упрекать о. Евлампія въ незнаніи Богословія, въ тусклости и путаницѣ мышленія, въ неумѣніи пользоваться Священнымъ Писаніемъ и извлекать изъ него твердыя истины.

О. Евлампій выслушалъ сей несладкій урокъ молча (Филаретъ и не оставлялъ мѣста рѣчамъ его), но съ важностію и вовсе не теряя присутствія духа.

(За тѣмъ, вечеромъ, старшимъ Студентамъ, у него бывшимъ послѣ ужина, по долгу, о. Евлампій сказалъ: «Пускай бранятъ. У нихъ власть. Но напрасно не выслушали нашего оправданія. Можетъ быть и мы что ни будь сказали бы въ защиту свою»).

Всѣмъ намъ близко самолюбіе. Однако я не умѣю простить о. Евлампію его упорства. Онъ виноватъ кругомъ; оправдаться не можно. А Филаретъ правъ—кромѣ, можетъ быть, жесткости обличенія.

Такимъ образомъ, въ оба Академическія Отдѣленія, я предъ Великимъ Филаретомъ оказался оконфуженнымъ, тусклымъ, лѣнивымъ и слабымъ.

А, однако, и тотъ и другой конфузъ былъ во вторые дни экзамена, а не въ первые.

Въ первые дни, и въ Низшемъ и въ Высшемъ Отдѣленіи, по Философіи и по Догматической Богословіи, я отвѣчалъ изрядно, по крайней мѣрѣ, безъ замѣшательствъ и конфуза.

Однако же, о чемъ былъ вопрошенъ, теперь не помню.

Помню только, что по Богословіи, которая читалась на Латинскомъ языкѣ, читая отвѣтъ, я позабылъ одно слово, глаголъ, совершенно необходимое, и попросилъ назвать мнѣ его по Латыни. Моя рѣчь была: «Excidit memoriae meae verbum Latinum ad exprimendum verbum Rossicum... такое-то.» Филаретъ улыбнулся, и назвалъ Латинское слово (теперь не помню, ни Русскаго, ни Латинскаго, слова).

Въ первый день экзамена въ Высшемъ Отдѣленіи мнѣ даже повезло дать отвѣтъ на вопросъ Митрополита, одобренный.

При чтеніи параграфа изъ Догматической Богословіи о Божествѣ Іисуса Христа Филаретъ спросилъ:

«Но чему Іисусъ Христосъ ни однажды не сказалъ прямо: «Я есмь Богъ, Сынъ Божій, единосущный Отцу и Святому Духу?»»

«Но чему и Евангелисты, ни одинъ ни однажды, не выразили сей же рѣчи прямо?»

«Если бы сказано было Самимъ Христомъ, или Его Евангелистами прямо, что Христосъ есть Богъ Самосущій: то не возможны были бы такія ереси, подобныя, на примѣръ, Аріевой.»

На этотъ вопросъ было нѣсколько отвѣтовъ, которые, однако же, Филарета не удовлетворяли.

Я всталъ и сказалъ:

«Апостолъ Павелъ сказалъ: «Никто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ» (1 Кор. 12, 3). А Евангелистъ Іоаннъ, изъясняя рѣчь Іисуса Христа о водѣ живой, которая истечетъ изъ чрева вѣрующихъ во Христа, сказалъ: «Сіе рече о Дусѣ, его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его: не у бо бѣ Духъ Святыи, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ» (Іоан. 7, 39). По сему, если бы Іисусъ Христосъ и сказалъ прямо, что Онъ Сущій Богъ: Его сей рѣчи не могли бы вытѣснить умы человѣческіе, безъ содѣйствія Духа Святаго, который въ это время еще не дѣйствовалъ.»

Послѣ сего моего отвѣта Филаретъ выслушивалъ и нѣкоторыхъ другихъ рѣчи. Потомъ, наслушавшись, онъ сказалъ:

«Монахъ отвѣчалъ хорошо,» т. е., я. Я всталъ и поклонился.

За тѣмъ Филаретъ началъ развивать и расширять мою мысль: изъ хоть на основаніи ея, своимъ, одному ему свойственнымъ, краснорѣчіемъ, и наиболее стоялъ на слѣдующемъ:

«Каждая рѣчь, каждое дѣйствіе, и особенно чудотворенія, столь многочисленныя, такъ разнородныя, столь внезапныя, безъ приготовленій, тономъ повелителя, показывали ясно, что Христосъ есть, въ видѣ чловѣка, превышій естества чловѣческаго. Чистый умъ, прямая совѣсть, доброе сердце, всюду видѣли въ Христѣ Бога, хотя не умѣли и не смѣли сего выразить.»

«Аріи и ему подобные безотвѣтны. Они безчестно искажали слова Христовы, чтобы поддержать свое нечестіе.»

V.

Въ 1828 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, прибылъ ко мнѣ въ Академію мой зять, Амвросій Васильевичъ Уваровъ, бывший Священникомъ въ селѣ Мячково-Луково, Коломенскаго Уѣзда. Онъ прѣхалъ ко мнѣ за совѣтомъ: въ томъ же Уѣздѣ, отъ Мячкова верстѣ 20, открылось Священническое мѣсто въ селѣ Бояркино. Амвросій хотѣлъ бы перемѣститься на это мѣсто, которое онъ называлъ отличнымъ.

Я ему не совѣтовалъ, говоря: а) Если правда, что Бояркино мѣсто отличное, то на него проситься будутъ многіе, достойнѣе тебя; б) ты только годъ Священникомъ, и въ хорошемъ селѣ: Митрополитъ не уважитъ твоей просьбы; в) можно опасаться прогнѣвать его своею суетностію, и за тѣмъ быть въ опасности оставаться подъ его всегдашнимъ пренебреженіемъ. Амвросій твердилъ свое и усердѣннѣе просилъ написать просьбу къ Филарету. Я рѣшился.

Наша просьба была не форменная, обычная, а родъ просительнаго письма. Я изложилъ въ немъ все свои познанія, и говорилъ (отъ имени Амвросія Священника):

«Правда, я Священникъ, на хорошемъ мѣстѣ: но, Владыка, кто не желаетъ лучшаго? И Великій Григорій Богословъ погрузился, будучи опредѣленъ Епископомъ въ Сасимы, глухое и бѣдное мѣстечко. Въ Мячковѣ одни мужики; въ Бояркинѣ есть дворяне.»

Говорилъ и еще много, чего не помню.

Подалъ такую просьбу Амвросій. И что же? Видъ всякихъ чаяній, Владыка отказалъ тридцати просителямъ, между коихъ были и Благочинные, и опредѣлилъ Амвросія!

Такъ воспринячивъ былъ Владыка тамъ, гдѣ есть что ни будь особенно живое!

Впрочемъ, для него осталось, конечно, не извѣстнымъ, кто написать такую просьбу Амвросію; всего вѣрнѣе, онъ ее приписывалъ ему самому. Да и я, я вовсе не извѣстенъ былъ Владыгѣ.

VI.

Въ Февралѣ 1829 года, будучи Студентомъ Высшаго Отдѣленія Академіи, я подалъ просьбу о поступленіи въ монашество: 31 Марта, того же года, въ пятое воскресенье Великаго Поста, я постриженъ былъ въ монашество. Митрополитъ Филаретъ тогда былъ въ С.-Петербургѣ, для присутствованія въ Св. Синодѣ.

Онъ прислалъ мнѣ свой подрясникъ, немного поношенный, чер-
ный, шелковый. Я сохранилъ этотъ подрясникъ доселѣ, хотя онъ почти
совсѣмъ распустился. Примѣчательно: ниже пояса, въ ногахъ, полы за-
стегиваются особою пуговицею, такъ что ни въ какомъ случаѣ полы
распахнуться не могутъ на столько, чтобъ видно было бѣлье. Какой
цѣломудренный монахъ былъ Владыка Филаретъ!

Подрясникъ не въ обтяжку, какъ обыкновенно шьютъ, но столь
широкій во всѣхъ частяхъ, что послѣ подпоясання дѣлаетъ кругомъ
складки и боры.

Такіе гостиницы Филаретъ шлетъ всякому монаху-студенту.

По глупости, я позавидовалъ было, что, на пр., Филарету (въ по-
слѣдствіи Архіепископу Черниговскому, моему товарищу)¹⁴ Владыка
прислалъ новый атласный фіолетоваго цвѣта подрясникъ (приложенъ
даже кусокъ остатка); но въ послѣдствіи я дорожилъ даромъ моимъ
тѣмъ болѣе, что онъ поменьше.

VII.

Черезъ три мѣсяца по постриженіи въ монашество, Митрополитъ
Филаретъ рукоположилъ меня во Іеродіакона, въ Лаврѣ, въ Троицкомъ
соборѣ, 5 Іюля, въ день Преподобнаго Сергія, въ 1829 году.

Черезъ годъ, въ 1830 году, лишь по окончаніи нами Академиче-
скаго курса, Владыка Филаретъ рукоположилъ меня и во Іеромонаха,
тоже въ Лаврѣ и тоже въ Троицкомъ соборѣ, 1 Іюля, который тогда
былъ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Тутъ случилось со мною приключеніе: послѣ литургіи былъ Цар-
скій молебенъ. Я спрашиваю Іеромонаха (Дамаскина), возлѣ котораго
я стоялъ въ литургію по посвященіи въ Іеромонаха: «Ити ли мнѣ
на молебенъ?» Онъ сказалъ: «Нѣтъ!» Спрашиваю еще: «Гдѣ мнѣ стать?»
Отвѣтъ: «Становись около меня.» Я такъ и сдѣлалъ.

Но на этотъ молебенъ собрались цѣлая туча Духовенства: На-
чальство Духовной Академіи и Семинаріи, Начальство Лавры, посадское
Духовенство, всего, по крайней мѣрѣ, тридцать Священно-священныхъ;
Іеромонахъ Дамаскинъ, около котораго я стоялъ, былъ какой-то чи-
новный въ Лаврѣ, и при томъ принадлежалъ къ первому собору (въ
Лаврѣ есть и другой соборъ монаховъ). По сему, вмѣстѣ съ Дамас-
кинымъ, я сталъ въ четвертой, или пятой, парѣ.¹⁵

Когда мы всѣ выстроились среди собора, Филаретъ, замѣтивъ
меня такъ высоко, послалъ Протодіакона, сказавъ ему и указывая на

меня: «Поди, поставь молодого Іеромонаха на своемъ мѣстѣ!» Я слышала это приказаніе и, не зная, куда ити и гдѣ стать, ожидала распоряженій. Протодіаконъ, тѣсясь позади линіи собора ко мнѣ, подошелъ, и своимъ ревущимъ голосомъ на всю церковь сказалъ: «Отецъ молодой Іеромонахъ! Ты сталъ не на своемъ мѣстѣ. Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Филаретъ приказалъ поставить тебя на своемъ мѣстѣ: пожалуйста!» И, схвативъ меня за ризу у затылка, потащилъ меня почти волокомъ (было весьма тѣсно) къ низу, и поставилъ на послѣднемъ мѣстѣ! Мѣсто сіе было уже на солѣхъ, у царскихъ дверей, и я, опозоренный, сталъ на виду всего собора!

Въ этотъ разъ, по милости Божіей, чувствуя себя виновнымъ, я не занялся личностію своею, даже не проплакалъ: моя душа исполнена была чувствія освященія меня саномъ Іерея. Между тѣмъ я узналъ, что многіе изъ за меня проплакали.

Даже и самъ Владыка, какъ мнѣ послѣ сказывала Боярыня Тучкова, ¹⁶ весь этотъ день былъ смущенъ и обезпокоенъ.

Я думаю, Владыка самъ увидѣлъ, что поступилъ со мною слишкомъ нещадно, и стыдился себя самого.

Однако сей случай послужилъ мнѣ урокомъ на всю мою жизнь, и нерѣдко спасалъ меня отъ подобныхъ приключеній, кои, къ несчастію, въ виду моемъ, не разъ совершались надъ многими.

Такъ-то надо мною исполнилось Евангельское слово:

«Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сяди на преднемъ мѣстѣ: едакто честиѣ тебе будетъ званыхъ. И пришедъ иже тебе звавый и онаго, речетъ ти: «Дажь сему мѣсто!» «И тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати.» (Лук. 14, 8, 9)

Между тѣмъ сіе происшествіе не имѣло никакого вліянія на будущую мою судьбу.

УІІІ.

Я кончилъ курсъ Академіи въ 1830 году, въ первомъ разрядѣ, и былъ поставленъ въ списокъ пятымъ. Я удостоенъ былъ, въ числѣ 12 (или болѣе), званія Магистра.

Въ санѣ монашествующихъ насъ было пять:

1) Филаретъ (2-й Магистръ) былъ оставленъ Баккалавромъ Академіи.

2) Никонъ (старшій Кандидатъ) назначенъ былъ Инспекторомъ въ Пермскую Симианію; 3) Поликарпъ Мильтоновъ (младшій Кандидатъ) назначенъ былъ Инспекторомъ въ Иркутскую Симианію; 4)

Іоасафъ Шовскій (Кандидатъ, изъ Священниковъ Тамбовской Епархіи) назначенъ былъ (черезъ полгода) Смотрителемъ Епифанскаго Духовнаго Училища, Тульской Епархіи; 5) Я, Никодимъ, назначался въ Тульскую Семинарію. Но Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Евлампій, воспротивился рѣшительно, сказавъ: «Никодима слѣдуетъ испытать: можно опасаться за его благоповеденіе.» По тому Конференція назначила меня Профессоромъ Богословія во Владимирскую Семинарію.

Когда поданъ былъ сей списокъ размѣщенія Митрополиту, онъ сказалъ: «Приличнѣе Инспекторомъ въ Тулѣ быть монаху, нежели свѣтскому.» И вычеркнулъ Ивана Смирнова (4-го Магистра) изъ Инспектора Тулы, и поставилъ меня на его мѣсто, а Смирнова на мое мѣсто—во Владимиръ.

О. Евлампій либо не осмѣлился возражать, либо пожалѣлъ обо мнѣ.

Не стѣую на Евлампія: въ его тогдашнихъ понятіяхъ обо мнѣ, я могъ ему казаться опаснымъ. Въ послѣдствіи онъ получилъ противоположныя вразумленія: любимые и восхваляемые имъ монахи и иные были холодны къ нему, а одинъ нанесъ большія досады, а я послужилъ ему какъ сынъ покорный, уже въ Архіерейскомъ санѣ, въ Казани, гдѣ я былъ Викаріемъ, а о. Евлампій жилъ на покоѣ въ тамошнемъ Свѣжскомъ монастырѣ, послѣ Тобольскаго Архіепископства.

Спасибо и Владыкѣ! Огорченіе, мною нанесенное ему 1 Іюля, онъ не припомнилъ, и спокойно воздалъ мнѣ подобающее.

IX.

Въ Тульскую Семинарію я прибылъ въ Сентябрѣ 1830 года.

Въ этотъ годъ впервые появилась холера, великій гнѣвъ Божій, прошла по Россіи отъ Уфы, Оренбурга и Астрахани, насквозь до западныхъ ея предѣловъ.

Въ Москвѣ она открылась въ концѣ Сентября, а въ Тулѣ въ началѣ Декабря.

По малодушію, я весьма боялся умереть отъ холеры; я сталъ проситься въ Московскую Академію въ Баккалавры, вѣря, что въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія я буду сохраненъ (Подлинно, въ Лаврѣ не умеръ ни одинъ человекъ отъ холеры).

Я, впрочемъ, писалъ объ этомъ только письма, и только къ сво-

ему товарищу, Баккалавру Филарету. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Я предлагалъ твое прошеніе о. Ректору: онъ называлъ тебя сумасшедшимъ.» Я понялъ. Молился Богу.

Холера поразила двухъ Профессоровъ въ Тулѣ, Протоіерея Базарова и Священника Зайцевскаго; заболѣвали по сту человѣкъ въ сутки и болѣе.

Но Семинарію Богъ хранилъ: не заболѣлъ и не умеръ холерою никто, ни ученикъ, ни начальникъ, ни служитель.

Я, однако же, изнуренный душевно и тѣлесно, не имѣя при томъ въ Семинаріи занятій; ибо ученіе было съ Ноября прекращено и ученики разѣхались (часть, однако, осталась), успѣлъ умолить Преосвященнаго Дамаскина: «Онъ меня уволилъ въ Москву на мѣсяцъ.»

25 Декабря, въ день Рождества Христова, отслуживъ литургію, я поѣхалъ въ Москву.

Холера въ Тулѣ съ этого времени быстро ослабѣвала, и къ половинѣ Генваря прекратилась. Въ Москвѣ же къ Рождеству сочли городъ благополучнымъ.

Я не долго побылъ въ Москвѣ: отправился тотчасъ къ родителямъ, на родину, въ село Комлево, Рузскаго Уѣзда.

Я разсуждалъ: «Если и умру, то пусть же это будетъ въ очахъ моихъ родителей.»

Здѣсь не было холеры.

Я гостилъ съ мѣсяцъ. Въ это время я ѣздилъ съ матушкою на Бородинскія поля (около 30 верстъ отъ насъ), и тутъ былъ облаканъ Маргаритою Михайловною Тучковою.

Она матерински вошла во все мое положеніе, а я, безъ всякихъ намѣреній и расчетовъ, изъяснилъ ей мои чувства, страданія и желанія. Игуменія не обѣщала мнѣ ничего: но я не сомнѣваюсь, что, по ея ходатайству предъ Митрополитомъ Филаретомъ, я переведенъ былъ изъ Тульской въ Новгородскую Семинарію, въ Маѣ 1832 года, на тѣ же должности Инспектора и Профессора Семинаріи.

Бывши въ это время дважды въ Москвѣ, я не смѣлъ явиться къ Митрополиту, по тому что отлучку мою почиталъ однимъ моимъ малодушіемъ. Но послѣ я узналъ, что Владыка отечески пожалѣлъ, что я не былъ у него, даже обѣщалъ мнѣ и помѣщеніе въ своемъ домѣ.

(Сіе я узналъ отъ Протоіерея и Ректора Тульскаго Духовнаго Училища, Козьмы Максимовича Органова, бывшего вскорѣ послѣ меня въ Москвѣ и у Митрополита).

X.

Въ 20-ти тысячное мое первое пребываніе въ Тулѣ два раза гостила у меня моя матушка, и по матернему чувству вообще, и желая мнѣ послужить при моемъ хиломъ здравіи.

Въ это время у родителей моихъ оставалась на рукахъ послѣдняя дочь ихъ, а моя сестра, Марія, дѣвица совершенныхъ лѣтъ.

Я задумалъ: «Попробую предложить мою сестру Тульскому Семинаристу, съ тѣмъ, что я возьму на себя перевести его въ Московскую Епархію и исходатайствовать ему тамъ священническое мѣсто.»

Я предложилъ это мнѣніе моей матушкѣ: она согласилась съ радостію.

Тогда я сказалъ ей: «Выбирайте любого Богослова, а я постараюсь склонить его на наше предложеніе.»

Матушка выбрала Егора Кирилловича Добропорова, степеннаго и богобоязненнаго Семинариста. Я предложилъ ему наше желаніе: онъ согласился съ восторгомъ.

Отбывая изъ Тулы въ Мав 1832 года, когда еще Г. Добропоровъ не кончилъ курса, я просилъ его сдержать данное намъ обѣщаніе, и прибыть въ Москву осенью.

Онъ точно прибылъ. Владыка Филаретъ милостиво согласился принять его въ Московскую Епархію, и далъ ему Священническое мѣсто, хорошее, на рѣкѣ Петръ, Рождественское.

Не имѣя случая видѣть Владыку въ Москвѣ, въ проѣздъ мой изъ Тулы въ Новгородъ, по тому что Владыка еще не возвратился изъ Петербурга, я просилъ его о семъ нашемъ дѣлѣ письменно изъ Новгорода.

Разскажу подробности:

Устроить все дѣло у Митрополита рѣшилась матушка, полагая себя столь умною, что надѣялась кончить благополучно.

Явилась къ Митрополиту. Но у него сотни просителей: она—простая жена причетника. Введена была въ пріемную залу, на ряду съ десятками просителей. Филаретъ обходитъ ихъ по порядку, объявляетъ каждому, что почитаетъ должнымъ сказать.

Подходитъ къ матушкѣ: она падаетъ ему въ ноги и заливаясь слезами.

Филаретъ. «Что тебѣ нужно?»

Матушка.—Ваше Сіятельство, призрите мою Машеньку!

Филаретъ. «Кто твоя Машенька?»

Матушка. — Дочь моя.

Филаретъ. «Ты вдова?»

Матушка. — Нѣтъ, у меня живъ мужъ.

Филаретъ. «Кто онъ и гдѣ?»

Матушка. — Дьячекъ въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго Уѣзда

Филаретъ. «За чѣмъ же не онъ пришелъ?»

Матушка. — Призрите, Ваше Сіятельство, мою Машеньку!

Не види возможности узнать дѣло, и не желая тратить время,

Филаретъ сказалъ ей: «Поди къ Письмоводителю моему!»

Александръ Петровичъ Святославскій, Письмоподатель Владыки, отобралъ у матушки нужныя свѣдѣнія и доложилъ Владыкѣ: «Это, де, мать Никодима, Инспектора Новгородской Семинаріи; а проситъ о дозволеніи Тульскому Семинаристу перейти въ Московскую Епархію и въ ней получить Священническое мѣсто, съ тѣмъ, что онъ вступить въ супружество съ сестрою Никодима, Марією, а сей Дьячихи дочерію.»

Дѣло было устроено тотчасъ.

Сей примѣръ есть образецъ благоразумія, благосердія и благопопечительности Митрополита Филарета.

Не многіе Архіереи столь внимательны къ простой и бѣдной женѣ причетника, не умѣющей при томъ изъяснить и сущность своего прошенія.

У добраго Архипастыря какой и Письмоводитель!

Александръ Петровичъ Святославскій, Семинаристъ Московской Семинаріи, хорошо окончившій курсъ, почти ровесникъ Филарету, по любви къ нему и по довѣрію Филарета къ нему, посвятилъ ему всю свою жизнь: лѣтъ за десять до Филарета онъ скончался у него на службѣ и какъ бы на рукахъ его. ¹⁶

Александръ Петровичъ зналъ всю душу Филарета и, конечно, причастенъ величайшимъ секретамъ жизни его. Онъ умѣлъ ихъ хранить и послужилъ великому Владыкѣ честно, какъ добрый Христіанинъ.

Не только бѣдныя Дьячихи, какова моя матушка, но и Протоіереи и Іереи, Архимандриты и Игумены, а подѣ часть и Архіереи, имѣли въ Александръ Петровичъ благороднаго, честнаго и долготерпѣливаго посредника между ними и Владыкою.

Александръ Петровичъ былъ нестяжательный. Ему никто не смѣлъ принести гостинца, развѣ малость, на пр., пару нитяныхъ носковъ (отъ женскаго монастыря). Владыка давалъ ему хорошее жалованье (кажется, тысячу рублей), кромѣ стола, квартиры, экипажа и прислуги. При томъ онъ былъ и экономомъ всего, лично относящагося

къ Митрополиту: его стола, комнатъ, одежды, экипажей, прислуги и прочее.

Владыка Филаретъ даже въ семъ отношеніи есть примѣрный, хотя едва ли не безпримѣрный, Русскій Архіерей.

Александръ Петровичъ былъ холостъ, такъ и жизнь свою кончилъ: конечно, въ честь святаго Владыки, коему служилъ.

XI.

Съ 17 по 25 Маія, 1832 года, я ждалъ въ Москвѣ пріѣзда Владыки Филарета изъ Петербурга, чтобъ имѣть утѣшеніе поклониться ему, припять благословеніе и, можетъ быть, выслушать наставленіе для будущей моей службы. Я ѣхалъ въ чужую область, о бокъ къ Петербургу, въ Новгородскую Семинарію.

Я, однако же, не дождался. Выѣхалъ 25 Мая. И что же? На второй станціи, въ промежуткѣ, встрѣтилъ Великаго Филарета: ѣдетъ въ каретѣ, съ большими стеклами, въ полной формѣ Митрополита. Я поклонился ему.

Пріѣхавши на станцію, я, какъ бы сомнѣвающійся, спросилъ у Станціоннаго Смотрителя: «Кажется, Митрополитъ Филаретъ проѣхалъ?» Тотъ, съ полуупрекомъ отвѣчалъ мнѣ: «Да, проѣхалъ Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Членъ Святѣйшаго Синода.» И за тѣмъ подивился, что я, духовный человѣкъ, такъ сухо называлъ Филарета. Но я, конечно, не уступалъ никакому Станціонному Смотрителю въ степени и чистотѣ чувствій моихъ къ великому Архипастырю. Я спросилъ сухо по тому, что опасался дерзостей и осмѣянія отъ свѣтскаго, выразившись тономъ того благоговѣнія предъ Владыкою, коимъ я тогда (и всегда) былъ пренеполненъ.

Я долго смотрѣлъ на карету его, въ задъ ея, провожая глазами какъ бы мою радость и счастье, хотя я не зналъ бы, что ему сказать и о чемъ просить, если бы онъ удостоилъ остановиться и благословить меня.

XII.

Въ Новгородской Семинаріи я прожилъ только 17 мѣсяцевъ. Пріѣхалъ 29 Маія, 1832 года, въ Троицынъ день, а выѣхалъ 29 Октября, 1833 года.

Въ это время, въ Новгородской Семинаріи въ одинъ разъ и въ

одно время перемѣнились и Ректоръ и Инспекторъ: Ректоръ Иліодоръ посвященъ во Епископа въ Курскъ, ¹⁸ Инспекторъ Елпидифоръ определенъ Ректоромъ Курской Семинаріи. ¹⁹

Эти два лица были глубокіе и искренніе друзья между собою. Иліодоръ исходатайствовалъ своему Инспектору другу Ректорство въ Епархіи Курской.

Ректоромъ, на мѣсто Иліодора, въ Новгородскую Семинарію поступилъ о. Анатолій, Ректоръ Бѣлгородской (Курской) Семинаріи, ²⁰ Инспекторомъ—я.

Ректоръ о. Анатолій прибылъ въ Новгородскую Семинарію пораньше меня, за недѣлю, или дней за 10.

Я пріѣхалъ: меня съ отверстыми объятіями принялъ новыи Ректоръ, и провелъ прямо къ себѣ. У него были гости—все Учители Семинаріи (Троицынъ день—6 час. вечера), и я тутъ же познакомленъ былъ со всеми моими сотоварищами.

О. Анатолій Каменецъ-Подольскій. Отецъ его Малороссъ, мать Молдаванка. Имя его въ мѣръ Августинъ, фамилія Мартыновъ; по окончаніи курса онъ былъ Священникомъ. Овдовѣвши, онъ поступилъ въ Кіевскую Д. Академію, и кончилъ курсъ Магистромъ (кажется, 2 курса).

Я не видывалъ доселѣ близко Малороссовъ, и не умѣлъ понимать ихъ.

Но мнѣ скоро довелось выносить тяжкіе уроки отъ о. Ректора. Почитая меня себѣ врагомъ, ищущимъ его погубленія, съ надеждою занять его мѣсто, вооружился на меня, не извѣстными дотолѣ мнѣ, интригами наущничества, коварства и лицедейства. Все это росло и возрастало быстро до того, что дошло дѣло до бумажныхъ протестовъ противъ меня и самыхъ эксцентрическихъ жалобъ.

Ректоръ сперва подалъ Правленію Семинаріи записку съ 9-ю пунктами обвиненія Инспектора. Потомъ, когда оставшійся постороннимъ членомъ, Економъ, отказался произносить сужденіе по запискѣ, Ректоръ обратился съ нею къ Преосвященному, Викарію Новгородскому, Тимофееву. ²¹ Когда же Тимофеевъ не принялъ на себя разбирательства нашего дѣла, Ректоръ препроводилъ сію записку къ Преосвященному Смарагду, Викарію С.-Петербургскому, ²² умолая его спасти и его, Анатолія, и Семинарію отъ Инспектора, самаго испорченнаго человѣка.

Въ это же время о. Анатолій валялся въ погахъ у меня, прося прощенія за нанесенное имъ мнѣ оскорбленіе его жалобою на меня въ Правленіе Семинаріи и къ Викарію Новгородскому.

А я межъ тѣмъ былъ тяжело боленъ. Изнурительный поносъ угрожалъ мнѣ близкою кончиною: я готовился въ вѣчность!

Все это было въ Октябрѣ и Ноябрь 1832 года.

Интриги и нападенія Ректора не только не прекращались, но и возрастали; въ Преосвященномъ Тимоѣѣ, хотя ясно видѣвшемъ въ Ректорѣ безпокойнаго челоовѣка и завистника, а во мнѣ гонимаго изъ зависти, я не находилъ твердой рѣшительной защиты. По сему я рѣшился съѣздить въ Петербургъ, и тамъ лично, представъ предъ Митрополита Серафима, ²⁰ объяснить несносныя обиды, мнѣ причиненныя отъ Ректора.

Не скрою, что хотѣлось видѣть и Петербургъ, будучи отъ него такъ близко (180 верстъ).

Въ Святки я выпросилъ у Преосвященнаго Тимоѣя, съ согласія Семинарскаго Правленія, отлучиться въ С. Петербургъ.

Предъ Митрополита Серафима въ С.-Петербургѣ я предсталъ 29 Декабря, 1832 года, часовъ въ 9 утра.

Сперва потребовалъ меня къ себѣ Алексѣй Ивановичъ Сусловъ, Письмоводитель Митрополита. Послѣ разсировавъ, откуда я, гдѣ учился, гдѣ служилъ, онъ круто и гордо спрашивалъ меня: «За чѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ?» Скрывая досаду, я коротенько сказалъ, что терплю отъ Ректора, и желаю представить мои оправданія Владыкѣ. Послушавъ меня немного и, кажется, не давши мнѣ договорить, онъ дерзко сказалъ мнѣ въ глаза: «Ты негодный Инспекторъ!»

Потомъ пошелъ доложить обо мнѣ Митрополиту. Меня потребовали въ гостиную или въ парадную переднюю (а не въ залу). Митрополитъ прохаживается.

По обычаю, я поклонился Митрополиту въ ноги, и прошу благословенія.

Митрополитъ. «Къ чему эти поклоны? Терпѣть не могу лести.»

Потомъ сталъ меня спрашивать: откуда я родомъ, гдѣ учился, гдѣ служилъ?

Дошелъ наконецъ до дѣла.

Митр. «За чѣмъ ты пріѣхалъ?»

Я.—Принять благословеніе отъ Вашего Высокопреосвященства.

М. «Кто тебя звалъ?»

Я молчалъ.

М. «Кто тебя сюда уволилъ?»

Я.—Преосвященный Викарій, съ согласія Правленія Семинаріи.

М. «Глупо Правленіе и Архіерей неостороженъ. Отпустилъ молодого монаха болтаться по Петербургу, безъ всякой нужды.

«Хорошо ли ты живешь въ Новгородѣ?»

Я.—Отецъ Ректоръ считаетъ меня неспособнымъ, но я, съ своей стороны, употребляю все раченіе угодить ему и его приказанія по возможности исполняю.

М. «Лжешь ты: противъ него возмущаешь Семинаристовъ, потворствуешь ихъ шалостямъ, заступаешься за бездѣльниковъ, и чрезъ то отнимаешь руки у Ректора.

«Ты хочешь выслужиться предъ Семинаристами, привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ Ректора, который стремится къ истребленію бездѣльности.

«Потачка рождаетъ безстрашіе. А гдѣ безстрашіе, тамъ гибель общества.

«Ты хочешь величаться своимъ милосердіемъ на счетъ чести Ректора, помрачить его собою съ тѣмъ, чтобъ изринуть его, и занять его мѣсто: Кто ты такой? Мальчикъ, котораго никто не знаетъ. А твой Ректоръ человѣкъ уже съ заслугами, испытанный. Я его выпросилъ себѣ у Курскаго Архіерея, ²⁴ какъ милость. А ты кто?

«Если я услышу о тебѣ еще одно нехорошее слово, я тебя сошлю въ монастырь, куда не заносилъ воронъ костей, и тамъ брошу на братскую порцію. Да не думай, что когда ни будь воскреснешь: тамъ и сгніешь.»

Потомъ, давъ себѣ не много отдохнуть, Митрополитъ продолжалъ:

М. «Гдѣ ты остановился?»

Я.—У Испектора Семинаріи (Петерб.).

М. «Какъ онъ тебѣ знакомъ?»

Я.—Никакъ.

М. «По чему же ты у него остановился?»

Я.—По сходству нашей службы.

М. «Скоро ли поѣдешь назадъ?»

Я.—Какъ прикажете, Владыка Святый.

М. «Что мнѣ приказывать? Ты не спрашивался у меня прѣхать сюда.

«Но вотъ тебѣ сказка: «Не званаго гостя въ первый день дарятъ золотомъ, во второй серебромъ, въ третій уже оловомъ. А въ четвертый, если онъ самъ не догадается, укажутъ двери, Стунай!»

Вотъ рѣчь суровая, безжалостная Митрополита Серафима.

Моя душа [ощѣпекѣла Собравшись не много съ духомъ, и поѣхалъ къ Московскому Митрополиту Филарету.

Этотъ мудрый, сердобольный отецъ принялъ меня очень ласково, и тотчасъ посадилъ противъ себя.

Послѣ немногихъ словъ, Филаретъ спросилъ меня: «Каково тебѣ жить въ Новгородѣ?»

Такой вопросъ, послѣ не простывшаго еще жара отъ истязаній Митрополита Серафима, взволновалъ мое сердце: слезы потекли ручьями. И я не могъ выговорить ни слова.

Митрополитъ: «Ты плачешь? О чемъ? Что съ тобою?»

Но я задыхался въ слезахъ, и не могъ выговорить ни единого слова.

Помолчавъ не много, и давъ не много утихнуть волненію, Филаретъ сказалъ про себя: «Надобно переменить разговоръ.»

М. «Бываешь ты у Архимандрита Фотія?» ²⁵

Я. — Бывалъ.

М. «Часто ли?»

Я. «Бывалъ всего разъ восемь.»

М. «Станный человѣкъ! Поѣхалъ молиться Богу въ Воронежъ, доѣхалъ до Тулы, и воротился назадъ.

Потомъ: «Ну, скажи же, о чемъ ты плачешь?»

Я рассказалъ коротко поступки со мною Ректора, и то, какъ меня сейчасъ тязалъ Митрополитъ Серафимъ.

Филаретъ пожалѣлъ и сказалъ: «Жаль тебя; но мнѣ не ссориться же за тебя со Владыкою Серафимомъ. Поди къ Степану Дмитриевичу Нечаеву (Оберъ-Прокурору Св. Синода). ²⁶ Я отвѣчалъ на отрѣзъ: «Не пойду. Свѣтскихъ я не буду просить за себя.»

Филаретъ улыбнулся, всталъ и сказалъ: «Иди, живи съ Богомъ въ Новгородѣ; старайся угождать Ректору, въ чемъ можно, безъ оскорбленія совѣсти. Я не думаю, чтобы онъ сталъ продолжать притѣсненія. Если жь, паче чаянія, онъ опять станетъ тебя тѣснить, ты скажи ему: «Позвольте мнѣ, о. Ректоръ, для успокоенія васъ и себя, проситься въ другую Семинарію. Въ прошеніи я не скажу ничего о нашихъ неудовольствіяхъ, а буду проситься, чтобы перевели меня въ какую ни будь Семинарію поужнѣе Новгородской, для поправленія здоровья.» Тогда мы дадимъ тебѣ другое мѣсто. Я не думаю, чтобы Ректоръ осердился на такую просьбу.»

За тѣмъ узнавши, что Митрополитъ Серафимъ приказалъ мнѣ скоро

выѣхать изъ Петербурга, пожалѣлъ, что я не могу видѣть Петербурга и сказалъ: «Посмотри, по крайней мѣрѣ, лучше!»

Я проѣхалъ по Невскому Проспекту, видѣлъ Дворецъ, Сенатъ; Исакиевскій Соборъ былъ разобранъ. Протѣхалъ по Набережной, и еще гдѣ-то, не помню.

И такъ вотъ на сценѣ два Митрополита, истязующіе одного монаха за одно дѣло!

Вся честь доброты душевной, вся слава разумнаго снисхожденія, вся честь проницательности и правомѣрія принадлежить Филарету.

Онъ быстро понялъ и обнялъ все дѣло: Малороссъ, старикъ, объятый ласками Серафима, встрѣтился съ Русскимъ монахомъ, молодымъ, но кое-что понимающимъ, изъ зависти и досады захотѣлъ раздавить его. Филаретъ почелъ справедливымъ и человѣколюбивымъ прикрыть молодого монаха и ободрить.

Напротивъ Серафимъ не имѣетъ оправданія. Не узнавши основательно, кто правъ и кто виноватъ въ дѣлѣ столкновенія, онъ безчеловѣчно и несправедливо обрушился на слабѣйшаго. Къ тому столь неумѣренные угрозы, почти ребенку, весьма непристойны такой высокой особѣ.

Видна розница и въ Письмоводителяхъ. Филаретовъ, Александръ Петровичъ — мягкость, человѣколюбіе, добродѣтель; Серафимовъ — наглость, гордость, презорство.

У мѣста сказать: Филаретъ, по крайней мѣрѣ для меня, всегда былъ одинъ: правда и милость!

Серафимъ, послѣ описанной сцены со мною, чрезъ шесть съ половиною лѣтъ, того же маленькаго Никодима приказывалъ, въ той же Петербургской Лаврѣ, въ тѣхъ же комнатахъ, тому же своему Письмоводителю, Алексѣю Ивановичу, отвезти къ Оберъ-Прокурору въ его, Серафимовой, каретѣ! Я ѣхалъ въ Одессу.

Въ 1841 же году, на прощаніи моемъ, онъ мнѣ сказалъ: «Потѣжай съ Богомъ! Здѣсь ты былъ очень хорошъ. Да и прежде ты служилъ въ разныхъ мѣстахъ всегда одобрительно (онъ заставилъ меня пересчитать мѣста моей службы). Надѣмся, что и въ Одессѣ будешь служить хорошо. Если понадобится намъ здѣсь, мы тебя отсюда вызовемъ къ себѣ опять.»

Такъ Филаретъ не говаривалъ. Его слова не на воздухъ, а суть дѣло, сущее, правда, степенность.

XIII.

Митрополитъ Филаретъ проѣзжалъ ²⁷ чрезъ Повгородъ трижды: дважды изъ Москвы въ Петербургъ, въ двѣ осени (1832 и 33 г.), и однажды изъ Петербурга, весною 1833 года.

Ректоръ мой, о. Анатолій, не видывалъ Филарета. Ему весьма хотѣлось видѣть его.

Два раза намъ не удавалось видѣть его. Митрополитъ обыкновенно останавливался въ Кремлѣ, у Викарія, который жилъ въ Архіерейскихъ палатахъ у Софійскаго собора. Антоніевъ же монастырь (гдѣ Семинарія за городомъ) будетъ болѣе двухъ верстъ до Кремля, и больше версты самая дурная загородная дорога.

Въ первый разъ, осенью 1832 года, мы вовсе пропустили его.

Во второй разъ, весною 1833 года, хотя сѣвѣли опростѣю, и имѣли разставленныхъ сторожей, но увидѣли Митрополита уже на Волховскомъ мосту, т. е., выѣхавшимъ отъ Викарія. Мы поклонились. Владыка улыбнулся. Онъ перехитрилъ насъ! *

Онъ обѣдалъ за станцію до Новгорода; къ Викарію заѣхалъ только на то время, пока подадутъ лошадей, т. е., минутъ на 10. Изъ сего я осмѣливаюсь заключить, что Митрополитъ нарочно избѣгалъ встрѣчи и свиданія съ Ректоромъ, которое предполагалось, и я не нахожу другой причины, кромѣ нашей исторіи съ Ректоромъ.

Въ третій разъ, при проѣздѣ Митрополита изъ Москвы въ С.-Петербургъ, Ректоръ рѣшился непременно видѣть Митрополита. Для этого мы цѣлыхъ два дня провели въ Консисторіи, которая подъ домомъ Архіерейскимъ.

Митрополитъ, въ Сентябрѣ, пріѣхалъ къ Викарію, въ 8 часовъ вечера. Ректоръ бросился бѣгомъ (взявши теплую рясу на плечо), я за нимъ. Вошли въ домъ Архіерея, насъ спросили. О насъ доложили. Приказано войти.

Лишь отворилась дверь въ гостиную, Филаретъ стоитъ прямо ей, только въ рясу, съ непокрытой головой, съ распуценными волосами.

Ректоръ торопиво палъ въ ноги (на одно колѣно по Польски) Митрополиту.

Митрополитъ. «Что ты? За чѣмъ?»

* Гадаю, Владыка намѣренію поторопился уѣхать отъ Викарія, чтобы не имѣть некрѣпости видѣть Ректора Семинаріи, котораго онъ уже не могъ уважать.

Ректоръ.—Поздравить Ваше Высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ.

Митрополитъ. «Что? Говори яснѣе, не слышу.»

Ректоръ повторилъ тоже, но уже такъ крѣпко, что вышло весьма безобразно (онъ при томъ дрожалъ).

Митрополитъ. «Ну, скажи мнѣ, о. Ректоръ, гдѣ ты учился? гдѣ служилъ?» (Это уже сказано мягко).

Ректоръ сказалъ кратко: Учился въ Кіевской Академіи; былъ тамъ же Бакалавромъ. Потомъ былъ Ректоромъ въ Бѣлгородѣ, а отсюда переведенъ въ Новгородъ.

Митрополитъ. «Ты писалъ возраженіе на ревизію Архимандрита Евлампія, посланнаго изъ Московской Академіи въ Бѣлгородскую (въ Курской Епархіи) Семинарію, для обозрѣнія ея по Высочайшему повелѣнію?»²⁸

Ректоръ.—Помилуйте, Ваше Святѣйшество, за что мнѣ писать противъ него возраженія? Отецъ Евлампій умный, кроткій, снисходительный человѣкъ; я имъ обласканъ; я ему признателенъ: за что я буду на него писать?

Митрополитъ улыбнулся сардонически, видя полную побѣду надъ кознію. Сказалъ однако: «Кажется, писалъ ты. Вѣдь ты въ это время былъ тамъ Ректоромъ?»

Потомъ, обратясь къ Викарію (они уже сидѣли на софѣ), Владыка сталъ говорить: «Заносчивый и безпокойный человѣкъ! Ревизоръ донесъ, что нашель. Ректоръ хотѣлъ вывернуться. Безчестилъ и заподозривалъ ревизора. Наставилъ разныхъ крючковъ, и только себя привелъ еще въ большія подозрѣнія. Мнѣ показывалъ эти кляузы Преосвященный Владимиръ (Курскій, тогда бывший въ Петербургѣ).»²⁹ Я прочиталъ съ презрѣніемъ къ доносчику.»

Ректоръ опять началъ клясться и увѣрять, что онъ не писалъ возраженій на ревизію: но это лишь увеличивало увѣренность въ томъ, что онъ виновенъ.

Такъ Филаретъ унижилъ и потопталъ Ректора. Онъ показалъ о. Апатолію, кто онъ. Рѣчь о семъ прекратилась.

Филаретъ началъ другую рѣчь, за прохладу, и спросилъ мягко о. Ректора:

«Какихъ Отцевъ вы (а не ты) почитаете главными и преимущественно нужными для Богословіи?»

Ректоръ.—Василія Великаго, Августина, Оригена.

Митрополитъ. «Оригенъ учитель церковный, а не отецъ: у него есть заблужденія. Августинъ слишкомъ тонокъ и изысканъ. Его ува-

жають Западные. Нѣтъ, мы почитаемъ столпами Церкви и Вселенскими учителями Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.»

Филаретъ началъ характеризовать каждаго изъ сихъ Отцевъ удивлялся уму ихъ и благочестію, и указывалъ, въ чемъ особенно каждый изъ нихъ послужилъ для Церкви.

Такимъ образомъ Ректоръ опять остался пристыженнымъ.

По выходѣ отъ Митрополита, онъ воскликнулъ жалобно: «Впредь не буду вѣрить чужимъ рѣчамъ. Миѣ въ Кіевской Академіи твердили: «Филаретъ ставитъ Оригена выше всѣхъ Отцевъ.» А вышло не такъ.»

Слѣдовательно, Ректоръ отвѣчалъ не по своему убѣжденію, а во угожденіе Митрополита.

Послѣ сего Митрополитъ сталъ извиняться (нѣжно съ полуулыбкою, и съ полуироніею) въ томъ, что не заѣзжаетъ къ намъ въ Семинарію: «а) не всегда я проѣзжаю около васъ благовременно; б) чтобъ заѣхать къ вамъ, надобно свернуть съ дороги на версту, и ѣхать эту версту весьма неустроенною дорогою» (совершенно справедливо!). Потомъ заговорилъ: в) И монастырь вашъ (Антоніевъ) бѣдный, худо обстроенъ, худо поддержанъ. Семинарія ветхая, невзрачная, тѣсная, сырая.»

Ректоръ старался защищать и монастырь и Семинарію.

Филаретъ. «Ты все хвалишь; я тебѣ не вѣрю. (Это сказано съ милою полуироніею). Инспекторъ! Ты нашъ. Скажи правду: вѣдь плохая Семинарія?»

Я. Точно тѣсна, но комнаты сухи.

Ректоръ. Библіотека у насъ богатая.

Филаретъ. Да, точно богатая.

Ректоръ. Жаль, что она обобрана въ Петербургскую Духовную Академію.

Филаретъ, перемѣнивъ мягкій тонъ въ строгій и гнѣвный, сказалъ:

«Погоди клеветать на другихъ: исправься самъ!»

За тѣмъ, обратясь къ Викарію, началъ подробно рассказывать относящуюся къ сему предмету исторію:

«Новгородская Семинарская Библіотека есть точно богатая, потому что одна изъ древнѣйшихъ, и обогащалась и собиралась нашими великими Іерархами.

«Митрополитъ С.-Петербургскій, Гавріилъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, за что-то прогнѣвался на С.-Петербургскую Семи-

нарію, закрылъ ее и сослалъ въ Новгородъ. Туда же пошла и библиотека.³⁰

«Митрополитъ Амвросій опять возстановилъ въ С.-Петербургъ Семинарію, даже открылъ и Академію.³¹ Потребована была изъ Новгорода обратно С.-Петербургская библиотека.

«Дѣло это было сдѣлано небрежно. Часть книгъ Петербургской Семинаріи осталась въ Новгородѣ; но и въ Петербургъ попались Новгородскіи книги. Это отъ того, что какъ сдана была библиотека Петербургская въ Новгородъ, такъ и приняли обратно, безъ каталога, безъ записей, а просто на память.

«Когда я былъ Ректоромъ С.-Петербургской Академіи, я былъ посланъ для обревизованія Новгородской Семинаріи.³² Обозрѣвая библиотеку, я нашелъ нѣсколько книгъ, принадлежащихъ Петербургской Семинаріи: намъ то гласила надпись. Кромѣ сего я увидѣлъ въ Новгородской библиотекѣ нѣсколько важныхъ твореній въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

«Возвратившись въ Петербургъ, я объяснилъ все сіе Митрополиту Амвросію, и просилъ дозволенія: 1) отобрать изъ Новгородской библиотеки все тѣ книги, кои по надписямъ значатся принадлежащими Семинаріи; 2) взять нѣсколько изъ тѣхъ важнѣйшихъ твореній для С.-Петербургской Дух. Академіи, кои въ Новгородской библиотекѣ не въ одномъ экземплярѣ.

«Митрополитъ Амросій на все сіе согласился.

«Вотъ что значитъ мое отобраніе Новгородской библиотеки!»

Ректоръ былъ снова пристыжденъ. За тѣмъ Филаретъ всталъ, и ласково съ полуулыбкою, сказалъ:

«Ну, отцы, прощайте! Вамъ далеко ѣхать.»

Во время сихъ разговоровъ входилъ Письмоводитель Митрополита, Александръ Петровичъ, и спросилъ: «Когда прикажете подавать лошадей?» Митрополитъ отпѣчалъ: «Въ часъ,» т. е., по полуночи, т. е. чрезъ три, или четыре, часа отъ того времени, какъ мы были у него.

А ночь черная, Сентябская, сырая.

XIV.

Послѣ сего событія я въ Новгородѣ прожилъ одинъ мѣсяцъ.

Въ Октябрѣ 1833 года меня перевели обратно въ Тульскую Семинарію, и опять Инспекторомъ же (Занявшій же послѣ меня сіе мѣсто о. Варлаамъ сдѣланъ Ректоромъ сей Семинаріи).³³

Переводъ сей я приписываю Митрополиту Филарету, хотя ясно того не знаю.

Мнѣ немножко грустно было и стыдно возвращаться въ ту же Семинарію и на ту же должность. Великій Филаретъ конечно позабылъ, что я въ Новгородъ переведенъ изъ Тулы: не о всѣхъ же все помнить. Мнѣ же это дамо важный урокъ.

XV.

Во второй разъ въ Тулѣ я былъ на должности Инспектора Семинаріи не много болѣе 14 мѣсяцевъ. 1 Декабря, 1833, я пріѣхалъ въ Тулу, а 19 Февраля, 1835, выѣхалъ въ Вятку на должность Ректора тамошней Семинаріи.

Въ Майѣ 1834 года Ректоръ Тульской Семинаріи, Архимандритъ Варлаамъ (нынѣ Архіепископъ Тобольскій) былъ переведенъ въ Воронежскую Семинарію. Въ Тульскую же назначенъ Ректоромъ о. Никонъ, Инспекторъ Пермской Семинаріи.³⁴

О. Никонъ пріѣхалъ въ Тулу въ концѣ Іюня.

Въ промежутокъ этого времени, по крайней мѣрѣ 40 дней, я былъ и Инспекторомъ и Ректоромъ (въ должности) Семинаріи.

Въ сіе-то время случилось страшное происшествіе: Семинаристы убили женщину.

Дѣло было такъ: Одинъ негодный паренъ изъ ресторана вошелъ въ поганый домъ. Ему нечѣмъ было расплатиться за развратъ, котораго онъ здѣсь искалъ и, конечно, нашелъ. Съ него сняли фуражку. Ученикъ пришелъ къ своимъ товарищамъ и поострилъ ихъ на защиту себя.

Собрались пять, шесть парней—пошли выручать фуражку. Но тамъ ее не выдаютъ. Началась драка.

Въ нее вмѣшался совсѣмъ посторонній мѣщанинъ, портной, спавшій съ молодою хозяйкой своею въ саду. Семинаристы одолевали. Жена портного, увидѣвши терзанія ея мужа, бросилась въ одной рубашкѣ защищать его. Злодѣй Семинаристъ ударилъ ее. Она пала бездыханна!

Драка прекратилась. Ужасъ объялъ обѣ стороны. Полиція перехватала бывшихъ въ дракѣ.

Рано утромъ меня разбудила моя матушка, гостившая у меня. Обливаясь сама слезами, она сказала: «Иди, любезный сынъ, у дверей твоихъ тебя ожидаютъ: мужайся, твори молитву!»

Я вышелъ. Вижу двухъ солдатъ съ ружьями, и между ними въ пѣняхъ мальчишка.

Солдаты, узнавъ во мнѣ Начальника Семинаріи, спросили: «Вашъ ли этотъ человѣкъ, и такъ ли его имя, фамилія, какъ онъ себя называлъ?» Я подтвердилъ и то и другое. Солдаты мнѣ рассказали, что этотъ въ прошедшую ночь въ дракѣ убилъ женщину. Ученика повели обратно въ тюрьму.

Я послалъ учениковъ и Профессора дознать елико можно дѣло, перечислить схваченныхъ Семинаристовъ. Было взято до десяти; но скоро выпущены до пяти, а прочіе задержаны.

Тутъ я подумалъ о себѣ: «Не пропала ли моя служба и моя голова по случаю сего убійства?»

Написалъ письмо на Бородинскія поля къ Маргаритѣ Тучковой и умолялъ ее поискать мнѣ защиты у Митрополита Филарета, который къ ней былъ благосклоненъ. Она, Игуменія, какъ женщина и мать, получивъ мое письмо, написала Митрополиту свое и, вложивъ въ него и мое, послала къ нему нарочнаго, своего дворецкаго.

Филарета дворецкій въ Москвѣ не нашелъ. Онъ былъ въ Лаврѣ. Отправился туда, и тамъ подалъ письмо.

Филаретъ написалъ Игуменіи Тучковой въ отвѣтъ успокоительное письмо.

Она, Игуменія, прочитавъ, послала сего же дворецкаго въ Тулу ко мнѣ съ письмомъ Филарета. (Жаль, я не оставилъ копии съ него).

Митрополитъ ей пишетъ: «Тулское дѣло такъ важно, что Никодимъ малъ для отвѣта за него. Можетъ быть что ни будь непріятное скажутъ Архіерею.»³³

«У страха глаза велики: пусть не пугается Никодимъ, а молится Богу.

«Удивительна судьба этого монаха. Изъ Новгорода отвели его отъ бѣды, но надобно было встрѣтить его бѣдѣ тамъ, гдѣ думали спастись его.

(Жалью, что не сохранялъ подлинныхъ рѣчей Митрополита, пишу по памяти. Но слова почти тѣ же, не только мысли).

Дѣло въ самомъ дѣлѣ кончилось, не коснувшись ни меня, ни кого другого, кромѣ виновныхъ. Даже убійцу какъ-то оправдали, т. е., не подвергли карѣ убійцы.

Было ли какое огорченіе по сему дѣлу Тульскому Преосвященному, Дамаскину, не знаю.

Но я думаю, что великій Филаретъ защищалъ не только меня, но и Преосвященнаго, и Семинарію въ еѣмъ дѣлѣ: по тому что дѣло сіе безъ сомнѣнія вѣдомо было Св. Синоду, который такихъ событій не оставляетъ безъ вразумленій не легкихъ.

XVI.

Послѣ описаннаго въ предъидущей статьѣ событія, чрезъ восемь мѣсяцевъ, въ Февралѣ 1835 года, я назначенъ Ректоромъ въ Вятскую Семинарію.

22 Февраля, въ Пятницу 1-й недѣли Великаго Поста, я представился Митрополиту Филарету въ Москвѣ, въ его Троицкомъ (Сухаревскомъ) подворьѣ.

Владыка (предъ литургією, которую онъ служилъ) вышелъ ко мнѣ томный, истощенный постомъ и молитвою, въ залу.

Вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

«Ты въ самомъ дѣлѣ видно слабъ, когда при тебѣ Семинаристы осмѣлились учинить такое буйство. Не хорошо быть и жестокимъ: однако Начальнику надобно имѣть твердый характеръ. Побѣждай съ Богомъ въ Вятку! Не забудь: ты теперь Ректоръ, т. е., начальникъ Семинаріи. Теперь некому учить тебя, смотрѣть за тобою.—Архіерей. ³³ Но онъ наблюдатель издалека. Старайся быть образцомъ подчиненнымъ, и не ошибайся!»

Рѣчь сія и утѣшила меня, и вразумила.

XVII.

Въ Вятку я прибылъ 9 Марта, 1835 года, и служилъ здѣсь въ должности и Ректора Семинаріи и Настоятеля Успенскаго Трифонова монастыря не много болѣе трехъ лѣтъ: 26 Маія, 1838 года, я выѣхалъ отсюда въ С.-Петербургъ, по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе Оберъ-Прокурора Св. Синода, для исполненія нѣкоторыхъ предположеній по дѣламъ духовно-учебнымъ.

И здѣсь вліяніе Митрополита Филарета на судьбу мою и на мою личность велико: но надобно объяснитья.

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, замыслилъ преобразовать нашу Духовную ученость. Въ душѣ его можетъ быть была нѣкоторая искра чистой ревности и желаніе

Русскому Духовенству добра: но онъ не умѣлъ, а по гордости и нехотѣлъ, порядочно уразумѣть, что есть и чѣмъ быть должно Русское Православное Духовенство. Воспитанный Іезуитами въ Католичествѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Православіе (меня увѣрялъ совоспитанникъ его, что Графъ въ дѣтствѣ былъ Католикъ, а Православнымъ объявлялъ себя изъ земныхъ видовъ).

Преобразование нашихъ школъ Протасовъ замыслилъ выполнить нашими руками, и началъ это дѣло издалека:

Онъ предложилъ Св. Синоду дать предписанія всемъ Ректорамъ Семинарій, дабы они свободно изложили, какъ они понимаютъ Богословію, и какія улучшенія полагали бы внести въ нее, противъ настоящаго ея положенія.

Синодъ согласился. Даны такія предписанія всемъ Ректорамъ Семинарій въ Маѣ 1837 года. Въ числѣ прочихъ, и я получилъ такое предписаніе.

Намъ дано сроку по 1-е Генваря слѣдующаго 1838 года.

Написалъ и я свой Богословскій Конспектъ, и отослалъ 1-го Генваря.

Прокуроръ поручилъ своимъ чиновникамъ перечитать всѣ сіи Конспекты и отмѣтить изъ нихъ особенные, выдающіеся изъ числа другихъ.

Мой Конспектъ найденъ особеннымъ отъ всѣхъ; онъ заинтересовалъ и Директора Дух. Учебнаго Управленія, Александра Ивановича Карасевского, и самого Протасова.

Однако же, Оберъ-Прокуроръ, не довѣряя своимъ богословскимъ познаніямъ, поручилъ Карасевскому попросить Митрополита Московскаго прочесть наши Конспекты, и указать наилучшій изъ нихъ, и въ особенности просили они сказать мнѣніе Митрополита о моемъ Конспектѣ.

Филаретъ изложилъ мнѣніе о моемъ Конспектѣ на двухъ, или трехъ, листахъ, мнѣніе одобрительное: Филаретъ поставилъ мой Конспектъ выше всѣхъ прочихъ, и въ особенности по тому, что «въ немъ есть зерно мысли» а не простое перечисленіе заглавій (какъ у большей части моихъ собратій).

Получивши совершенно одобрительную аттестацію о моемъ Конспектѣ отъ Митрополита Филарета, Прокуроръ благонадеженъ относительно моей благонамѣренности и, сверхъ того, какъ болѣе другихъ даровитый, а при томъ молодой (менѣе трехъ лѣтъ въ Ректорствѣ и на 35 году жизни), я показался для него самымъ годнымъ

къ выполнению его предположений о Духовно-Учебныхъ заведеніяхъ нашихъ.

Не спрося у Синода, Протасовъ испросилъ у Государя Николая Павловича дозволеніе вызвать меня въ Петербургъ въ его, Протасова, распоряженія.

Не только пизшее Духовенство, но даже и члены Синода взглянули на меня съ невольнымъ вниманіемъ, конечно, скрывая справедливую досаду о самоволіи Прокурора Синода.

Изъ Вятки я выѣхалъ 26 Маія. На дорогѣ провелъ сутки въ Костромѣ, у Ректора Архимандрита Платона (нынѣ Архіепископа на Дону), принять такъ себѣ, но въ положеніи моемъ ему не можно было быть инымъ, какъ токмо почтительнымъ... ³⁷

Въ Ярославлѣ тоже былъ у Ректора, Григорія (нынѣ Епископъ Калужскій, человекъ съ характеромъ, но въ духѣ Малороссійскомъ). ³⁸

Былъ сутки въ Святой Лаврѣ Преподобнаго Сергія, 5 Іюня, въ Воскресенье, и удостоился слушать здѣсь литургію въ Троицкомъ соборѣ, у мощей Преподобнаго Сергія.

Но живые люди меня больше огорчили, особенно Ректоръ Академіи Филаретъ. ³⁸ Да не вѣстать имъ Господь!

Въ Москву я пріѣхалъ 7 Іюня. На другой день былъ у Митрополита Филарета. Обласкавъ имъ. Онъ даже оставилъ меня у себя обѣдать. Говорилъ одобрительно о моемъ Конспектѣ, и вообще о Богословіи.

Мнѣ хотѣлось знать, за чѣмъ я ѣду въ Петербургъ, и что значить, что я передаюсь въ распоряженіе Прокурора Синода, а не самаго Синода? Я не смѣлъ спросить прямо: но Владыка ограничился общими рѣчами, кажется а) по тому, что ничего ограничительно не могъ сказать, даже и по тому, что самъ не зналъ видовъ Прокурора опредѣленно; б) по тому, что не зналъ, какимъ я окажусь на дѣлѣ, во всякомъ случаѣ искуссительномъ и скользкомъ, даже не перейду ли я на сторону свѣтскихъ, чтобъ, вмѣстѣ съ ними, работать къ униженію и порчѣ Духовныхъ Училищъ; в) по тому, что надѣялся въ нужное время давать мнѣ нужныя наставленія въ Петербургѣ.

Общій тонъ со мною Филарета въ это время былъ благожелательный, даже уважительный, но безъ оскорбленія высокой важности своего сана и положенія предо мною.

Прощаясь, онъ подарилъ мнѣ четки, новыя, бѣлой кости, съ глубою бисерною кисточкою (я доселѣ сохранилъ ихъ, и всегда употребляю, какъ святыню).

Я прѣхалъ въ Петербургъ 15 Юля. Дня чрезъ три представлялся Оберъ-Прокурору, Графу Николаю Александровичу Протасову.

Вотъ какъ это было:

Вхожу въ пріемную залу. Графъ сидитъ у письменнаго стола. Въ рукахъ у него наша церковная книга—Большой Требникъ. Графъ разсѣянно перелистываетъ его.

Графъ. «Здравствуйте, отецъ Архимандритъ! Давно ли?»

Я. — Третьяго дня, Ваше Сіятельство.

Гр. — «Прощу садиться!»

Указалъ на кресло противъ себя, и самъ тотчасъ сѣлъ.

Я кланяюсь, но стою.

Гр. «Покорнѣйше прощу садиться!»

Я опять кланяюсь и стою.

Гр. Вскочилъ. Взялъ меня обѣими руками и посадилъ почти насильно.

«Сдѣлайте милость, садитесь!»

Я сѣлъ.

(Кресла странныя, косыя; передняя часть съ четверть аршина отъ пола, а задняя советѣтъ на полу; сѣвши въ такія кресла глубоко, подобно опрокинутъ назадъ. Я присѣлъ на переднемъ краѣ, чуть держался и опасался опрокинутъ. Графъ забавлялся мною.)

Графъ: «Мы васъ позвали на работу. Прощу потрудиться. Вашъ Конспектъ отличный. Онъ доказалъ, что вы съ талантами: намъ такіе люди нужны. Прощу знать меня, и еще никого. Мы васъ успокоимъ, дадимъ все. Не бойтесь никого: я вашъ заступникъ. Храните въ тайнѣ все, что будемъ поручать вамъ. • Будьте искренны. Говорите со мною смѣло, о чемъ буду васъ спрашивать. Я самъ буду говорить такъ, какъ самъ разумѣю.

«Вашъ Конспектъ подвергся пререканіямъ. Его ужасно разбрали. Кіевскій (Митрополитъ Филаретъ), ^а какъжется, изъ зависти, или по недоразумѣніямъ. Московскій (Митрополитъ Филаретъ), напротивъ, весьма хвалитъ. Какъ бы ни было, мы васъ оградимъ и утѣшимъ. Конспектъ вашъ будетъ напечатанъ. Васъ ожидаетъ Докторство Богословій. Пусть пріѣдетъ Московскій: вы тогда съ нимъ посоветуетесь, и кое-что исправите: подобно же потѣшить и Кіевского!

«Объ этомъ подробно расскажетъ вамъ Карасевскій: спросите его! Я только говорю: не бойтесь никого, ниже вашихъ Архіереевъ: знайте меня!

«Мы вамъ даемъ хорошую квартиру. Вы тутъ будете покойны.

Вамъ никто не помѣшаетъ. Я велѣлъ осмотрѣть ее и снабдить причинною мебелью.

(Квартира дѣйствительно хороша, въ Синодальномъ подворьѣ, у Семеновскихъ казармъ. Здѣсь въ это время имѣлъ пребываніе Архіепископъ Казанскій, Владимиръ, со свитою.) ⁴¹

«Вамъ Государь приказалъ выдавать по сту рублей въ мѣсяцъ, кромѣ вашихъ доходовъ, во все время, пока вы будете въ Петербургѣ въ моихъ распоряженіяхъ.

«Прощайте, отецъ Архимандритъ! Вы ко мнѣ будете приходить, когда я назначу. Теперь у насъ каникулы. Я живу на дачѣ. Я скажу Александру Ивановичу (Карасевскому), когда вамъ приходить ко мнѣ.

«Прому съ нимъ познакомиться: мы будемъ работать вмѣстѣ.»

Въ заключеніе Графъ мнѣ подаль Конспектъ Богословія Каменецъ-Подольскаго Ректора, Павланила (нынѣ Епископа Архангельскаго), ⁴² и сказалъ: «Прочтите этотъ Конспектъ, и скажите наши о немъ мысли. Правду сказать, говорить, да и я, кажется, вижу, что тутъ учености не много: но онъ для насъ интересенъ. Послушаемъ, что вы скажете.»

Я вышелъ отъ Графа, полный мыслей и думъ, крупныхъ, необычныхъ, озаботившихъ меня, даже грозившихъ подавить меня.

Черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Графу съ Конспектомъ Павланила.

Графъ: «Прочтали? Каковъ Конспектъ?

Я.—Не бойкій, странный, фальшивый. Лишняго и ненужнаго много, а дѣльнаго мало.

«Въ Конспектѣ много рѣчей о церковностяхъ, которыя обязаны знать причетники. Они и знаютъ ихъ, безъ нашего наученія; по тому что о нихъ написано въ Церковномъ Уставѣ.

«Если бы заставить о. Павланила написать Богословію по сему его Конспекту, онъ постыдился бы показать ее людямъ. Она не была бы ни для кого паставительна. Все, о чемъ онъ говоритъ, изложено уже въ Уставѣ.

«Богословія такая была бы книжицею въ нѣсколько страницъ, въ родѣ поминанья. На большую часть его вопросовъ въ Конспектѣ доводится отвѣчать однимъ, двумя, тремя словами, на пр., Вопросъ: «Когда надобно зажигать свѣчи?» Отвѣтъ: «При началѣ богослуженія.» Вопросъ: «Когда класть ладонь въ кадило?» Отвѣтъ: «Предъ каждениемъ.» Вопросъ: «Когда гасить свѣчи?» Отвѣтъ: «По окончаніи богослуженія,» и пр. и пр.

Графъ улыбался, и давалъ мнѣ просторъ говорить, что хочу. Я говорилъ много.

Потомъ завязался разговоръ о нашемъ образованіи, по видимому, кстати, а въ самомъ дѣлѣ онъ приготовленъ былъ намѣренно.

Графъ началъ: «Слышалъ я ваши рѣчи, о. Архимандритъ. Богословіи вашей я не глубокой знатокъ. Но вотъ что:

«Вы учились не столько для себя, сколько для насъ: вы наши учителя въ вѣрѣ.

«Но мы васъ не понимаемъ. Ваша Богословія очень выпренила. Ваши проповѣди высоки. Мы васъ не понимаемъ. У васъ нѣтъ народнаго языка.

«Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ не извѣстно. Вы почитаете низкимъ для себя знать и изучить его: отъ того смѣшните, вступая въ священную должность. Не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете Церковнаго Устава. Васъ руководятъ Дьячки; надъ вами издѣваются начитанные мѣщане.

«Въ вашихъ школахъ нѣтъ специальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У насъ всякій кадетъ знаетъ марши и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу; инженеръ пересчитаетъ всевозможные ломы, лопаты, крюки, канаты. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей!

«Вы изобрѣли для себя какой-то свой языкъ, подобно меликамъ, математикамъ, морякамъ. Безъ толкованія васъ не поймешь. Это тоже не хорошо. Говорите съ нами языкомъ, намъ понятнымъ, поучайте закону Божію такъ, чтобы васъ понималъ съ перваго раза послѣдній мужикъ!»

Много было въ подобномъ духѣ рѣчей. Онъ при томъ былъ только подготовленіемъ къ тому, что меня скоро заставятъ дѣлать.

Мнѣ стали присылать разные проекты, безъимянные, въ коихъ осуждалось то, или другое, въ вашихъ школахъ. Не помню содержаія ихъ, но помню, что онѣ бранчивы, язвительны, насмѣшливы, намѣренно ложны и часто весьма мелочны (Доказательствомъ тому служить и предъидущія рѣчи Графа).

Грустно мнѣ было послѣ узнать, что нѣкоторыя тетради и статьи противъ нашихъ порядковъ ученія написаны предательски нашими же!

Я позванъ былъ опять къ Графу. Вотъ его рѣчи:

«Подумайте хорошенько, и мнѣ скажите: что нужно пзмѣнить въ Семинаріяхъ? Какъ упростить существующія науки? Не нужно ли ввести новыя, и какія именно? Не надобно ли нѣкія науки сократить, а другія и вовсе выгнать?

«Помните: Семинарія не Академія. Изъ Академій идутъ Профессоры: имъ много знать нужно.* Изъ Семинарій поступаютъ во Священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и уметь быть полезными крестьянину даже въ его дѣлахъ житейскихъ.

«И такъ—

«На что такая огромная Богословія сельскому Священнику?

«Къ чему нужна ему Философія, наука вольномыслія, издорговъ, эгоизма, фанфаронства?

«На что ему Тригонометрія, дифференціалы, интегралы?

«Пусть лучше затвердятъ хорошенъко Катихизисъ, Церковный Уставъ, Нотное пѣніе. И довольно! Высшія науки пусть останутся въ Академіяхъ.

«Прочтите хорошенъко Семинарскій Уставъ, и скажите, что вы находите въ немъ нужнымъ исправить, измѣнить, отмѣнить, или дополнить.»

Я вышелъ отъ Графа грустный. Я увидѣлъ, что меня хотятъ сдѣлать орудіемъ униженія и разстройства нашей ученой части, хотятъ поставить въ противорѣчіе и вражду съ духовенствомъ, со властями, хотятъ перестроить мои убѣжденія, хотятъ навязать мнѣ нхъ образъ мыслей, такъ легкомысленный, столь намъ враждебный.

Подобнаго рода рѣчи и декламации я выслушивалъ цѣлый мѣсяцъ (до 15 Іюля) и отъ самаго Оберъ-Прокурора и отъ его ассистента, Александра Ів. Карасевскаго. Меня и ласкали, мнѣ грозилъ, меня вызывали на диспуты.

Съ грустію я выслушивалъ крайне неуважительныя сужденія и о великомъ Филаретѣ Московскомъ, еще чаще о другихъ Святителяхъ.

Я не имѣлъ въ Петербургѣ ни совѣтниковъ, ни наставниковъ: меня чуждались мои собратія, иные изъ зависти, а большая часть по робости. Даже Члены Синода держали меня въ дали и въ сторонѣ отъ себя.

Преосвященный Исковскій Навананъ, ⁶¹ услышавъ отъ меня, что мнѣ запрещено говорить, что я дѣлаю у Оберъ-Прокурора, сей часъ прекратилъ о семъ любопытство, даже просилъ меня не напоминать ему о семъ ни словомъ.

Я оставался одинъ, самъ при себѣ. Къ чести Графа скажу. Говоря со мною такъ рѣшительно и смѣло, онъ не препятствовалъ и мнѣ говорить столько же рѣшительно и смѣло. Я воспользовался этою снисходительностію, и говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ все, что приходило мнѣ на мысль, что я обдумалъ у себя дома, въ защиту наше-

го ученія, нашихъ школъ, нашихъ порядковъ. Я показывалъ прочность и цѣпность нашихъ наукъ, объяснялъ нашу вѣрность духу Православія. Я выражалъ тяжкія опасенія отъ введенія свѣтскостей и современныхъ легкомысліи въ наши степенныя школы.

Нѣкоторыя изъ сихъ моихъ рѣчей записаны мною чрезъ семь лѣтъ. Вотъ онѣ:

«Всемилющійшій Государь, заботясь о духовенствѣ такъ же, какъ о другихъ состояніяхъ, преобразованіями, какія для насъ предначертываетъ, конечно, желаетъ насъ возвысить, а не уронить.

«Но тѣ преобразованія, какія Ваше Сіятельство предлагаете, въ сущности относятся къ умаленію и обезцененію нашего духовнаго просвѣщенія.

«Правда, Вы предполагаете ввести въ Семинарію новыя, можетъ быть, полезныя науки (Сельское Хозяйство и Медицину), но онѣ, помѣстись между нѣтъ существующими науками, изъ коихъ ни одной нѣтъ бесполезной, стѣснять ихъ и сокращать, отъ чего произойдетъ потеря, а не пріобрѣтеніе.

«Вы говорите: «Мы очень ученые, насъ не понимаютъ не только поселяне, даже и горожане.» Я думаю это есть иронія, подъ которою разумѣютъ то, что мы сами не умѣемъ растолковать того, что говоримъ, т. е., сами себя не понимаемъ.

«Соглашаюсь, есть и между нами педанты, которые громкими фразами сыплютъ пышный вздоръ. Такихъ, однако же, не много. Тутъ виноваты не науки, а тѣ пустыя головы, которыя любятъ свои нецѣлности, надъ которыми большинство изъ насъ улыбаются, а иногда мы ихъ пресѣдуемъ.

Я думаю еще, что подъ сею укориною скрывается зависть и досада на то, что духовенство равняется себя въ образованіи съ другими привилегированными сословіями, среди коихъ есть Кадетскіе Корпуса, Лицеи, Гимназій, Институты, Университеты.

«Отъ насъ требуютъ, чтобы мы высокія истины Божественнаго Откровенія излагали языкомъ народнымъ. Тутъ есть тоже либо предразумѣніе, либо затаенная зависть.

«Правда: Христосъ излагалъ истины свои языкомъ совершенно простымъ, для всякаго понятнымъ. Однако же то былъ языкъ чистый, отборный, благородный, а не площадной и уродливый, каковы нишуть иные народные писатели. Примѣрная проповѣдь Фонъ-Визина ⁴⁴ признана Митрополитомъ Платономъ поношеніемъ и насмѣшкою надъ поученіемъ съ церковной кафедры.

«И свѣтскій разумный писатель избираетъ для своего сочиненія

языкъ благородный, важный, соответствующій предмету. Карамзинъ написалъ Исторію Государства Россійскаго высокимъ и отборнымъ языкомъ. Языкъ политики и законовъ Россійскихъ всегда высокъ и благороденъ.»

Въ этомъ тонѣ я говорилъ много, защищалъ въ частности почти всякую науку, существующую въ Семинаріяхъ. Особенно оградялъ Богословію, и требовалъ даже расширенія ея.

Я долго препирался и защищалъ Философію. Говорилъ:

«Напрасно вы отнимаете у насъ Философію. Она у насъ смиренна; ибо обуздывается Богословіемъ. У насъ есть надзоръ: Архіерей, Ректоръ, Инспекторъ, экзамены: мы не дозволимъ Профессору заговариваться. Да и кто нашъ Профессоръ Философіи? Нашъ же, изъ насъ, и учился вмѣстѣ съ нами.

«Нашъ пужна Философія, для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія себя съ истинами естественными, умозрительными и нравственными, на коихъ святое Откровеніе зиждетъ свои небесныя истины. Самое Откровеніе дѣлается сознательнымъ и твердымъ послѣ правильнаго разумѣнія истинъ натуры.

«Бойтесь нашихъ вольностей? Но данъ ли поводъ къ такимъ опасеніямъ? Почти сто лѣтъ въ нашихъ Семинаріяхъ преподается полная Философія: наши ученики Философіи не запятнали себя никакой вольностію.

«Императоръ Александръ Павловичъ уничтожилъ въ Университетахъ Философію, опасаясь, конечно, вольностей. Что же вышло? Пустыя науки, науки безъ зерна, сдѣлали пустыми головы студентовъ: и мы имѣемъ несчастье записать въ Исторію 14 Декабря, 1825 года!

На этомъ мѣстѣ меня прервалъ Графъ, впрочемъ довольно терпѣливый, и возбужденно сказалъ:

«Оставьте! Не хочу слушать вашихъ аналогій. Философію изгнать изъ Семинарій! Объявляю волю Императора!

«Ты не знаешь: когда я напомнилъ Государю, что въ духовныхъ Семинаріяхъ читаютъ Философію, Государь съ гнѣвомъ и въ недоумѣніяхъ воскликнулъ: «Какъ? У духовныхъ есть Философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!»

«Государь не терпитъ самаго имени Философія.» Тутъ я замолчалъ.

Съ 15 Іюля меня посадили сочинять Уставъ. Я кончилъ его къ 9-му Сентября.

Статьи о наукахъ Семинарскихъ оставлены: я писалъ только объ администраціи, учебной, нравственной, экономической.

Написалъ Уставъ и Семинарій и Училищъ.

Я долго стоялъ на томъ, что новаго Устава писать не нужно; что существующій Уставъ признается добрымъ. Просилъ дозволить мнѣ вычислить только то, что я полагалъ полезнымъ въ Уставѣ измѣнить, отмѣнить, или чѣмъ пополнить. Меня не уважили.

Особенно грустно было выслушивать оскорбительныя рѣчи Графа о Митрополитѣ Филаретѣ. Я, однако, почти всегда вступался за него, не по пристрастію, а по тому, что желалъ выразить мои убѣжденія.

XVIII.

Въ концѣ Сентября 1838 года пріѣхалъ Митрополитъ Филаретъ въ С.-Петербургъ.

Я тотчасъ явился къ нему, и рассказалъ, что я здѣсь дѣлалъ.

Митрополитъ едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду, почитая за тѣю сочиненія новаго Устава для духовныхъ школъ личною себѣ обидою, по тому что прежніе Уставы Академіи, Семинарій и Училищъ написалъ онъ. Сказалъ:

«Съ теченіемъ времени Уставъ могъ требовать пересмотра. Можетъ быть иное нужно измѣнить; можетъ быть нѣчто надобно добавить. Но совсѣмъ перестроивать дѣло, около тридцати лѣтъ шедшее порядочно, не было нужды.

«Я написалъ проектъ Устава по порученію Митрополита С.-Петербургскаго Амвросія, который предпринялъ дѣло сіе не только съ вѣдома, но и по довольномъ разсужденіи о немъ въ Св. Синодѣ.

(Владыка предоставилъ мнѣ дополнить послѣднюю часть рѣчи, т. е., что и Прокуроръ и я неблагоразумно и неправильно, не спрося Синода, сами написали новый Уставъ.)

«Я написалъ всѣ четыре устава—Академіи, Семинарій, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ въ шесть недѣль.» ⁴²

Счастливымъ человѣкъ! Имѣлъ порученіе законное, отъ власти законной, и былъ оставленъ собственной свободѣ и благоразумію, не завися ни отъ кого, ни отъ чего.

Напротивъ, я состоялъ подъ властію не церковною, лишенъ былъ свободы и нудимъ былъ выполнять чужое, мною не одобряемое.

Однако Владыка кое-что находилъ хорошимъ, на пр., Совѣтъ Уче-

ный при Ректорѣ, промоцію наставниковъ, годичные переводы, семь лѣтъ въ Семинаріи и пять въ Училищѣ, и еще что-то.

Скажу: Уставъ, мною составленный, замеръ въ Синодѣ. Онъ, конечно, теперь въ Архивѣ.

Кто и что задержало его въ Синодѣ, осталось для меня доселѣ не извѣстнымъ.

Сдѣлано значущее преобразование въ учебной части: но сіе принялъ на себя самъ Синодъ.

XIX.

Графъ Протасовъ спѣшилъ и всячески усиливался перестроить наши учебныя заведенія на манеръ свѣтскихъ въ томъ, въ чемъ могъ.

Такъ онъ ввелъ раздѣленіе ученическихъ комнатъ, отдѣливъ для спальной особыя комнаты, въ которыя ученикамъ не дозволялось входить съ утра, когда встанутъ, и до вечера, когда будутъ ложиться спать.

Такое преобразование начато въ С.-Петербургской Академіи, и съ Сентября 1838 года введено, и строго наблюдалось со стороны Прокурора.

Я сказалъ объ этомъ М. Филарету тотчасъ по прїѣздѣ его.

Онъ удивился, сказавъ: «Уже ли?» (слѣд., Протасовъ сдѣлалъ это, не спрося въ Синодѣ.)

Потомъ сказалъ: «Вотъ какъ хитеръ діаволъ.»

«Теперь Студенты будутъ дураки. У нихъ отняли свободу располагать своимъ покоемъ».

Дѣйствительно, съ сего времени начало вкрадываться и въ Академіи и въ Семинаріи наши какое-то вертопрашество.

Хотя, впрочемъ, тому было много и другихъ причинъ.

Жаль было смотрѣть на Студентовъ Академіи. Они были собраны вдвое гуще (ибо половина комнатъ отдѣлена для спальной). Комнаты ихъ сдѣланы насквозь проходными, такъ что они жили какъ бы на площади.

Привыкнуши прилечь на постелю въ свободные отъ классовъ часы, даже, на примѣръ, и для размышленія, для чтенія книги, для заученія уроковъ, бѣдные Студенты собирали табуреты и на нихъ кое-какъ ложились.

XX.

Изъ за меня вошли въ разговоръ два Митрополита, оба Филарета, Московскій и Кіевскій.

Вотъ случай:

Священникъ Красноцвѣтовъ, отличный Магистръ С.-Петербургской Академіи, ⁴⁶ бывшій нѣкоторое время въ Швейцаріи при Аннѣ Ѳедоровнѣ, супругѣ Великаго Князя Константина Павловича, съ которою онъ развѣлся, ⁴⁷ при ея церкви Священникомъ, написалъ тамъ, съ Нѣмецкой книги (по подражанію, или съ буквальныхъ переводомъ, не знаю) Библейскую исторію для дѣтей.

Двѣ порядочныя книги: одна Ветхаго, другая Новаго Завета.

Исторія расположена уроками, изъ коихъ каждый дѣлится на двѣ части: первая—собственно исторія, вторая—нравоученіе.

Возвратившись въ Петербургъ, о. Красноцвѣтовъ напечаталъ сію свою исторію.

Въ это время у Императора Николая были дѣти въ отрочествѣ и первой юности. Исторія понравилась при Дворѣ.

Объ этомъ узнали въ публикѣ. Стали читать и покупали на расхватъ.

Плюшарь-спекулянтъ книгопродавецъ, Французъ, далъ художникамъ сочинить приличныя картинки къ каждому уроку, послалъ въ Парижъ выпрѣзать ихъ на стали, и началъ печатать книгу, вкладывая въ нее картинки, тысячами экземпляровъ.

Министръ Просвѣщенія ⁴⁸ далъ строгое предписаніе преподавать Священную Исторію по сей книгѣ.

Книга гремяла по всей Россіи и всюду развозилась во зами.

Это было въ 1837 году. Въ этотъ годъ Филаретъ Московскій оставался въ Москвѣ, за болѣзнію.

Въ Москвѣ его осаждали вопросами о сей книгѣ, мушны и женщины.

Вопросы были въ такомъ видѣ:

«Читали Вы, Преосвященный, новую Священную Исторію какого-то Петербургскаго Священника?»

«Ахъ, Боже мой! Какая божественная книга! Какой милый рассказъ, сколько поученій! и какъ онъ годенъ, пристойен!»

«Впервые мы читаемъ такую божественную книгу.»

«Это сущій подарокъ дѣтямъ. Они съ жадностію читаютъ ее.»

«Да и мы, возрастные, просто въ восхищеніи, наслаждаемся читая ее.»

Такія неотступныя похвалы, такія настойчивыя, столь возбужденныя, заставили Филарета прочесть книгу внимательно.

Филаретъ нашелъ книгу нигде негодную, и написалъ на нее рецензію, которую и подалъ въ Синодъ, предлагая запретить такую книгу.

Рецензія Филарета такова, что ее не только нельзя опровергнуть (она основана на выпискахъ изъ книги), но и смягчить, или обойти извѣщеніями погрѣшности: онѣ были сдѣланы безразсудны, блаженны, вредны.

Синодъ вынужденъ былъ объявить запрещеніе книги, и потребовалъ отобрать ее и уничтожить.

Россія изумилась. Министръ Просвѣщенія (Уваровъ) пришелъ въ ярость; задумались во Дворцѣ.

Книга была отобрана, и скоро совсѣмъ забыта.

Книга истинно ничтожная, безразсудная, а иногда преступная.

Не виню много о. Красноцвѣтова. Онъ былъ молодъ. Европа обратила религію въ чувственность и смѣшалась съ нею. Нашъ молодой Священникъ увлекся.

Я видалъ его въ Петербургѣ (онъ былъ при церкви Смоленскаго кладбища): кроткій и мыслящій.

Подивитесь лучше нашей Русской публикѣ: какъ она можно настроена въ дѣлахъ вѣры и благочестія; какъ легкомысленна въ сихъ великихъ предметахъ; какъ мало знаетъ духъ Православія, какъ далеко до всякаго безумія Европы.

Но эта исторія произвела другую между нами.

По Уставу Духовной Цензуры, книга, одобренная ею, не можетъ поступить въ печать прежде того, какъ разрѣшитъ сіе Синодъ.

Когда въ Петербургѣ бывалъ Митрополитъ Московскій, Цензура обыкновенно представляла книгу ему и отъ него получала разрѣшеніе.

Въ 1837 году, когда вышла эта книга, Филаретъ Московскій не былъ въ Петербургѣ.

По тому книга Цензурою подапа была Филарету Кіевскому, здѣсь бывшему.

Филарету не читать же такую громаду—рукопись, изъ коей вышло двѣ книги, чтобъ сказать, годится она въ печать, или нѣтъ. Опъ спросилъ Цензора, ее представившаго (Архим. Каменнаго): «Хороша ли книга?» Цензоръ отвѣчалъ: «Хороша.»

Филаретъ разрѣшалъ печатать.

Когда Филаретъ Московскій подалъ свой рапортъ въ Синодъ, требуя запрещенія книги: Филаретъ Кіевскій принялъ сіе за личное себѣ оскорбленіе.

Затаивъ досаду, онъ ждалъ случая отмстить.

Этотъ случай доставилъ Митрополиту Кіевскому Конспектъ Ректора Вятской Семинаріи, Никодима (т. е., мой), весьма восхваленный Митрополитомъ Московскимъ.

Когда зашла въ Синодъ обо мнѣ и о моемъ Конспектѣ (его хотѣли напечатать и разослать по Семинаріямъ, въ руководство и для образца), Филаретъ Кіевскій сказалъ:

«Я не читалъ Конспекта Вятскаго Ректора: дайте мнѣ прочитать.»

Ему подали мой Конспектъ.

Филаретъ читалъ его цѣлый мѣсяцъ, и надѣлалъ множество примѣчаній, которыя всѣ составляютъ оужденіе, опроверженіе, укоризну.

По прочтеніи онъ сдѣлалъ на первомъ листѣ его слѣдующую надпись:

«Въ сочинителѣ замѣтны способности, а особенно начитанность новѣйшихъ, такъ называемыхъ, Германскихъ Богослововъ, но недостаетъ въ немъ зрѣлости и вѣрности сужденія. Конспектъ его ни для Духовныхъ Семинарій, ни для Духовныхъ Академій. «Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій»

За тѣмъ Филаретъ возвратилъ мой Конспектъ.

Такимъ образомъ я сдѣлался яблокомъ раздора между двумя великими Филаретами.

Въ это же время пробѣжала странная молва, будто мой Конспектъ вовсе не принадлежитъ мнѣ; будто онъ есть произведеніе самого Филарета Московскаго, а я—я только переписчикъ.

«По тому, де, Филаретъ Московскій, хваля Конспектъ Вятскаго Ректора, хвалилъ себя самого.

«И кто, де, такое Никодимъ Вятскій! Ребенокъ, семь лѣтъ назадъ кончившій въ Академіи курсъ, и ни въ Академіи, ни въ службѣ, въ Семинаріяхъ вовсе не извѣстный ни чѣмъ особенно.

«А Филарету, де, Московскому, очень желающему блистать Богословію, хотѣлось выказать себя самого. Для того онъ и выбралъ ничтожнаго Ректора, но изъ его Академіи и изъ его Епархіи.»⁹

Такая молва, конечно дошедшая и до Филарета Кіевскаго, еще болѣе поощрила его распахтаться съ Московскимъ похожею монетою.

Когда Филаретъ Кіевскій прибылъ въ Петербургъ (тоже въ концѣ Сентября, или въ Октябрѣ 1838 года, я, вмѣстѣ съ другими, былъ у него на поклонѣ.

Онъ занялся мною. Старался казаться осторожнымъ. Говорилъ со мною вы, а не ты. Спросилъ меня: «Чей я родомъ, гдѣ учился, давно ли кончилъ курсъ, гдѣ служилъ? Потомъ осторожно спрашивалъ о томъ что я дѣлаю?»

Я разсказалъ ему, что я писалъ новый Уставъ для Семинарій и Училищъ и уже сдалъ Оберъ-Прокурору. (Я могъ ему и не говорить сего: но я не хотѣлъ показаться ослушникомъ предъ такимъ отцемъ).

Въ подробностяхъ Филаретъ нѣсколько разъ меня перерывалъ вопросами: а) это Вамъ велѣлъ Московскій? т. е., Филаретъ); б) Это Вы слышали отъ Московскаго? в) Это присовѣтовалъ Вамъ Московскій? Объ этомъ Вы спрашивали у Московскаго?»

Грустно мнѣ было видѣть столько малодушія въ такой высокой особѣ.

(Филаретъ Кіевскій, въ рѣчи со мною, Филарета Московскаго только и называлъ «Московскій,» не прибавляя ни одного другаго слова. Напротивъ Филаретъ Московскій, говоря со мною о Кіевскомъ, всегда говорилъ: «Владыка Кіевскій, Кіевскій Митрополитъ, Пресвященный Кіевскій.»)

Такъ свѣтскіе не говорятъ: «Митрополитъ, Владыка и проч.,» а только: «Кіевскій, Московскій, Петербургскій, здѣшній.»

Жалѣю о смутѣ. Мой Конспектъ хорошъ, и одобренъ, какъ произведеніе молодого Ректора. Если же это мое твореніе навязать бы великому Филарету, имъ его обезчестили бы. Кромѣ многихъ незрѣлостей (кои я самъ послѣ увидѣлъ), есть даже ошибки историческія, гомилетическія, герминевитическія, археологическія, даже догматическія. Приписать ли ихъ Великому Филарету?

Чрезъ много лѣтъ, будучи уже самъ въ санѣ Архіерея, я, подъ формою поздравленія на праздники, писалъ не разъ Филарету Кіевскому, прося у него прощенія себѣ, изъясняя положеніе мое, бывшее въ Петербургѣ, и вызывая его самого къ правильному воззрѣнію на событія. Не знаю, понялъ ли онъ? Но я получилъ нѣсколько отвѣтовъ отъ него очень благосклонныхъ и благожелательныхъ.

Такъ уловляетъ въ сѣти свои діаволъ, при нашей малой неосторожности!

XXI.

Мой Конспектъ обѣщали напечатать, а мнѣ дать Докторство, и даже мѣтили въ Ректора С.-Петербургской Академіи (см. статью XVII). Но похуленіе моего Конспекта Митрополитомъ Киевскимъ испортило все дѣло.

Филаретъ Московскій придумалъ, однако же, способъ, которымъ и меня отчасти можно было утѣшить, и Филарета Киевскаго не огорчить.

Съ согласія Графа Протасова, Филаретъ Московскій приказалъ мнѣ тщательно пересмотрѣть мой Конспектъ и сдѣлать изъ него извлеченіе, такимъ образомъ, чтобы выпустить все тѣ мѣста, падъ которыми сдѣлано рѣзкое и рѣшительное отрицаніе Филарета Киевскаго.

Такое извлеченіе обѣщались напечатать.

Филаретъ Московскій, я думаю, не меня только симъ хотѣлъ утѣшить, но и принести добрую пользу Семинаріямъ и Богословію, по тому что въ самомъ дѣлѣ Конспектъ мой во многомъ полезенъ.

Владыка Московскій столь былъ милостивъ и внимателенъ ко мнѣ и къ дѣлу, что рѣшился быть руководителемъ и цензоромъ моимъ въ семь дѣлъ.

Приготовленную мною тетрадь извлеченія я представилъ Владыкѣ; онъ прочитывалъ, давалъ наставленія: и передѣлывалъ снова.

Трудъ, однако же, и съ моей стороны не малый, и Владыку видимо обременялъ, при его другихъ высокихъ занятіяхъ по Синоду и Епархіи. Да и я не соблюлъ осторожности и благоразумія, а именно:

- а) Сдѣлалъ слишкомъ обширное извлеченіе (листовъ двадцать);
- б) многое перестроивалъ, и часто портилъ, а не улучшалъ.

Дѣло это не получило желаннаго конца. Затерлось—и кончилось ничѣмъ.

Можетъ быть и самъ Митрополитъ Московскій находилъ принятую имъ мѣру не безопасною: можно было опасаться изъ за меня важной, открытой вражды Митрополита Киевскаго съ Московскимъ.

Между тѣмъ Протасовъ видимо охладѣлъ ко мнѣ послѣ того, какъ увидѣлъ во мнѣ упорнаго защитника прежнихъ порядковъ и, слѣдовательно, себя не подручнаго.

Не оправдываю я и себя самого. Кажется, независимо отъ уче-

пости, меня паходили легкомысленнымъ, недалновиднымъ, неосторожнымъ, упрямымъ. Можетъ быть и самая ученость моя, при личпыхъ моихъ объясненіяхъ, показалась не столь блестящею, какъ она видѣлась въ моемъ писаніи—въ Конспектѣ.

Должно сказать и то, что Синодъ самъ возсталъ противъ проектовъ Графа, и ему было уже не до меня; а за тѣмъ и Филарету Московскому охорашивать меня было не благовременно.

И здѣсь, однако, долженъ сказать, что Филаретъ Московскій, при чтеніи извлеченій изъ моего Конспекта (при мнѣ), многократно входившій въ разсужденія, гдѣ поминался и Филаретъ Кіевскій, никогда не позволялъ себѣ ниже намека похуленія Кіевскому; Владыка даже мои нескромныя рѣчи о Кіевскомъ отечески и строго останавливалъ.

Однажды въ подобномъ случаѣ сказалъ:

«Что дѣлать? Надобно уважить старшаго. Не старику же терпѣть отъ молодого».

Еще:

«Кіевскій Владыка смотритъ только на «заглавія въ Конспектѣ и пугается терминовъ, думая, что хотягъ оправдывать всѣ грѣхи и заблужденія. Нѣтъ: ихъ будутъ опровергать въ Конспектѣ.»

Еще:

«Мы съ Кіевскимъ Владыкою учились по старымъ книгамъ: вы, молодые, стали учиться по новымъ. За что же на васъ сердиться?»

XXII.

Я докучалъ не разъ Митрополиту Филарету Московскому своими негодованіями и досадами на то, что у Семинаріи отнимають Философію и другія высокія науки сокращають, на пр., Библейскую Церковную Исторію, иныя бесполезныя навязываютъ, на пр., Сельское Хозяйство, Медицину.

Филаретъ сказалъ на это однажды:

«Что же дѣлать? Надобно уступить что ни будь и имъ: иначе все отнимутъ.»

Тогда я не умѣлъ понять глубины этой короткой рѣчи. Въ послѣдствіи довелось своими очами видѣть и своими ушами слышать событіе сей пророческой рѣчи.

XXIII.

Дѣло о наукахъ въ Семинаріи по новому Уставу перешло въ Синодъ. Митрополитъ Серафимъ положился на двухъ Филаретовъ, а сіи вошли въ соглашеніе и написали то, что въ 1840 году напечатано.⁵⁰

Филаретъ Кіевскій въ послѣдствіи былъ совершенно единомысленъ съ Московскимъ, и мнѣніе послѣдняго почиталъ закономъ. Истина возсіяла: добродѣтель отогнала духа вражды.*

XXIV.

Въ концѣ 1838 года, въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго Уѣзда, Московской Епархіи, скончался Священникъ Владимиръ Семеновичъ Ушаковъ, бездѣтный. Это мѣсто моей родины. Здѣсь мой родитель, Иванъ Ивановичъ Казанцевъ, былъ дьячкомъ.

Въ это время у батюшки моего жила старшая дочь его, Евдокія, вдова, пономарица. У нея были двѣ дочери, изъ коихъ старшая, тоже Евдокія, была невѣста.

Я рѣшился исходатайствовать сіе священническое мѣсто для жениха отроковицы Евдокіи. Доложилъ Владыкѣ Филарету. Онъ мнѣ сказалъ: «Давай человѣка и просьбу!»

Я тотчасъ написалъ расторопному моему зятю, Егору Кирилловичу Добронравову (нынѣ Протоіерей въ городѣ Дмитровѣ), а сей тотчасъ нашелъ кроткаго и умнаго Семинариста, Николая Егоровича Озерова. Дѣло кончилось благополучно. Николай и Евдокія счастливо жили на мѣстѣ Священника въ Комлевѣ.

Княгиня Анна Александровна Меншикова, помѣщица села Комлева, не соглашалась долго (изъ пустаго каприза: она прежде моего къ ней письма о семъ дала одобреніе Діакону). Но Филаретъ настоялъ.

Молодые жили счастливо. Моихъ родителей уважали. Но не долго суждено было имъ утѣшаться жизнью. Евдокія скончалась на 7 году брачной жизни (послѣ родовъ); Николай тосковалъ, и чрезъ годъ и самъ скончался.

* Тутъ на поляхъ приписано: «29-го Августа, 1868 года.»

Послѣ нихъ осталось дитя—Александра.

По моей просьбѣ тотъ же Егоръ Кирилловичъ выхлопоталъ ей помѣщеніе въ Горихвостовскомъ (кажется) домѣ, ⁵¹ гдѣ отроковица сія выросла въ хорошемъ ученіи и добромъ надзорѣ.

Когда же этой Александрѣ исполнилось 16 лѣтъ (кажется въ 1857 году), тотъ же Егоръ Кирилловичъ выдалъ ее за хорошаго Семинариста, Дмитрія Степановича Воздвиженскаго, который и до сего времени Священникомъ въ селѣ Георгіевскій Погостъ, Волоколамскаго Уѣзда.

Сію маленькую исторію я помѣстилъ здѣсь для того, 1) чтобъ видѣть добродѣтель и чадолюбіе Митрополита Филарета; 2) примѣромъ симъ доказать, что благоразумное, на добродѣтеляхъ основанное, патронашество вовсе не есть порокъ и слабость, а, напротивъ, дѣло богоугодное, человеколюбивое, разумное.

XXV.

Въ Мартѣ 1839 года мнѣ поручено прочитатъ и дать отзывъ о Русской Грамматикѣ, соч. Архимандрита Макарія, Ректора С. П. Б. Семинаріи.

(Онъ уволенъ на покой изъ Тверской Семинаріи.)

Въ это время въ Духовныхъ Училищахъ употреблялась Русская Грамматика Греча.

Карасевскій, по тогдашнему, Правитель Дѣлъ Комисіи Духовныхъ Училищъ, ⁵² досадовалъ на Грамматику Греча за то, что авторъ ея цѣнить ее дорого и не продавалъ права печатать.

На сіи рѣчи я присоединялъ свои, называя сію Грамматику легкомысленною, погрѣшительною, смутанною (особенно въ глаголахъ).

Карасевскій просилъ меня пересмотрѣть Грамматику о. Макарія, въ предположеніи, нельзя ли ее напечатать и ею замѣнить Грамматику Греча.

Я узналъ, что ее читалъ Митрополитъ Московскій Филаретъ и не одобрилъ.

Я прочиталъ самъ, и тоже не могъ одобрить, даже и по моему сужденію.

Тогда Карасевскій мнѣ сказалъ: Не угодно ли мнѣ потрудиться написать Грамматику?

Я взялся съ охотою, хотя, впрочемъ, тоже легкомысленно: я думалъ написать ее въ три мѣсяца, между тѣмъ писалъ съ полгода.

По распоряженію Карасевскаго, мнѣ собрано до 47 Русскихъ Грамматикъ, начиная съ Ломоносова, даже старше его, кажется, Смотрицкаго.⁵³

По читавши эту кучу книгъ, я увидѣлъ, что Грамматика Ломоносова есть фундаментъ для всѣхъ прочихъ, и что наибольшая часть Грамматикъ самыя легкомысленныя и часто ошибочныя.

Написавши Грамматику, я подалъ Карасевскому и Графу; они передали ее Константину Степановичу Сербиковичу (Управляющій Канцелярію Оберъ-Прокурора).⁵⁴ Я имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ этимъ человѣкомъ: безспорно ученый, учился у Іезуитовъ (самъ сказалъ), коихъ правила ученія не согласны съ нашими. Я скоро съ нимъ разошелся. Потребовалъ отъ него мою Грамматику.

Митрополитъ Филаретъ пожелалъ видѣть мою Грамматику. Читалъ при мнѣ, замѣчалъ. Обѣщался напечатать для Московскихъ Училищъ даже и тогда, если бы сибѣтскіе не согласились напечатать ее для всѣхъ нашихъ училищъ; впрочемъ прибавилъ: «Согласитесь ли, чтобъ я отдалъ вашу Грамматику прочитатъ и дать мнѣніе одному изъ Московскихъ Ректоровъ Дух. Училищъ?» Я охотно согласился.

Митрополитъ, въ 1841 году, уѣзжая изъ Петербурга, взялъ мою Грамматику, и въ Москвѣ отдалъ ее Ректору Донскихъ Училищъ Священнику (послѣ Протоіерею) Александру Евѣимовичу Нечаеву (мой товарищъ, эминентъ, первый Студентъ, сынъ Московскаго (Феодоро-Студитскаго) Священника.

О. Нечаевъ тяжело окритиковалъ мою Грамматику, назвавъ ее заносчивою, мечтательною, и по тому ни къ чему негодною.

Митрополитъ возвратилъ мнѣ мою Грамматику, уже въ Одессу, въ 1842 году, при письмѣ, въ коемъ выразилъ сожалѣніе, что послѣ столь неодобрительной критики, онъ уже не можетъ приказать напечатать мою Грамматику.

Добрый Владыка принялся было сличать критику съ Грамматикою, и сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ, кои все въ мою пользу: но увидѣвши задоръ критики, безпрестанно возрастающій, а при томъ, конечно, и меня находя не вездѣ правымъ, оставилъ не легкій трудъ чрезъ двѣ, три, страницы.

Правда, у всякаго свой взглядъ. Правда, и я осудилъ Макаріеву Грамматику. Но я не могъ извинить въ Александрѣ Евѣимовичѣ его изступленія, его какого-то личнаго противъ меня ожесточенія, а затѣмъ его самого не легкихъ ошибокъ.

Во время ученія нашего въ Академіи я всегда уважалъ въ немъ

юношу регулярнаго, кроткаго, благороднаго, всегда себѣ ровнаго: за что онъ меня возненавидѣлъ?

—Какъ сынъ сельскаго причетника, конечно, я не былъ такъ деликатенъ, какъ сынъ столичнаго Священника: но и я не хотѣлъ быть гнуснымъ.

XXVI.

1 Марта 1839 года иманнымъ Указомъ Государя закрыта Комисія Духовныхъ Училищъ. Дѣла ея переданы въ Синодъ. Вмѣстѣ съ симъ расширены Канцеляріи Синода и Оберъ-Прокурора, сдѣлано Духовно-Учебное Управление и Хозяйственное Управление, въ широкихъ размѣрахъ, съ умноженіемъ лицъ, кон однако же всѣ свѣтскіи, съ большими окладами, изъ Духовно-учебныхъ капиталовъ.

Владыка Филаретъ, разговаривая о семъ со мною, сказалъ: «Вотъ ты до чего здѣсь дожилъ: при тебѣ упразднили Комисію!»

Сказано было мягкимъ тономъ, съ полуулыбкою: я не понималъ ее тогда, да и теперь не понимаю ясно. Смѣшана скорбь съ радостію.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Комисіи застѣвали и свѣтскіе: Мецкерскій, Голицынъ, ⁵⁵ Оберъ-Прокуроръ: они, конечно, мѣшали духовнымъ.

Между тѣмъ, и самъ Великій Филаретъ еще не могъ достаточно сказать, что будетъ изъ сего нововведенія хорошаго, и что не хорошаго.

XXVII.

13 Февраля, 1840 года, во вторникъ недѣли о Блудномъ сынѣ, я былъ у Митрополита Филарета. Представленіе сіе мое записано мною современно. Выписываю буквально:

«Пришелъ я въ 10 часу дня. Доложили обо мнѣ: приказано пождать. Я пошелъ къ Александру Петровичу Святославскому (Ильмоводителю Владыки). Пробылъ минутъ двадцать. Потребовалъ Владыка.

Вхожу, кланяюсь; получилъ благословеніе. Приказано сѣсть поближе.

Владыка: «Что ты теперь дѣлаешь?»

Я.—Ничего.

В. «Давно ли безъ дѣла?»

Я.—Съ мѣсяцъ.

В. «А тогда что дѣлалъ?»

Я.—Писалъ предположеніе о переводѣ Св. Отцевъ.

В. «Какія у тебя были главныя мысли?»

Я. (Замаялся).—Предположено трудъ перевода раздѣлить по Академіямъ; печатать уроками, періодически.....

В. «Не хорошъ твой проектъ. Періодическій срочный трудъ и печатаніе 1) затруднитъ Академію, особенно въ мѣсяцы экзамена и годъ выпуска; 2) не удобенъ по тому, что будетъ разсѣкать цѣлость твореній Отеческихъ; 3) не хорошо, что положена плата переводчику за листъ. Тутъ можетъ выйти: для большей платы будутъ спѣшить переводить, а о совершенствѣ перевода не позаботятся.

«Да развѣ Академіи безъ дѣла, что ты ихъ потчиваешь такими тягостными трудами?»

Если учащихся въ Академіяхъ обязать строгимъ предписаніемъ къ симъ постороннимъ для нихъ трудамъ, они будутъ не хороши въ классѣ: отнимешь у нихъ время. Ты бы Вятскому Ректору (т. е., мнѣ) порекомендовалъ такую работу. (Это было сказано полусерьезно и съ полуудыбкою).

«Александръ Ивановичъ Карасевскій вздумалъ управлять нашими духовными дѣлами. Ему, правда, и дано право на это. Да онъ очень благоразумно дѣлаетъ, что, не зная нашихъ дѣлъ, употребляетъ для сего изъ нашихъ (т. е., меня). Ему все простительно. Говоритъ, какъ разумѣтъ, и какъ ему представлено (т. е., отъ меня). Но ты какъ не разсудилъ спросить никого, кто постарше тебя, а принялся рѣшать такія трудныя, до всего духовенства относящіяся, задачи одною своею головою?»

Я.—Не смѣлъ утруждать, будучи отдѣленъ отъ духовныхъ моимъ настоящимъ положеніемъ, о чемъ непрестанно жалю.

Владыка. «Такія извиненія никуда не годятся; я ихъ не люблю. Чего тутъ опасаться безпокоить, гдѣ дѣло идетъ объ общемъ благѣ? Хорошъ ли бы я былъ, если бъ, идя ночью, видѣлъ человека, упавшаго въ яму, и прошелъ мимо его потому, что, не имѣя возможности вынуть его одинъ, не осмѣялся безпокоить близъ живущаго сосѣда? Кто тебѣ отказывалъ, и кто откажетъ? Опасаться тутъ нечего: это не тайна. А совѣтъ старшаго былъ бы твердъ, и тебѣ полезенъ, и къ дѣлу годенъ.»

Помолчавъ не много, Владыка тяжело вздохнулъ съ молитвой: «Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь!» Кажется, уже и мы живемъ въ предмѣстіяхъ Вавилона, если не въ немъ самомъ. Какъ мало примѣчаютъ знаменія Всевышняго Промысла, проти-

водѣйствующія и полагаемыя во обличеніе неправодѣйствія! Куда идутъ? чего хотятъ? Не жалѣемъ, что сокращаютъ и отнимаютъ во-все власть: видно, на то есть воля Божія—за наши грѣхи. Но жаль, что терпятъ общее благо. Все только портятъ, а не усовершенуютъ.»

Это послѣднія слова Владыки. Тутъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ: За чѣмъ я пришелъ?

Я замаялся; по тому что пришелъ больше послушать его. Однако сказалъ: «Я желалъ бы слышать о моей Грамматикѣ.»

Владыка. «Ну, виноватъ. Теперь брани меня ты. Не читалъ еще твоей Грамматики. Некогда: а то былъ болѣнъ.»

Столько записано тогда же.

Прибавляю нынѣ:

Первое. О Грамматикѣ (см. выше XXV ст.).

Второе. О Проектѣ перевода Св. Отцевъ:

Въ многократныхъ моихъ бесѣдахъ съ Карасевскимъ (я былъ у него въ родѣ его компаніона, послушника, исполнителя его приказаній, по распоряженію Графа Протасова), я не разъ входилъ въ разсужденія о переводѣ классической древности—Греческой и Латинской на Русскій языкъ, и удостовѣрилъ, что только съ того времени, какъ будетъ переведена на Русскій языкъ классическая древность, можно ожидать, что въ Россіи водворится самостоятельное классическое образованіе. Такъ было у Англичанъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ.

За тѣмъ, еще настойчивѣе я утверждалъ, что только съ того времени, какъ Русскіе богословы будутъ читать Святыхъ Отцевъ на Русскомъ языкѣ, можно ожидать, что они будутъ самостоятельныя и зрѣлыя Богословы, и не будутъ завистъ отъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ богослововъ и богословій.

Карасевскій мнѣ предложилъ изложить сіи мои мысли на бумагѣ. Я это сдѣлалъ, и подалъ ему.

Карасевскій видно съ симъ моимъ проектомъ явился къ Митрополиту Филарету.

По свойственному мнѣ легкомыслію и торопливости (а можетъ быть меня и торопили), я позабылъ (винось) съ симъ проектомъ сперва явиться къ Митрополиту. (Отвѣтъ мой Филарету на этотъ вопросъ не искренній, ложный. См. выше.)

Можетъ быть я еще и опасался представить Владыкѣ сей мой проектъ по тому, что могъ ожидать отъ него неодобренія (какъ и случилось).

Скажу однако: послѣ сего моего проекта, чрезъ два года, и въ самомъ дѣлѣ начали переводить въ Московской Академіи Григорія Богослова, а въ Санктъ-Петербургской Академіи историковъ — Евсевія, Сократа, Созомена, а потомъ Іоанна Златоустаго.

И изъ разговора Владыки со мною отчасти видно, что его упреки мнѣ были сущіе отеческіе. Но на бумагѣ нельзя изложить той Ангельской кротости и благожеланій Владыки, какія печатлѣлись на устахъ его, во взорѣ, тонѣ рѣчи и движеніяхъ его въ это время. Онъ бранилъ меня; но я желалъ бы чаще слышать такую созидающую, согрѣвающую, радующую брань.

Видно было, что Владыка не шутилъ тѣмъ, что говорилъ. И увлекаясь сладостію истины, забывалъ неизмѣримость разстоянія между нимъ и его маленькимъ слушателемъ: говорилъ со мною, какъ человѣкъ не много постарше меня.

Конечно, въ этотъ благодатный разъ было со мною много и другихъ рѣчей Владыки (онъ обыкновенно держалъ меня съ часъ, а иногда и гораздо болѣе); онѣ тогда не записаны, а теперь я уже ничего не помню.

XXVIII.

Въ 1840 году, въ Вознесеніе Господне, 4 Маія, я напросился служить съ Митрополитомъ Филаретомъ, въ его домовую церковь, на Троицкомъ подворьѣ.

Прихожу въ церковь. Вижу другого Архимандрита, тоже готовящагося служить со Владыкою. Это—Архимандритъ Макарій, первый и знаменитый Алтайскій миссіонеръ.⁵⁶

Служили со Владыкою. (Макарій не позволялъ мнѣ стать на второе мѣсто, какъ я хотѣлъ, уважая его лѣта и подвиги; но онъ рѣшительно отклонилъ, сказавъ: «Вы на службѣ; я сошелъ съ нея.») Послѣ служенія, по обычаю, пошли ко Владыкѣ на чай.

Полна гостинная господъ и почти однѣ женщины, изъ коихъ нѣкоторыя очень молоды. Намъ съ о. Макаріемъ едва достали два послѣднихъ стула.

Выпивши по чашкѣ чаю, мы съ о. Макаріемъ встали, приняли благословеніе у Владыки, и вышли.

Въ залѣ о. Макарій меня остановилъ и сталъ спрашивать, кто я, откуда и что здѣсь дѣлаю. Сказавши въ пяти словахъ отрывисто,

я просилъ о. Макарія выйти изъ залы и въ его кельѣ я обѣщался говорить съ нимъ, сколько онъ пожелаетъ.

Макарій не послушалъ, а началъ прогуливаться взадъ и впередъ по залѣ, держа меня за руку и прося рассказать о себѣ шире и шире.

Я былъ какъ на иглахъ, ежеминутно опасаясь выхода гостей отъ Владыки. Макарій успокоивалъ: «Нѣтъ; гости просидятъ долго у Владыки.»

Мнѣ совѣстно было грубо отказывать о. Макарію; я сталъ съ нимъ прогуливаться по залѣ.

И что же?

Отворяется гостиная, боярыни выходятъ, вертятся обычно и нѣжно кланяясь Владыкѣ; а я закинулъ обѣ руки назадъ и кланялся.

Владыка вышелъ было въ залу за боярынями и милостиво кланялся имъ, но, увидѣвъ насъ, онъ выпыхнулъ, въ глазахъ блеснула молнія; онъ быстро повернулся назадъ, и хлопнулъ за собою дверь такъ, что зазвенѣли окна.

Такъ то полу-юродивый Архимандритъ Макарій ввелъ меня во искушеніе.

Послѣ этого Макарій не сталъ меня удерживать, и мы разошлись каждый въ свое мѣсто.

Я, однако же, былъ какъ-то у о. Макарія въ его кельѣ (на подворьѣ Владыки). Помню, что разговоръ былъ интересный, а о чемъ, теперь не помню.

Онъ въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ, между прочимъ, съ своимъ переводомъ Пророковъ съ Еврейскаго на Русскій. Онъ просилъ Св. Синодъ дозволить напечатать сей его переводъ.

Тогда это казалось святотатствомъ. Митрополитъ Серафимъ сказалъ (яко бы) въ Синодѣ о семъ переводѣ Пророковъ: «Въ печь этотъ переводъ!»

Нынѣ онъ, однако же, напечатанъ. ⁴¹

Послѣ сей тяжелой сцены, я не смѣлъ долго явиться ко Владыкѣ, и взглянуть на его Ангельски-дѣвственный взоръ и ликъ. Добрый Владыка видно мнѣ простилъ: я оправдываться не смѣлъ, а онъ не заводилъ о семъ рѣчи, и наки былъ милостивъ ко мнѣ.

XXIX.

Въ день Святителя Николая, 6 Декабря, 1839 года, я, какъ чередной Архимандритъ, долженъ былъ произнести проповѣдь тамъ, гдѣ главное Архіерейское служеніе (Императоръ Николай въ этотъ день праздновалъ свое тезоименитство). Служеніе было въ Морекомъ Никольскомъ Соборѣ. Служилъ Митрополитъ Филаретъ Московскій.

Архимандритъ, говорящій проповѣдь, въ этотъ день не служитъ; проповѣдь свою говорить въ причастенъ, въ мантии.

Филаретъ приказалъ мнѣ говорить проповѣдь въ «Буди имя Господне!»..., и сѣлъ въ царскихъ вратахъ, чтобъ слышать мою проповѣдь и видѣть самого меня.

Вышло несчастье: проповѣдь переписана была чужою рукою, а не мною (прежде я всегда самъ переписывалъ); писалъ подъячій малограмотный; въ соборѣ суцій мракъ (въ нижнемъ этажѣ); я не учу наизусть моихъ проповѣдей. По сему довелось взять тетрадь въ руки, и, поднеся ее близко къ глазамъ, читать какъ урокъ, безпрестанно заботясь лишь о томъ, чтобъ не превратъ своей рѣчи. Было очень грустно! Это былъ единственный случай въ моей жизни—сказать проповѣдь при такомъ великомъ цѣнителѣ нашемъ.

Филаретъ, однако же, тщательно выслушалъ всю мою проповѣдь; рассказалъ мнѣ ея содержаніе. Не похвалилъ (но безъ укоризны) мои натуральные доказательства о безсмертіи души. (Въ проповѣди церковной это почти излишне, сказалъ Владыка). А, впрочемъ, о проповѣди отзывался благосклонно. Это было сказано Владыкою не въ церкви, а дома, гораздо послѣ.

Отъ обѣдни Митрополитъ зашелъ къ мѣстному Протоіерею, Тимоѳею Оеропонтовичу Никольскому (Магистръ 1 курса, Сиб. Ак. и ученикъ Филарета). ⁵⁸ Здѣсь побывать для чашки чая только.

Тутъ, между нѣсколькими свѣтскими, былъ Горголи, старецъ глубокой, со многими звѣздами.

Онъ недавно расписалъ (на свой счетъ, и едва ли не своею рукою) алтарь Николаевскій. На стѣнахъ окна, на горнемъ мѣстѣ, изображены, въ колоссальномъ видѣ, четыре Евангелиста, съ символами—Ангелами. Кажется, одни символы безъ Евангелистовъ. У Ев. Марка левъ огромный и страшно свирѣпый.

Филаретъ сказалъ: «Въ духовномъ мірѣ, у небожителей, нѣтъ свирѣпости. Вы поступили бы лучше, если бы дали Ангеламъ болѣе мягкій видъ.»—Горголи выслушалъ, и смиренно преклонился, въ знакъ согласія и какъ бы прося извиненія.

XXX.

Въ день Филаретовъ, 1 Декабря, 1839 года, я навязался служить со Владыкою Московскимъ у него, на подворьѣ.

Филаретъ сказалъ спасибо, но сквозь зубы. Тогда я просто поѣдумалъ, что надоѣдаю своею навязчивостію. Нѣтъ: Владыка и себя и меня ограждалъ отъ злорѣчій и подозрѣній: тогда твердили, что Никодимъ самъ по себѣ ребенокъ, какъ всякій молодой Ректоръ; но что его лелѣетъ Филаретъ по причинамъ, которыя находилъ въ своей черной душѣ всякій, хватаясь за первое, что попадалось, всегда въ укоризну Филарету.

Правда, и Графу Протасову и Карасевскому я всегда величалъ Филарета, и не позволялъ при себѣ унижать его: но это была только справедливость съ моей стороны. И Филаретъ только цѣнилъ то во мнѣ, что есть, и какимъ ему я казался.

На чай, послѣ обѣдни, я пошелъ къ Економу подворья (Иннокентій, нынѣ Архимандритъ, Настоятель Андронникова монастыря). „

У Митрополита, въ это время, были вельможи въ лентахъ и звѣздахъ. Экипажи ихъ запрудили Троицкую улицу и площадь подворья.

(Я былъ, 8 Ноября, у Митрополита Серафима (день ангела его). Много людей, но только духовные. А свѣтской знати почти никого).

XXXI.

12 Декабря, 1839 года (день рожденія покойнаго Императора Александра Павловича), мы служили съ Митрополитомъ Филаретомъ въ крѣпости, въ Петропавловскомъ соборѣ. Владыка простудился.

Въ соборѣ, когда придешь служить, 11 градусовъ тепла, а кончишь служеніе, будетъ только 3 градуса. Сверхъ того, какое-то сильное и пронзающее теченіе воздуха идетъ изъ церкви въ алтарь, сквозь парекія врата.

Владыкѣ посовѣтовали какія-то барыни имѣть подрясникъ теплый на пуху: онъ отъ того и простудился (сказывали).

Филаретъ глубоко чтилъ память великаго Александра; ⁶⁰ ибо, кромѣ того, что знаютъ многіе, онъ зналъ то, чего, можетъ быть, и доселѣ не знаютъ о семъ великомъ Государѣ.

XXXII.

19 Декабря, 1839 года, я былъ у Митрополита Филарета. Между разговорами, онъ сказалъ: «и иностранныя газеты пугаютъ чѣмъ-то враждебнымъ противъ Вѣры и Церкви въ будущемъ 1840 году.»

Потомъ пошла рѣчь о лжепророкахъ, о Штилингѣ. ⁶¹

Жаль, что не записаны были въ то время рѣчи Владыки. Онѣ конечно интересны.

Филаретъ не увлекался сими лжепророками: это я твердо знаю. А, однако, онъ не былъ къ нимъ равнодушенъ, по крайней мѣрѣ не презиралъ ихъ.

Здѣсь припоминаю обстоятельство:

Бородинская Игуменія Марія Тучкова (родомъ Нарышкина) показывала мнѣ Библію Митрополита Филарета, которую онъ ей подарилъ. Библия въ осьмушку, стереотипная, Библ. Общества, безъ цитатъ внизу. Библия преисполнена замѣчаній и отмѣтокъ рукою Филарета, чернилами.

Я помню отмѣтки въ Апокалипсисѣ: надъ какимъ-то Ангеломъ съ трубою отмѣчено на полѣ: «Г-жа Гіонъ?» ⁶²

Стоитъ поискать эту Библію, и приобрести въ общую сокровищницу памяти о великомъ Филаретѣ.

XXXIII.

9 Генваря, 1840 года, ко мнѣ приходитъ старуха, въ лохмотьяхъ, полуумная, но дерзкая. Говоритъ:

«Я дѣвица духовнаго званія. Изъ Москвы. Пришла въ Петербургъ нѣшкомъ. Хочу жаловаться Государю на Митрополита Филарета вотъ за что: У меня былъ братъ Священникъ. Онъ умеръ, и жена его. Послѣ нихъ осталась дочь отроковица. Я ее привела къ Митрополиту. Онъ ее опредѣлилъ въ Горихвостовское заведеніе, и сказалъ: «Пусть учится твоя племянница въ этомъ заведеніи, а когда вырастетъ, дадимъ жениха.» Дѣвочка выучилась, выросла, я привела ее къ Филарету, и сказала: «Давай ей жениха, какъ общался!» — Филаретъ сказалъ: «Это не мое дѣло. Ищи сама, а я дамъ мѣсто.»

За это-то эта полуумная старуха и пришла пѣшая въ морозы, въ лохмотьяхъ, жаловаться Государю.

Ко мнѣ же она пришла, кажется, съ тѣмъ, чтобъ я ее наставилъ, какъ и гдѣ подать просьбу, даже чтобъ я написалъ и просьбу.

Я ее разобралъ и грозилъ, что если она осмѣлится утруждать Государя просьбою, будетъ сослана въ Сибирь.

Что же она?—Она точно подала просьбу на Филарета.

Скитаясь по Петербургу, голая и голодная, не имѣя пристанища, она поднята была Полиціею окостенѣвшая у забора. Ее отослали въ Обуховскую больницу. Стали лѣчить. На это время Великій Князь посѣтилъ эту больницу. Эта полуумная подала просьбу Наслѣднику на Филарета, и его спрашивали!

Старуха, пришедши ко мнѣ, заговорила, обливаясь слезами: «Защити, Архимандритъ Никодимъ, гонимую сироту! Я о тебѣ слышала, что ты добрый и милостивый человѣкъ.»

Такъ невѣжество ехидно!

Такъ не даромъ теряютъ умъ свирѣпыя души!

Такъ и милости требуютъ осторожностей!

XXXIV.

27 Февраля, 1840 г., во вторникъ 1 недѣли поста, я былъ въ церкви Московскаго подворья, чтобъ послушать чтеніе великаго канона.

Народу много до сущей давки.

Митрополитъ Филаретъ читалъ канонъ предъ царскими дверями смиренно, какъ монахъ пустынный. Читалъ ясно, но безъ экспрессіи, монотонно, какъ читалъ бы простой неученый Іеромонахъ.

Меня это удивило. Сколько я слыхалъ ученыхъ Настоятелей, обыкновенно читаютъ этотъ канонъ съ выраженіемъ.

Урокъ нашей суетности!

Филаретъ ли не умѣлъ бы прочитатъ канонъ Св. Андрея ораторски?

Не скрою, однако, что легкая декламация, по крайней мѣрѣ ударенія на словахъ болѣе значущихъ, будутъ не лишни, въ такомъ пылающемъ чувствами канонѣ.

XXXV.

16 Марта, 1840 года, въ субботу 3 недѣли поста я былъ у Владыки.

Сперва онъ довольно защищался предо мною, что не успѣлъ еще

прочитать моей Русской Грамматики. Такъ великіе люди снисходительны и къ малымъ.

Потомъ онъ сталъ говорить со мною отрывисто: куда-то спѣшилъ.

1, О проектѣ Лексикона Еврейскаго, придуманномъ Архимандритомъ Аванасіемъ, Ректоромъ Рязанской Семинаріи (нынѣ Архіепископъ Астраханскій) ⁶⁴ Владыка сказалъ: «Странность и щегольство!»

Проектъ остался безъ исполненія.

2, О краткой Латинской Грамматицѣ, кѣмъ-то сочиненной (не записано) и навязываемой Духовнымъ Училищамъ:

«Тяжелаго не сдѣлаешь легкимъ. Что можно, облегчено: осталось, чего облегчить нельзя.»

«Отъ такихъ легкообученій нынѣ уже и Германскіе Доктора наукъ претыкаются о Грамматику, и не краснѣютъ, пиша по Латини съ ерорами.»

3, Владыка подивился Грамматицѣ «Русская для Русскихъ» Г. Полозова:

«Это чепуха, забвеніе и языка, и Грамматики, и учителя, и слушателей.»

XXXVI.

31 Марта, 1840 года, Воскресеніе 5 поста.

Въ это Воскресенье, и въ это число я постриженъ въ монахи, въ 1829 году, въ Лаврѣ Преп. Сергія.

Я рѣшился служить на Троицкомъ подворьѣ со Владыкою. Спасибо не пренебрегъ, хотя вышелъ косою соборъ.

Какъ въ царствіи небесномъ я былъ, служа предъ лицомъ такого тихаго, благоговѣйнаго, умильнаго Владыки.

Пѣвчіе отличные, разумные, степенные, пѣли скромно. Пѣли концертъ:..... «Коснись горамъ, и воздымаются»..... Но не было дикаго рева и взрыва.

Послѣ литургіи приказалъ Владыка быть у него: двѣ чашки чаю.

Вопросъ: «По чему ты служилъ у меня?»

Отвѣтъ: «Въ сей день и въ сіе число я постриженъ въ монаха въ Лаврѣ Преп. Сергія.»

Опять Владыка извинился предо мною, что не читалъ моей Грамматики. Взялъ ее. Началъ читать, дѣлалъ замѣчанія.

Потомъ сказалъ: «Я усталъ. Дай отдохнуть: прости!»

Такъ мягко и нѣжно не говаривалъ со мною ни одинъ Владыка, даже и по полученіи мною сана Архіерейскаго.

XXXVII.

29 Марта, 1840 года, въ Пятницу вечеромъ, я слушалъ Всенощное Акаеиста на Троицкомъ подворьѣ. Хотѣлось послушать чтеніе Акаеиста Владыкою.

(Записано тогда же.) Акаеистъ читалъ Митрополитъ Филаретъ рѣдко, умирительно, неухищренно, выразительно.

Были исправленія:

Вмѣсто — многоплачевный струпъ — многоплачевное поражение.

Вмѣсто—яко блдлива—яко безумна.

Вмѣсто—Садителя жизни нашей—Насадителя жизни нашей.

XXXVIII.

5 Апрѣля, 1840 года, въ Пятницу 6 недѣли поста, Митрополитъ Филаретъ потребовалъ меня къ себѣ, въ часа 4 вечера.

Грамматика моя прочитана. Много замѣчаній. Есть поправки. Я почти со всѣми согласенъ.

«Надобно было видѣть, какъ Владыка былъ остороженъ, критикуя; будто боится, чтобъ не огорчить. Замѣчанія поучительны.» (Современная записъ.)

XXXIX.

24 Апрѣля, 1840 года, Директоръ Духовно-учебнаго Управленія, Александръ Ив. Карасевскій, вручилъ мнѣ три проекта: 1) свой, 2) Митрополита Филарета Московскаго, 3) Митрополита Кіевскаго. Въ нихъ исчислены предметы обученія въ Семинаріи, съ прибавленіемъ новыхъ—Сельскаго Хозяйства, Медицины, Естественной Исторіи, Катихизиса Петра Могилы.

Мнѣ поручено раздѣлить сіи предметы по классамъ въ недѣлю, и назначить въ каждое Отдѣленіе Семинаріи Наставниковъ.

26 Апрѣля я былъ у Московскаго Владыки, повѣдалъ ему о данномъ мнѣ порученіи, и просилъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ наставленія.

Было много драгоценныхъ рѣчей. Не помню ихъ. Вотъ что записано только:

На мою жалобу о исключеніи Философіи и пополненіи Семинаріи ученіями ничтожными и бесполезными, Владыка сказалъ:

«Надобно въ чемъ нибудь и имъ (свѣтскимъ) уступить, чтобъ отъ нетерпѣливости не перенортили всего.»

О Философіи и Математикѣ Владыка сказалъ: «Науки сіи нужны въ Семинаріи, какъ оселокъ испытанія, изощренія и приведенія въ порядокъ мыслящаго духа.»

О Медицинѣ сказалъ:

«Поверхностное знаніе Семинаристами Медицины бесполезно, даже вредно. вмѣсто излѣченія могутъ увеличить болѣзнь.»

«До сихъ поръ Священникъ приходскій есть врачъ духовный. Всякій совѣтъ его пріемлется за святость. Когда же онъ будетъ лѣчить болѣзни тѣлесныя лѣкарствами земными, то можетъ произойти, что его неудачное лѣченіе лишитъ его довѣрія даже и въ совѣтахъ духовныхъ.»

«И смертная болѣзнь иногда начинается легкими припадками. За тѣмъ болѣзнь растетъ, усиливается, не уступаетъ лѣкарствамъ; человекъ умираетъ! Тогда родные скажутъ: «Вотъ больной заболѣлъ легко, но батюшка далъ ему какое-то лѣкарство, и онъ умеръ!»

На охоту учить безъ правилъ (Романтизмъ), вмѣсто того, что прежде учили правилами (Классицизмъ), Владыка сказалъ:

«Какъ бы не дожить до того, что ученики будутъ учить учителей, и начальникамъ приказывать подчиненные.»

(Впрочемъ, тутъ кажется есть и другой смыслъ. Проекты Митрополитовъ отдають на пересмотръ Архимандриту! Но добрый Владыка на меня не сердился, по тому что видѣлъ меня въ полону у свѣтскихъ).

Мое размѣщеніе предметовъ ученія по числу уроковъ въ недѣлю, и исчисленіе учителей, въ это время составленное, не принято, но подвергнуто новому разсмотрѣнію въ Собраніи, состоявшемъ изъ четырехъ Архимандритовъ, въ числѣ коихъ я былъ третій:

1 Николай, Ректоръ С.-Пб. Академіи (вскорѣ Тамбовскій Епископъ). ⁶⁵

2 Аѳанасій, Ректоръ С.-Пб. Семинаріи (чрезъ годъ Епископъ Томскій). ⁶⁶

3 Я, Никодимъ.

4 Іоаннъ, Ректоръ Харьковской Семинаріи (послѣ первый Ректоръ Казанской Академіи).

Было два засѣданія въ Духовномъ Учебномъ Управленіи, въ присутствіи Карасевскаго и Начальника Отдѣленія, 27 Іюня и 1 Іюля.

Предсѣдательствовалъ Ректоръ Академіи. Я возражалъ ему жарко, ибо видѣлъ, что онъ, потворствуя свѣтскимъ, увеличивалъ число уроковъ на Медицину, Сельское Хозяйство и проч., и сокращаетъ число уроковъ на коренныя науки, на примѣръ: Словесности давалъ 5 уроковъ, Философіи 4 урока.

Моиими возраженіями я хотъ не много оттянуль уроковъ отъ пустыхъ ученій къ кореннымъ.

Два другіе Архимандрита молчали. ⁶⁷

XL.

29 Октября, 1840 года, я былъ на поклонѣ у Митрополита Филарета. Онъ вчера пріѣхалъ изъ Москвы.

Былъ принятъ милостиво, съ такою, одному ему свойственною. Первый взглядъ его уже внушаетъ ему полное довѣріе.

Ни съ однимъ Архіереемъ я не говаривалъ такъ свободно, ни одинъ Архіерей не позволялъ мнѣ такой близости къ себѣ, ни одинъ Архіерей не привязывалъ меня къ себѣ такъ могущественно и рѣшительно, и я не видывалъ и не слыхивалъ Архіерея, говорящаго и поучающаго такъ мудро, проникательно, дѣльно, каковымъ всегда былъ этотъ великій Святитель.

Не опасайтесь: будучи близокъ къ маленькому, онъ не уронитъ себя, и не дастъ этому малому забытья: нѣтъ, онъ благъ, но и величественъ.

Владыка спросилъ меня о моей Грамматикѣ, и велѣлъ принести ее къ себѣ.

Спрашивалъ, что я дѣлалъ прошедшимъ лѣтомъ, что дѣлаю теперь?

Выразилъ отеческое участіе въ моей грусти о томъ, что я ни

при мѣстѣ, ни безъ мѣста, ни при дѣлѣ, ни безъ дѣла. Я отвѣчалъ молчаніемъ и поклонами.

Пожалѣлъ, что не приняли моего проекта о раздѣленіи курсовъ Семинаріи на годы. Я предлагалъ: а) въ Училищѣ пять лѣтъ, въ Семинаріи семь; б) каждый годъ считать курсомъ и каждый годъ пролюція (переводъ въ высшій классъ), и въ Училищѣ и въ Семинаріи.

2 Ноября былъ у Митрополита и подалъ ему мою Русскую Грамматику.

Прочитавши въ ней мое предисловіе, онъ сказалъ:

«Тамъ какъ хотять. Если не согласится принять (т. е., во всеобщее употребленіе), я велю напечатать для училищъ своей Епархіи. Впрочемъ, надобно внимательно прочитать.»

Грамматика осталась у Владыки.

XLI.

Въ Августѣ 1840 года пріѣхалъ въ С.-Петербургъ изъ Каменца-Подольска тамошній Архіепископъ, Кирилль, вызванный сюда для присутствія въ Св. Синодѣ. ⁶⁸

Онъ помѣстился на Синодальномъ подворьѣ, т. е., тамъ, гдѣ жилъ и я.

Преосвященный Кирилль скоро приласкалъ меня.

Ему дано было порученіе: прочитать сочиненія восьми Студентовъ Московской Духовной Академіи, въ семь году кончившихъ курсъ.

Отъ каждого Студента было отъ трехъ до пяти проповѣдей и, по крайней мѣрѣ, два разсужденія.

Это не малая кипа тетрадей!

Болѣзненный Преосвященный Кирилль просилъ меня перечитать всѣ сіи сочиненія, составить на каждое сочиненіе примѣчанія, и ему представить.

За симъ дѣломъ я сидѣлъ съ мѣсяцъ, и подалъ Преосвященному Кириллу мои примѣчанія.

Кирилль былъ очень радъ, благодарилъ, и обѣщался подать ихъ Синоду.

Однако, такъ какъ примѣчанія мои большею частію указывали

ошибки и недостатки, а не дѣлали похвалъ сочинителямъ: то я просилъ Владыку пересмотрѣть дѣло вновь, слишкомъ строгія сужденія смягчить, а нѣкоторыя и совсѣмъ выпустить. Я сказалъ Преосвященному Кириллу: «Я дѣлалъ мои замѣчанія для васъ, а не для Синода: прошу смягчить ихъ.» Едва согласился Владыка измѣнить кое что.

Рапортъ или представленіе Св. Синоду, съ возвращеніемъ сочиненій Студентовъ и съ приложеніемъ отзыва его о каждомъ изъ нихъ, Преосвященный Кириллъ продиктовалъ мнѣ самъ. Здѣсь онъ строго осуждалъ начальство Академіи за представленіе столь не совершенныхъ сочиненій, а также и за то, что сіи несовершенства читавшими ихъ наставниками не отмѣчены.

Въ такомъ видѣ дѣло поступило въ Синодъ.

Въ одно изъ близкихъ засѣданій назначено слушаніе сего дѣла.

Оберъ-Секретарь читаетъ Присутствію дѣло: сперва рапортъ Преосвященнаго Кирилла, потомъ замѣчанія на сочиненія Студентовъ.

Члены Синода изумились. Напряженное молчаніе. Свѣтскіе вытянулись съ сардоническою улыбкою, ожидая бурной сцены между Митрополитомъ Филаретомъ и Архіепископомъ Кирилломъ.

Филаретъ дѣйствительно видимо раздражался, не разъ останавливалъ читающаго, дѣлалъ обращенія къ Преосвященному Кириллу, старался смягчить фразы, требовалъ объясненій. Такая сцена раздраженій длилась долго. Наконецъ Филаретъ, чтобы прекратить смущеніе, сказалъ отцамъ Синодскимъ:

«Позвольте мнѣ взять это дѣло и пересмотрѣть. Можетъ быть, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Каменецъ-Подольскимъ, мы найдемъ способъ дать ему мирное окончаніе.»

Филаретъ сидѣлъ съ Преосвященнымъ Кирилломъ рядомъ (Филаретъ во второй, Кириллъ въ третьей парѣ). Отъ нетерпѣнія онъ толкалъ Кирилла въ бокъ, говоря тихонько: «Что ты говоришь? Противъ кого? Позабылъ свою родину?»

Пріѣхавши изъ Синода, Преосвященный Кириллъ разсказалъ мнѣ все это, изумляясь:

«Ну, братья! я сегодня въ Синодѣ вытерпѣлъ такую бурю, какой и не помню въ жизни. Московскій Владыка пришелъ въ великую досаду за наши съ тобою замѣчанія на сочиненія Московскихъ Студентовъ.»

Во всю эту сцену прочіе Члены Синода молчали; разглагольствовали одинъ Митрополитъ Серафимъ, и смѣшилъ собою.

На примѣръ:

О разсужденіи одного Студента Преосвященный Кирилль написалъ:

«Разсужденіе сіе (о вѣчности мученій) не представляетъ новыхъ взглядовъ на этотъ предметъ.»

Серафимъ подхватилъ: «Благодарю васъ, Преосвященный. Замѣчаніе хорошее. У нихъ все новые взгляды!»

Изумились всѣ и свѣтскіе и духовные!

Такъ-то малодушенъ и предзанятъ былъ Митрополитъ Серафимъ противъ Филарета!

Въ Синодѣ дѣло это въ самомъ дѣлѣ кончилось тихо; но не легко было Академіи Московской: имъ даны строгія замѣчанія.

Изъ восьми Студентовъ, кажется, двое не получили степени Магистра, хотя къ тому были представлены.

Дѣло это остудило Митрополита Филарета отъ меня. Онъ меня, кажется, не бранилъ за него; но я потерялъ у него много довѣрія къ себѣ.

Но! пусть кто какъ хочетъ судить. Оставляя интриги, которымъ я никогда не даю цѣны, скажу: я сдѣлалъ такъ, какъ понялъ дѣло. Я не виновенъ, что! Академическое Начальство небрежно, а студенческія сочиненія плохи.

XLII.

Преосвященный Кирилль съ Августа началъ ѣздить въ Синодъ. Филаретъ пріѣхалъ въ концѣ Октября.

Въ Ноябрь призываетъ меня къ себѣ Преосвященный Кирилль, и говоритъ:

«Ну, братъ, я сегодня былъ въ Синодѣ, и Синода не узналъ.

«Бывало мы съ Митрополитомъ Юною (Грузинскимъ) ⁶⁹ сидимъ въ присутствіи часъ и болѣе даромъ. Дѣлъ никто никакихъ не полагаетъ; свѣтскіе то войдутъ въ присутствіе, то выйдутъ; прогуливаются какъ на бульварѣ, и изрѣдка заводятъ съ нами рѣчи, и почти всегда о пустякахъ.»

«Сегодня, когда впервые пожаловалъ въ Синодъ Митрополитъ Московскій, все приняло строгій чинъ и порядокъ.

Прокуроръ съ своими чинами на мѣстѣ; Оберъ-Секретарь съ кипою докладовъ.

Начинаются доклады одинъ за другимъ, выслушиваются рѣшенія Синода, безъ перерыва. И послѣ двухъ часовой работы, встаемъ, молимся, раскланиваемся, разъѣзжаемъ по своимъ мѣстамъ.»

Такъ много значилъ Филаретъ въ Синодѣ.

XLII.

Синодскіе анекдоты:

а) Мнѣнія и предположенія Членовъ Св. Синода не всегда принимались: ихъ иногда отклоняли. Даже самъ Митрополитъ Серафимъ терпѣлъ неудачи: напротивъ, предложенія Митрополита Московскаго всегда оставались дѣломъ и закономъ.

б) Серафимъ, по слабости здравія, попросилъ Митрополита Московскаго читать и подписывать журналы и протоколы Синода первымъ: «Вы помоложе меня, скажите онъ, потрудитесь вычитывать, и подписывайте, что признаете справедливымъ. А я уже за Вами буду подписывать, доверяя Вамъ, не читая.»

Филаретъ принялъ предложеніе. Канцелярія и все свѣтское попкили. Своеволія прекратились.

Спустя не много времени, одинъ изъ засѣдающихъ за Прокурорскимъ столомъ пришелъ къ Серафиму и, принявши видъ самаго покорнаго послушника, изъяснилъ свою жалобу на Митрополита Филарета: «Вы ему поручили первому читать журналы. Но онъ къ Вамъ не благодаренъ: отмѣняетъ Ваши опредѣленія.» И въ доказательство пріискалъ какую-то забытую мелочь.

Серафимъ вспыхнулъ, и отмѣнилъ уступку, данную Филарету, сказавъ чиновнику важно: «Подавать снова дѣла мнѣ прежде всѣхъ.» (Это я слышалъ въ тѣ годы, когда жилъ въ Петербургѣ (1838—41).

в) Митрополитъ Филаретъ самъ мнѣ сказалъ однажды: «Свѣтскіе въ Синодѣ вольничаютъ. Даже отмѣняютъ данныя Синодомъ рѣшенія.» Тутъ онъ разсказалъ какое-то дѣло о церкви въ Нижегородской Епархіи. Синодъ его рѣшилъ — да, а въ журналѣ написано — нѣтъ.

22 Сентября,

1868 года.

г) Доводилось мнѣ не разъ сидѣть у Митрополита, какъ вдругъ приходилъ Прокуроръ Графъ Протасовъ.

Владыка тотчасъ надѣвалъ рясу и покрывалъ себя Митрополичьимъ клобукомъ (онѣ у него всегда готовы въ шкапѣ, что у софы).

Меня Владыка тотчасъ отпускалъ, благословивши.

Со мною же блаженный Владыка часто бесѣдовалъ просто въ подрысничкѣ.

Черный, шерстяной; кушакъ той же матеріи, густой, завязанъ узломъ. На головѣ черная сѣтка плетеная, либо скуфья черная. Иногда Владыка въ босовичкахъ и чулочкахъ бѣлыхъ. Даже бывало, Владыка и приляжетъ на софѣ, говоря со мною, или слушая мои рѣчи, либо чтеніе. Видалъ я, въ эти времена, Владыку въ старыхъ, весьма поношенныхъ, совершенно рыжихъ, сапогахъ.

д) Протасовъ не дожидаясь приглашенія войти въ гостиную, а шелъ прямо за келейникомъ, идущимъ доложить.

Дерзко и обидно. Владыка не въ парадной гостиной (въ это время), а въ домашней. Прокуроръ не свой ему; часы не законные, на прим., 3 часа по полудни.

е) Однажды Протасовъ пришелъ къ Филарету, и началъ съ нимъ говорить о чемъ-то весьма громко, почти крикомъ, какъ это въ модѣ у военныхъ и у Начальниковъ. Владыка сказалъ: «Если и потише будете говорить, Ваше Сіятельство, я услышу.»

Съ тѣхъ поръ пересталъ кричать Протасовъ, но крайней мѣрѣ у Митрополита Филарета.

(Это я слышалъ отъ келейника Митрополичья).

9-го Ноября, вечеромъ, я былъ у Митрополита Филарета, по зову.

Владыка далъ мнѣ пересмотрѣть отмѣтки и поправки Греческаго перевода Катихизиса. Александръ Скарлатовичъ Стурдза, ⁷⁰ отличный знатокъ Греческаго языка, и новаго, и церковнаго, и древнѣйшаго, перевелъ на Ново-Греческій языкъ пространный Катихизисъ Филарета, который съ этого времени сдѣлался ручною и классическою книгою Православнаго вѣроученія на всемъ Востокѣ.

Поправки сдѣлалъ какой-то Московскій Священникъ.

Тутъ я не привнесъ своего почти ничего, даже и по тому, что тогда я вовсе не зналъ Ново-Греческаго. Осмѣлился только посоветовать довѣрить Стурдзѣ, почти природному Греку, человѣку набожному и просвѣщенному, горячо любящему Грецію и Востокъ.

Были рѣчи объ Англійскомъ Діаконѣ Пальмерѣ.

Этотъ, Оксфордскаго Университета Магистръ, киновіи Блаженной Маріи Магдалины собрать, Вильгельмъ Пальмеръ, Англійской церкви Діаконъ, пріѣхавши, въ Августѣ, въ С.-Петербургъ, напи-

салъ Латинское письмо къ Оберъ-Прокурору, котораго просилъ: дозволить ему изучить Богословію, Богослуженіе и обряды Русской Церкви, и Русскій языкъ. Просилъ даже дозволенія служить съ нами въ санѣ Діакона.

(Письмо это Протасовъ мнѣ поручилъ перевести на Русскій).

Пальмеромъ тогда всѣ восхищались, и я былъ за него же.

Но Митрополитъ Филаретъ, успѣвши уже его видѣть и съ нимъ бесѣдовать, сегодня мнѣ «выразилъ сомнѣніе въ искренности желаній Пальмера.»

Справедливо. Пальмеръ отвергъ съ презрѣніемъ Православіе, а сдѣлался Католикомъ. Онъ теперь кажется въ Римѣ.

(О переходѣ его въ Католичество писали не давно.)

Такъ вѣренъ взглядъ на людей Митрополита Филарета.

XLV.

27-го Ноября я былъ у Митрополита Филарета.

Владыка мнѣ сперва съ улыбкою замѣтилъ: «Ты уже слишкомъ учтивъ; слезъ съ извозчика у воротъ подворья, а не у крыльца.»

Я совѣстился ѣхать на дурномъ экипажѣ, съ невѣждою извозчикомъ, въ виду кабинета Митрополита.

Рѣчь о моей Грамматикѣ (такъ я много ею занялъ Владыку!). Онъ началъ такъ:

«Въ Сѣверной Пчелѣ есть анекдотъ о Вольтерѣ: Онъ одного своего пріятели, котораго рекомендовалъ важной особѣ въ домашняго учителя, и который самъ того искалъ, убѣждалъ, чтобы онъ, если хочетъ держаться на мѣстѣ, старался быть маленько поглупѣе того, каковъ онъ есть. Учитель опредѣлился, но скоро отосланъ. Когда онъ опять явился къ Вольтеру, то сей ему сказалъ: «Вѣрно ты не послушался моего наставленія.»

«Такъ и тебѣ, сказалъ за тѣмъ Владыка, я совѣтовалъ бы быть поглупѣе для того, чтобы писать Грамматику для дѣтей, которую они понимали бы.»

Рѣчь сія относилась къ тѣмъ параграфамъ Грамматики, которые я изобрѣталъ вновь, и которые хотѣлъ утвердить и отстоять, или же къ тѣмъ, кои не согласовались съ общепринятымъ мнѣніемъ.

Прости мнѣ, Владыка! Я остался при моихъ мысляхъ. Доказательства параграфа дѣти могли оставлять; а учителямъ знать полезно, по чему я то, или другое, признаю за правило.

XLVI.

29 Ноября Преосвященный Кирилль, прїѣхавши изъ Синода, потребовалъ меня къ себѣ, и объявилъ мнѣ, что, по предложенію Филарета Митрополита Московскаго, я назначенъ отъ Св. Синода быть посиріемнымъ отцемъ готовящагося къ постриженію Протоіерея Американскаго Іоанна Евсеича Веніаминава. Въ 6 часу вечера мнѣ приказано явиться съ мантиею на подворье Московскаго Митрополита.

Постриженіе было на подворьѣ, въ церкви Преп. Сергія, во всенощное, 29 Ноября. Постригалъ Самъ Владыка. Плакалъ.

На другой день, 30 Ноября, здѣсь же, въ литургію, новопостриженнаго монаха Иннокентія (Протоіерея Іоанна Евсеича) Владыка посвятилъ во Архимандрита.

И я служилъ же.

Владыка пригласилъ насъ къ себѣ откушать.

Столъ краткій. Помню: а) кусокъ икры, б) уху, но, конечно, было и какое ни будь жаркое.

Владыка кушаетъ быстро, хотя весь обѣдъ говорилъ.

Насъ не помню чѣмъ подчивалъ, а самъ вынулъ съ рюмку портеру, сказавъ, что ему это недавно посоветовали врачи.

Въ это время, или вчера предъ постриженіемъ, Владыка велъ бесѣду съ нами о пустышникахъ Египетскихъ—Оеодорѣ Великомъ и и объ Аввѣ Аммонѣ!

Вечеромъ, въ этотъ же день, я стоялъ всенощное здѣсь, на Троицкомъ подворьѣ, и за тѣмъ чрезъ келейника попросилъ у Владыки дозволенія служить съ нимъ завтра (1 Дек., день его Ангела).

Владыка дозволилъ, но съ загадочною скукою: «Что жъ онъ мнѣ не сказалъ объ этомъ самъ, и раньше? Для чего мнѣ обижать Преосвященнаго Каменецъ-Подольскаго? Пусть бы онъ съ нимъ служилъ.»

Видно, я уже надоѣдалъ Владыкѣ. Или же онъ оберегался отъ пересудовъ злоязычныхъ, берегъ и меня и себя. Но я какъ не отвязчивый ребенокъ, безъ всякихъ видовъ и расчетовъ, почиталъ для себя блаженствомъ служить со Владыкою, коего служенію до сихъ поръ я не видалъ равнаго.

Послѣ обѣдни я вошелъ ко Владыкѣ, со многими другими, мнѣ параллельными, получили благословеніе, и съ ними же вышелъ.

XLVII.

2 Декабря Государь утвердилъ быть Епископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ новопостриженному Архимандриту Иннокентію.

13 Декабря было нареченіе въ Епископы о. Иннокентія въ Синодѣ: полна зала присутствія мірскихъ; были Генералы.

15 Декабря отецъ Иннокентій рукоположенъ во Епископа, въ Казанскомъ соборѣ. Первенствовалъ Митрополитъ Іона—бывшій Грузинскій.

Сбирался было служить Митрополитъ Серафимъ, и сего дня утромъ отказался.

Не для того ли это сдѣлано, чтобъ лишить Митрополита Московскаго утѣшенія посвятить во Епископа своего сына духовнаго, такъ ему преданнаго?

Серафимъ, въ три года моего пребыванія въ С. Петербургѣ, служилъ только однажды—въ Пасху, когда ему пожалованъ посохъ съ драгоценными камнями.

Содѣйствовали рукоположеніемъ: Кириллъ Архіепископъ Каменецъ-Подольскій, Іосифъ Епископъ Литовскій (потомъ Митрополитъ), ⁷⁴ Венедиктъ—Викарій С. Петербургскій.

Владыка Филаретъ не былъ и въ числѣ содѣйствующихъ: по тому что онъ старше Іоны. По тому же, конечно, не былъ и Кіевскій Митрополитъ.

Митрополитъ Московскій, какъ солнце, свѣтилъ между Синодалами, всѣхъ озаряя, никому не мѣшая, но и никѣмъ не уязвимый.

XLVIII.

5 Декабря было мѣропомазаніе невѣсты Государя Наслѣдника, Маріи Александровны (нынѣшней Императрицы), а 6 числа обрученіе ея съ Александромъ Николаевичемъ, нынѣ Императоромъ Всероссійскимъ.

И мѣропомазаніе и обрученіе совершилъ Митрополитъ Серафимъ, въ присутствіи и соучастіи всѣхъ членовъ Синода.

Слышно было, что Императрица Александра Ѳеодоровна хотѣла, чтобы обряды сіи совершилъ Митрополитъ Московскій.

Серафимъ объ этомъ узналъ, и написалъ Императору: «Государь!

не обижайте старика.» Императоръ Николай отмѣнилъ намѣреніе его супруги.

За чѣмъ бы старику навязываться, когда его не желаютъ?

За чѣмъ преграждать путь тому, котораго приглашаютъ?

Владыкѣ Московскому, по церемоніалу, довелось подать къ лобзанію мѣропомазанной невѣстѣ Евангеліе. Всѣ подивились и ловкости, и крѣпости мускулъ въ рукахъ у Филарета: довольно тяжелое Евангеліе онъ ловко взялъ обѣими руками съ аналая, съ боку, за одинъ край, и такъ подавъ Евангеліе Княжнѣ и положилъ на мѣсто, не дрогнувъ рукою.

Кстати маленькое приключеніе:

Я служу со Владыкою на его подворьѣ. Приложившись ко кресту, при входѣ Владыки въ церковь, мы обычно пошли позади его. Я неосторожно наступилъ на мантию его (крайняя тѣснота). Я услышалъ это, когда изъ подъ ноги моей рванулась мантия Владыки. — Что же? Владыка шелъ тѣмъ же шагомъ, какъ бы ничего не случилось.

Маленькая вещь, но и въ ней видна великая душа. На его мѣстѣ я бы чѣмъ ни будь выразилъ мой испугъ и досаду, хоть послѣ и пожалѣлъ бы.

Послѣ церемоніи мѣропомазанія и обрученія Митрополитъ Филаретъ долго сказывался больнымъ, и не выезжалъ. Можетъ быть напряженіе ему стоило чего ни будь.

XLIX.

28 Декабря былъ у Митрополита Филарета.

Разговоръ Владыки со мною:

М. Ты за чѣмъ ко мнѣ?

Я. Сказалъ вкратцѣ, что мнѣ не хотѣлось бы возвращаться въ Вятку, куда меня думаютъ (Прокуроръ) возвратить.

М. «Не знаю, что тамъ дѣлаютъ (въ Синодѣ, или у Прокурора). Я предлагалъ было оставить тебя опять на чредѣ. Хорошо, что пришелъ и сказалъ во время. Можетъ быть я позабылъ бы.»

Ну, прости. Предайся въ волю Божію.

Я поклонился и вышелъ.

Со мною вошелъ ко Владыкѣ Преосвященный Американскій Иннокентій.

При томъ Владыкѣ подана карета. Онъ выезжаетъ впервые послѣ муропомазанія Маріи Александровны.

1841 годъ.

Л.

3 Генваря я былъ у Митрополита Филарета.

М. «Что ты мнѣ хочешь сказать?»

Я.—Отъ малодушія не удержусь, чтобъ не узнать: какъ рѣшается моя здѣшняя служба?

М. «Я говорилъ Серафиму и Подольскому, чтобъ оставить тебя на чредѣ. Они согласны. Не говорилъ только съ Митрополитомъ Іоною.»

Я.—Я на чредѣ уже полтора года.

М. «Что жъ? Ты и этого не хочешь?»

Я.—Нѣтъ; я только напоминаю. Мнѣ хотѣлось бы получить увольненіе отъ Вятки, а въ прочемъ пусть будетъ воля начальства.

Поговоривъ что-то (не записано) со мною, Владыка наконецъ сказалъ:

«Потерпи и послужи! Видать, что тебѣ не легко, не весело. Дадутъ за труды то, что тебя успокоитъ и утѣшитъ. Тебя оставляютъ на чредѣ по тому, что не хотятъ отпускать отсюда. Надѣяться можно, что получишь здѣсь мѣсто.»

За тѣмъ Владыка далъ мнѣ порученіе съѣздить въ книжные магазины и поискать Богословію Goldwitzer, или какой другой.

Гольдвизера я не нашелъ; купилъ Perronne въ 5 книгахъ повѣщаго Католическаго Богослова, за 28 руб. Владыка велѣлъ мнѣ выдать деньги. Поскучалъ, что не вся Богословія (Perronne еще не издалъ тогда послѣдняго тома своей обширной Богословіи): «Не люблю я неконченныхъ сочиненій,» сказалъ.

II.

25 Генваря я былъ у Владыки.

Сперва я благодарилъ Владыку за то, что оставленъ въ Петербургъ на чредѣ, а не отосланъ въ Вятку.

Владыкъ пріятна была моя признательность.

За тѣмъ Владыка самъ началъ мнѣ рассказывать:

«Следуетъ поручить Святѣйшему Синоду рассмотреть барельефы (выпуклыя ваянныя изображенія), которыя будутъ вылиты на вратахъ Исаіевскаго собора.

«Мы были, осматривали, сдѣлали нѣсколько замѣчаній.

«Потомъ мы были и въ самомъ соборѣ. Темное зданіе и не фигурное. Это ящикъ: колонны какъ будто прилѣплены къ собору: отнимите ихъ, соборъ будетъ стоять.

«Колонны украшаютъ храмъ тогда, когда онѣ необходимы, когда, по отнятій ихъ, рушится зданіе.

«И за чѣмъ позвали Синодъ, когда уже все построено?

(Скажу и я мои мысли):

а) Дверей Исаіевскаго собора я не видалъ, следовательно, и барельефовъ ихъ не знаю.

Но я видѣлъ барельефы на дверяхъ Казанскаго собора: тамъ есть собаки, тамъ всѣ скандалы животной эстетики Европейскихъ художниковъ.

б) На Исаіевскомъ соборѣ бронзовые литые колоссальные Ангелы и Святые всѣ отлиты по рисункамъ Западной Европы, Ангеламъ даны стихаріи и ораріи Католическіе.

Въ карнизахъ цѣлая исторія изъ Библіи и Церковной Исторіи отлиты бронзою (черною) въ колоссальныхъ же размѣрахъ и съ тою раскиданностію и искривленіями лицъ, какія любитъ изыщная Европа.

Но я пришелъ ко Владыкѣ за дѣломъ:

Святѣйшій Синодъ поручилъ намъ четверымъ: 1) я, 2) Архимандритъ Іоаннъ, Ректоръ Харьковскій, чередной, 3, о. Іоасафъ, Баккалавръ С. П. Б. Академіи, ⁷³ и 4, Священникъ Михаилъ Измаиловичъ Богословскій, Баккалавръ же и Законоучитель въ Училищѣ Правовѣдствія, ⁷⁴ рассмотреть 17 Конспектовъ изъ 17 Семинарій, по всѣмъ отраслямъ Богословіи.

Конспекты сіи написаны преподавателями Богословіи.

Намъ поручено рассмотреть ихъ въ предположеніи: либо выслушать наше одобреніе одного, или двухъ изъ нихъ; либо получить

отъ насъ извлеченіе изъ вѣхъ ихъ лучшаго; либо получить наше собственное произведеніе.

Меня Синодъ поставилъ Предсѣдателемъ сего Комитета.

Я собиралъ къ себѣ раза два остальныхъ трехъ собратій мопхъ.

Въ два засѣданія я едва успѣлъ прочитать бумагу Духовно-Учебнаго Управленія, при коей присланы намъ Конспекты и въ которой изложено опредѣленіе Святѣйшаго Синода о порученіи намъ на разсмотрѣніе сихъ Конспектовъ.

Не рѣшивъ ничего, Комитетъ заставилъ меня представиться Митрополиту Филарету, съ испрашиваніемъ разныхъ наставленій.

Я имѣлъ смиренство (т. е., глупость) послушаться, и вотъ моя бесѣда у Владыки:

Я. «Комитетъ почитаетъ нужнымъ, предварительно своей работы, имѣть общій обзоръ вѣхъ наукъ въ Семинаріяхъ, съ коимъ бы мы уже и соображались въ нашихъ сужденіяхъ о семнадцати Конспектахъ, присланныхъ на наше разсмотрѣніе.»

Владыка. «А на Что же Комитетъ? что же онъ будетъ дѣлать? Мы васъ избрали, чтобы вы помогли намъ; а вы, не сдѣлавши ни чего, уже опять все дѣло возвращаете къ намъ. Тутъ нѣтъ ума и смѣлности.»

Если бы такое обозрѣніе озаботился составить самъ Комитетъ и представить на усмотрѣніе Синода, это походило бы на дѣло.»

Я. «Комитетъ говоритъ, что въ данныхъ намъ правилахъ на это нѣтъ прямого указанія.»

Владыка. «Но на то, чтобы свое дѣло сваливать на Синодъ, нѣтъ ни прямого, ни криваго указанія: Синодъ васъ не просилъ его спрашивать и давать ему свои запросы, представлять свои требованія.»

(Почти это же и я говорилъ Комитету: меня не слушали).

Я. «Сочинители Конспектовъ, указывая на пособія и руководства, не дѣлаютъ оцѣнки указанному: не дозволено ли будетъ, для образца, сдѣлать это Комитету, взявъ два сочинителя?»

Владыка. «Это было бы хорошо.»

(Моя мысль).

Владыка отпустилъ меня, однако же, милостиво и позволялъ приходить къ нему въ 5 часу вечера.

Я былъ у него 30 числа Генваря.

Были опять рѣчи о нашемъ Комитетѣ.

Владыка довольно пространно рассказывалъ, какъ онъ былъ Учителемъ (Греческаго и Еврейскаго языка) въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія; какое у нихъ было между собою общеніе и дружба. Жалѣлъ, что нынѣ между Учителями нѣтъ такого общенія, «отъ чего они недовки, односторонни, упрямы.»

Намекнулъ «о привязчивости» съ одной стороны, а съ другой «о незрѣлости.»

Тогда я сего не понялъ, а теперь не сомнѣваюсь, что снмъ Владыка характеризовалъ, между прочимъ, и нашъ Комитетъ, не исключая и меня самого.

Заговорили о нашихъ Цензурныхъ Комитетахъ. Я сказалъ было: «У нихъ очень много дѣла.» Владыка же подхватилъ: «Напротивъ,— очень мало.»

Тутъ Владыка изъяснилъ неудовольствіе на Цензурный Комитетъ, вздумавшій исправлять и даже дополнять какую-то статью Андрея Николаевича Муравьева.

Стоитъ упрека Комитетъ: но что же и ему дѣлать, когда есть правило, обязывающее его это дѣлать? Я думалъ бы, давно выбросить это нелѣпое правило изъ Устава Цензуры.

Владыка почиталъ не много бесѣду Св. Григорія Нисскаго, кажется на Богоявленіе въ переводѣ, въ Христіанскомъ Чтеніи: «Бесѣдуетъ сущій отецъ съ своими дѣтьми. Нѣтъ хвастовства, ни претензій: говоритъ отецъ съ дѣтьми. И обстановка поучительна: говоритъ съ Архіерейскаго амвона, который среди церкви: народъ вокругъ него. Какъ будто говорить у насъ въ Россіи, въ наше время.»

Была рѣчь о Св. Златоустѣ. Владыка не вездѣ его хвалитъ: «Многорѣчивъ; растягиваетъ рѣчь; не глубоко смотритъ; дозволяетъ пошлость; увлекается пользами до излишествъ.»

Я не смѣлъ противорѣчить, но не былъ согласенъ. Напротивъ, Св. Златоуста я почитаю изъ учителей учителемъ; его взгляды—для меня законъ. Думаю, что сего великаго учителя обезчестили Русскіе переводчики, употребивъ языкъ пошлый, площадной (особенно въ С. П. Б. Академіи).

Говорили о Католикахъ, о ихъ Богословіяхъ, о Богослуженіяхъ, о Тайнствахъ, какъ понимаютъ Католики. Владыка глубоко осуждалъ Католиковъ, особенно а) за лукавство, б) за примѣшиваніе своихъ

личностей къ тайнствамъ Божіимъ, в) за земные виды и въ Бого-
служеніи, г) за насиліе совѣстямъ и тиранию надъ ними, д) за отчуж-
деніе отъ Вселенской Церкви, е) за ненависть противъ Царпославныхъ.

Подавъ переводъ письма Греческаго къ Мятрополиту Филарету
Архіепископа Горы Ѡваторской Іеровея (Владыка мнѣ это поручилъ.).

Любовался Владыка произношеніемъ Греческой рѣчи сего Пре-
освященнаго Іеровея въ Синодѣ: «Пріятнѣйшее произношеніе, величе-
ственное, сладостное, лучше всякой музыки.» (Іеровея былъ въ Сино-
дѣ: говорилъ рѣчь. Принесъ отъ Патріарха Іерусалимскаго Синоду въ
даръ модель храма Воскресенія Христова во Іерусалимѣ, что надъ
Гробомъ Господнимъ, модель обложена перламутромъ. Она поставлена
была на столѣ присутствія въ Синодѣ.)

Письмо сего Іеровея ко Владыкѣ не помню о чемъ. Его не сдѣ-
лали Патріархомъ Іерусалимскимъ, по кончинѣ Патріарха, по тому,
какъ тогда говорили, что онъ былъ въ Россіи, и тамъ заискалъ себѣ
благоволеніе Царя, Вельможъ и Синода! Будто это есть престу-
пленіе!

Кажется, онъ нынѣ Патріархъ Антіохійскій. Въ 1839 и 40 годахъ,
когда онъ былъ въ Петербургѣ, ему было, кажется, менѣе 40 лѣтъ.⁷²

Владыка Филаретъ сказывалъ мнѣ, въ это время, что современ-
ные ему учителя и самъ онъ, въ Троицкой Семинаріи, хаживали въ
затрапезныхъ халатахъ, даже въ классъ! Наблюдали только, чтобъ
халатъ былъ не слишкомъ заношенъ, безъ дыръ и заплатъ (такіе но-
сили только дома.)⁷³

Столъ ихъ былъ очень простой, и артелью, а не по одиночкѣ.

Чай пили только по праздникамъ.

Посовые платки носили только когда пойдутъ въ люди.

Въ покрофъ платья подлаживались къ костюму послушника, либо
церковника.

Волосы носили долгиѣ, съ проборомъ среди головы, даже имѣли
косы, которыя, впрочемъ, прятали подъ галстухъ.

Однажды, увидѣвши предъ собою ученика Богословіи (Егора Любимова, моего товарища) въ суконномъ сюртукѣ, Владыка спросилъ: «Чей на тебѣ сюртукъ?» Ученикъ отвѣчалъ: «Казенный.» (Любимовъ былъ казенно-коштный.). Владыка:

«Такой сюртукъ можно носить и Профессору.» Сукно темнозеленое. Цѣна ему 5 рублей ассигнацій аршинъ.

Владыка, конечно, не шутилъ. И я такъ же думаю.

Припоминаю анекдотъ о семъ Любимовѣ. Онъ сынъ Діакона, села, на рѣкѣ Истрѣ, за Аюсинскимъ женскимъ монастыремъ (думаю, Звенигородскаго Уѣзда.)

Отецъ его былъ весьма нетрезвый человѣкъ.

Онъ былъ долженъ рублей 150 одной родственницѣ своей, вдовѣ, и не могъ уплатить ихъ, а вдова была въ крайности.

Любимовъ написалъ прошеніе-письмо Владыкѣ. Разказавъ ему, кто отецъ его, также о его нетрезвости, и о долгѣ, Любимовъ просилъ Митрополита: а) вызвать отца его и поучить, б) а 150 рублей ему выдать, съ тѣмъ, чтобъ онъ эти деньги отнесъ вдовѣ, которой онъ долженъ. За тѣмъ Любимовъ увѣрялъ Митрополита, что, получивши мѣсто по окончаніи курса въ Семинаріи (былъ уже послѣдній годъ), онъ возвратитъ Владыкѣ эти 150 рублей.

Что же Владыка?

Вытребовалъ этого Діакона, вручилъ ему 150 рублей и приказалъ уплатить вдовѣ, не сказывая, какъ онъ о семъ узналъ!

Діаконъ заплатилъ долгъ честно. И удивительно: прекратилъ пьянство!

Не знаю, возвратилъ ли Любимовъ Владыкѣ сіи 150 рублей; но онъ его было приблизилъ: далъ ему сперва Діаконское мѣсто въ Москвѣ, потомъ Священническое въ церкви Шереметевской больницы, что у Сухаревой башни. Любимовъ тутъ не удержался. Былъ переведенъ въ Серпуховъ къ какой-то церкви. Наконецъ лишенъ сана. Теперь, не знаю гдѣ, и живъ ли.

Такъ Владыка иногда любилъ вникать близко и въ дѣла самыхъ малыхъ людей!

II.

5 Марта я былъ у Митрополита Филарета, вечеромъ.

Я вошелъ къ нему; онъ одинъ, веселъ.

Митрополитъ. «Садись, а я похожу.» (Ходить.)

Я. Я сталъ въ сторонѣ.

М. «Здоровъ ли ты?»

Я.—Слава Богу, здоровъ.

М. «Что ты теперь дѣлаешь?»

Я.—Читаю свои, какія имѣю, книги

М. «Какія?»

Я.—«Толкованіе Розенмиллера на Пророка Захарію. А послѣ Блаж. Иеронима на то же.»

М. «Это, думаю, то же, что соленое и сладкое. Вѣрить ли Розенмиллеръ, что послѣднія главы писалъ тотъ же Пророкъ Захарія?»

Я.—Нѣтъ. (Тутъ пошли разговоры продолжительные. Владыка дивился, какъ Нѣмцы дерзки, глупы, слѣпы въ изъясненіяхъ Священнаго Писанія.)

Послѣ Митрополитъ спросилъ: «Читаешь ли ты журналы?»

Я.—Нѣтъ.

М. «Критикуй меня: я тебѣ буду читать. Только не разглашай, что услышишь.»

Взявъ листа три почтовыхъ, и началъ читать.

Это есть критика* на сочиненіе одного Профессора Московскаго Университета (Крымова?), усиливающагося доказывать, что каноническое церковное право должно быть преподаваемо въ Университетѣ Профессорами Юридическихъ наукъ, и должно составлять только особое отдѣленіе въ наукъ общаго Юридическаго права.

Митрополитъ рѣзко и рѣшительно отрицаетъ сію нужду и право; оставляетъ церковное право за кафедрой церковнаго учителя.

Здѣсь же Владыка сильно касается мыслей самаго сочинителя, который, хотя видимо писалъ сдержанно и осторожно, но не ускользнулъ отъ тонкаго и прощипательнаго наблюденія Владыки.

М. «Ну, вотъ какъ нынѣ толкуютъ. Поди: а вѣдь осердятся, когда прочтутъ, что я написалъ.

Миръ, миръ: а Церковь никогда не перестаетъ быть воинствующею.»

* Эта критика была мною передана Редактору Православнаго Обозрѣнія нѣсколько лѣтъ назадъ, но тамъ не застряла.

За тѣмъ Владыка позвенѣлъ. Входитъ Шисъмоводитель, Александръ Петровичъ Святославскій.

Владыка подаетъ ему конвертъ. Даетъ сургучъ, печать. Велитъ тутъ же запечатать, и когда все выполнено, сказалъ: «Къ Министру Просвѣщенія.»

(Тогда былъ Уваровъ).

Пришелъ Московскій купецъ. Разсказывалъ о голодѣ: въ Москвѣ умирали люди съ голода. О банкротствахъ въ купечествѣ: одинъ фабрикантъ имѣлъ производство на 5,600,000 рублей, и палъ; другой на 1,500,000 рублей, и тоже палъ.

За тѣмъ съ грустію разсказалъ, какъ самъ онъ, имѣя 300,000 рублей въ оборотѣ, въ восемь мѣсяцевъ потерялъ 200,000 рублей, угождая слезамъ матери, упрекамъ жены, отъ распутнаго зятя, и по случайному прекращенію моды носить гребенки (женекія).

Послѣ пошелъ Еврей, Профессоръ С. П. Б. Академіи, Левисонъ.⁷⁸ Много интересныхъ рѣчей о Библии и изъ Библии: а) О Пророкѣ Иномъ у Моисея, б) о копчегѣ, сокрытомъ Іереміею, в) о седмицахъ Даніиловыхъ, г) о талмудѣ, д) о Пѣмцкихъ Евреяхъ, е) о Еврейскомъ текстѣ Библии, ж) о переводѣ Седмидесяти, з) о Пророкѣ Захаріи.

Владыка указалъ Левисону на 144 псаломъ (Евр. 145), написанный по Еврейски по Алфавиту, и на потерянный (въ Евр.) между 12 и 13 стихъ, которому надлежало начинаться съ буквы нунъ. Между тѣмъ у Седмидесяти этотъ стихъ есть: «Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ, и преподобенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ.» Левисонъ сознался въ потерѣ стиха, и вотъ что сказалъ въ объясненіе: «По разрушеніи Іерусалима и разбѣганіи Іудеевъ по всему свѣту, когда прекратилось все, и самое Богослуженіе Еврейское, отцы наши, какъ бы отмщая Богу, или уличая Его въ невѣрности своимъ обѣщаніямъ, изгладили изъ Библии этотъ стихъ.» Такъ злы и невѣжественны Еврейскіе толкователи Библии.

Наконецъ пришелъ Генералъ-Адъютантъ Николай Петровичъ Повосильцевъ.

Владыка меня отпустилъ.

LIII.

16 Марта, въ 5 Воскресеніе В. Поста, я служилъ въ Троицкомъ подворьѣ. Митрополитъ стоялъ и молился.

Вчера, послѣ всенощнаго, когда ему доложили, что я желаю завтра служить, Владыка позвалъ меня къ себѣ и спросилъ: «По чему хочу завтра здѣсь служить?»

Я отвѣчалъ: «По тому, что въ это Воскресенье я постриженъ въ монахи въ Троицкой Лаврѣ.»

Владыка: «Ну, служи съ моими, а я, кажется, не могу.»

Послѣ обѣдни Владыка позвалъ къ себѣ.

Рѣчи были о Преосвященномъ Каменецъ-Подольскомъ, Кириллѣ, заболѣвшемъ тяжко.

Государь прислалъ Преосвященному Кириллу тысячу рублей на излѣченіе, и главнаго Доктора Придворнаго, Арента.

У Преосвященнаго Кирилла задерживается моча.

Митрополитъ Филаретъ, по этому случаю, разсказалъ мнѣ о подобномъ случаѣ съ Митрополитомъ Амвросіемъ С.-Петербургскимъ.

«Митрополитъ Амвросій былъ на экзаментъ дѣвицъ въ Смольномъ Институтѣ. Тамъ и обѣдалъ. Его тамъ мучила малая нужда. Пріѣзжаетъ домой; моча не выходитъ.

Митрополитъ позвалъ меня (Филарета, бывшаго тогда Ректоромъ Академіи, или еще Баккалавромъ) къ себѣ. Вхожу. Владыка во всемъ парадномъ одѣяніи сидитъ на софѣ. Лицо его огненное: глаза пылаютъ. Говоритъ:

«О. Филаретъ: поди въ Троицкой соборъ, и посмотри тамъ, на правой сторонѣ со входа, мѣсто для моей могилы.»

Филаретъ: «Владыка! Позволь пригласить Доктора: можетъ быть окажетъ помощь.»

Амвросій согласился. Пригласили Доктора. Моча была выпущена: Митрополитъ жилъ еще не мало времени.»

Тутъ же Филаретъ разсказывалъ, что онъ же подписалъ реестръ брилліантовыхъ вещей, составлявшихъ собственность Митрополита Амвросія.

Изъ сего видно, что Филаретъ былъ самый близкій у Митрополита Амвросія человекъ.

Филаретъ, при мнѣ, всегда воспоминаетъ Митрополита Амвросія съ сыновнимъ и самымъ глубокимъ уваженіемъ.

Филаретъ спросилъ меня: «Сколько лѣтъ исполнилось тебѣ сего дня въ монашествѣ?»

Я.—Двѣнадцать.

Ф. «А мнѣ вчера было двадцать два года, какъ я Членомъ въ Синодѣ.»

Владыка, отпуская меня, благословилъ двумя книжками: «Правило молебное Свѣтому Духу; Бесѣды Филарета, Митрополита Кіевскаго.»¹⁹

LIV.

Былъ у Митрополита Филарета 19 Марта, чтобъ спросить: «Позволить ли онъ пріѣхать сюда, къ болящему Каменецъ-Подольскому Владыкѣ, племяннику его, Баккалавру (нынѣ Архіепископу Костромскому)?»²⁰

Филаретъ отвѣчалъ: а) Поздно. Преосвященный Кириллъ при послѣднемъ уже часть; б) не удобно; ибо распутица; в) не извѣстно, будетъ ли это утѣшеніемъ больному (можетъ подумать, не пріѣхалъ ли племянникъ за наслѣдствомъ); г) самъ Преосвященный Кириллъ не почитаетъ свое положеніе опаснымъ; д) что же касается до наслѣдства, оно будетъ сохранено. Да и что у него есть, когда имъ нечѣмъ благодарить Доктора?»

Владыка дивится, отъ чего у Преосвященнаго Кирилла такъ много болѣзней, и онѣ у него такъ сложны. «Кажется, онъ человекъ совершенно воздержанный. Въ юности, когда учился, былъ хоть нѣсколько хилъ, по свѣжъ и живъ. Жизнь его спокойная. Онъ безъ сильныхъ страстей. Поразительныхъ приключеній съ нимъ я не знаю.»

Владыка заставилъ меня прочесть въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія о Долгорукихъ. Были рѣчи примѣчательныя (а какія, не записано, и я теперь не помню.)

Вспомнилъ нѣчто: одинъ Долгорукій не вѣрилъ безсмертію души. Другой братъ его былъ вѣрующій и жалѣлъ о невѣріи брата. Вѣрующій заболѣлъ, былъ при смерти. Невѣрующій сказалъ: «Если и по смерти будетъ жива душа твоя, дай мнѣ объ этомъ знать.» Умеръ братъ, и чрезъ нѣсколько дней явился ему въ полуснѣ, и сказалъ: «Братъ, вѣрь! Я живъ.»

Владыка осуждалъ пышность въ содержаніи въ Семинаріяхъ. Разсказывалъ о современныхъ себѣ учителяхъ Лаврскихъ, и о. ученыхъ. Они тогда ходили въ толстыхъ холстинныхъ пабитыхъ халатахъ.

Отпустивши меня, Владыка ѣздилъ къ Преосвященному Кириллу.

28 Марта, въ Великій Постъ, въ Великую Вечерню, Владыка Каменецъ-Подольскій почилъ тихо! Я служилъ вечерню.

29 Марта, въ Великую Субботу, въ 5 часовъ вечера, Митрополитъ Филаретъ пожаловалъ къ намъ на Синодальное подворье, для положенія во гробъ покойнаго Преосвященнаго Кирилла. Служили панихиду, пасъ было священныхъ до 20, два Архимандрита, Кутневичъ.⁸¹

У Митрополита, по не осторожности, разбили врехнее украшеніе посоха: оно было топазовое или стеклянное желтое.

Преосвященнаго Кирилла похоронили въ Понедѣльникъ, на Пасхѣ, 31 Марта.

Въ три дня стояшія мощей Преосвященнаго Кирилла, день и ночь вереницами двигались тучи народа посмотреть на покойника, помолиться и попросить его о себѣ молитвъ.

Вышедши изъ дома, трудно было и попасть въ него. Я однажды съ часъ пробирался до своихъ комнатъ: корридоръ и лестница (обпая съ келіями Владыки) запержены входящими и выходящими.

Даже Пьяцы посѣщали, желая видѣть почивнаго «святаго Русскаго Архіерея.»

Было торжественное шествіе отъ подворья до Лавры (болѣе двухъ верстъ) съ мощами Святителя.

Литургію служилъ Митрополитъ Московскій Филаретъ, съ четьрьмя Архимандритами (и третій).

Отпѣваніе совершали пять Архіереевъ: Митрополиты: Серафимъ, Филаретъ Московскій, Иона; Архіепископъ Литовскій Іосифъ и Викарій Венедиктъ. Еще: Императорскій Духовникъ Николай Васильевичъ Музалевскій,⁸² Василій Ивановичъ Кутисевичъ, десять Архимандритовъ (всѣ), Протоіереевъ, Іереевъ, монаховъ до 30.

Литургія и отпѣваніе были въ церкви Святаго Духа.

Обѣдня началась въ 10 часовъ, погребеніе кончилось въ 3 часа по полудни.

(Митрополитъ Серафимъ странничалъ какъ дитя, кряхтѣлъ, чесалъ голову, кричалъ.)

Проповѣдь говорилъ Ректоръ Академіи, Архимандритъ Николай, длинную.

Похоронили Владыку Кирилла въ церкви Іоанна Златоустаго, на правой рукѣ, во второй аркѣ отъ алтаря, противъ окна.

LV.

3-го Апрѣля, въ Четвертокъ на Пасхѣ, я былъ у Митрополита Филарета.

Владыка далъ мнѣ порученіе: описать жизнь покойнаго Преосвященнаго Кирилла, «для газеты.»

7-го числа я принесъ мою рукопись: «Довольно велика,» сказалъ Владыка. Она не напечатана.

Было много рѣчей о Преосвященномъ Кириллѣ, между прочимъ Владыка мнѣ сказалъ:

«Ну, вотъ, никакая же воля смертная обрѣтется отъ покойнаго Преосвященнаго Кирилла.»

И точно. Не слышно было никакого смертнаго запаха ни въ домѣ, ни въ церкви, даже пахло какимъ-то легкимъ благоуханіемъ и свѣжестію.

(Преосвященный Кириллъ скончался отъ рака въ проходѣ.)

За нѣсколько времени предъ симъ я навязался Владыкѣ Филарету вотъ съ какою рѣчью: «Отъ мертваго дурно пахнетъ по тому, что онъ грѣшникъ, а не по тому, что гниетъ тѣло. Есть тучные покойники, и отъ нихъ иногда вовсе не пахнетъ смертностію; напротивъ, есть сухіе покойники, и отъ нихъ идетъ нестерпимое зловоніе.»

Въ доказательство того и другого я приводилъ нѣсколько примѣровъ моего личнаго наблюденія.

Владыка слушалъ осторожно, не отрицалъ рѣшительно, но и не давалъ прямого согласія, улыбаясь ему свойственною улыбкою, которая иногда краснорѣчивѣе самыхъ глубокихъ разсужденій.

Послѣдствіемъ сего-то разговора было восклицаніе Владыки о незловоніи отъ тѣла покойнаго Преосвященнаго Кирилла. Филаретъ произнесъ это восклицаніе съ Ангельскимъ сорадованіемъ.

О проповѣди о. Николая на погребеніе Пр. Кирилла Владыка сказалъ:

«Спята изъ клочковъ. Сперва доказалъ, что смерть воскресе-
ніемъ Христовымъ побѣждена. А послѣ сталъ доказывать несомнѣ-
ность нашего воскресенія. Это тоже, что послѣ скобелѣ топоромъ.
Да еще: у него въ языкѣ мало елейности; такъ сухо, жестко, ру-
бить и пилить, будто терпугомъ.»

Тутъ Владыка жаловался (нѣжно, безупречно), что Митрополитъ
Серафимъ не позволяетъ говорить проповѣдей здѣсь, въ Петербургѣ,
заѣзжимъ Архіереямъ. (Вѣроятно Московскому Митрополиту самому
хотѣлось произнести надгробное слово въ память покойнаго Ки-
рилла.)

Разсказалъ случай, съ котораго перестали здѣсь говорить про-
повѣди чужіе Архіереи:

«Преосвященный Теофилактъ (скончался въ Грузіи)⁸¹ говорилъ
проповѣди на Исковскомъ подворьѣ.»

Въ проповѣдяхъ были личности. Однажды онъ сказалъ: «Вотъ
у насъ молодой водить стараго» (т. е., Филаретъ, тогдашній Ректоръ
Академіи, Митрополита Амвросія). Митрополитъ Амвросій огорчился.
Указалъ, въ Синодѣ, Преосвященному Теофилакту 20-е правило
Трульскаго Собора (принесанное, конечно, молодымъ Ректоромъ Ака-
деміи): Преосвященному Теофилакту подобно было замолчать. А съ
того времени молчать уже и всѣ Архіереи.»⁸²

Митрополитъ Филаретъ въ это время былъ особенно благополу-
ченъ и веселъ: одинъ видъ его радовалъ.

Кстати скажу анекдотъ, слышанный мною въ эти годы въ Пе-
тербургѣ:

Преосвященный Теофилактъ, имѣвшій квартиру въ Александро-
Невской Лаврѣ, былъ гдѣ-то въ Петербургѣ, и возвращался въ глу-
бокую ночь.

Недалеко отъ Лавры у него изломался экипажъ. Теофилактъ
вышелъ изъ экипажа. Кликнуты будочники; экипажъ они доволокли
до Лавры, иль на скоро зачинили. Теофилактъ сказалъ имъ: «Прихо-
дите завтра ко мнѣ: я васъ поблагодарю. Спросите «Архимандрита
Филарета!»

Феофилактъ видно упалъ изъ кареты (лопнула ось): у него вывалились часы на мостовую.

По утру будочники приходятъ къ Архимандриту Филарету, и просятъ благодарности за вчерашнюю услугу.

Филаретъ сказалъ: «Я никуда не выѣзжалъ; былъ дома.»

Будочники: «Помилуйте. Вотъ вы, упавши съ каретою, выронили ваши часы: вотъ онъ!»

Филаретъ приостановился. Вынесъ имъ 25 рублей, а часы взялъ.

Послѣ Филаретъ либо чрезъ келейника, либо лично возвратилъ часы Преосвященному Феофилакту.

Ровъ изры, ископа, и паде въ яму, уже сдѣла.

Тутъ же сказалъ Митрополитъ Филаретъ мнѣ: «Сего дня (7 Апрѣля) въ Синодѣ читали представленіе Ректора С.-Петербургской Академіи, которымъ онъ проситъ назначить Предсѣдателя въ Комитетъ разсмотрѣнія Богословскихъ Конспектовъ (гдѣ я первый), съ правомъ двухъ голосовъ, и еще проситъ назначить двухъ новыхъ Членовъ: Священника Казанскаго Собора Окушева⁸⁵ и Дебальскаго.»⁸⁶

Сдѣлано все по сему представленію. Предсѣдателемъ назначенъ самъ Ректоръ Академіи, а я сдѣлаенъ уже рядовымъ членомъ.

Комитетъ сей сгинулъ, не сдѣлавши ничего. И я ничего не могъ сдѣлать (см. выше), и подѣ председательствомъ о. Николая ничего же не сдѣлано (я былъ приглашенъ раза два), и послѣ того тоже ничего не сдѣлано.

Страсти. Личности. Безпечность общая съ головы до ногъ. Препоны отъ свѣтскихъ.

LVI.

17 Апрѣля, въ день рожденія Наслѣдника Престола (нынѣ Императора) Александра Николаевича, я служилъ въ Казанскомъ Соборѣ съ Митрополитомъ Московскимъ.

На молельѣ были еще: Митрополитъ Іоанн и Викарій Венедиктъ.

А вчера, 16 числа, было бракосочетаніе Александра Николаевича.

LVII.

25 Апрѣля, было нареченіе Николая, Ректора С.-Петербургской Академіи, во Епископа Тамбовскаго.

Былъ и я, яко чередный. Были три Митрополита: Серафимъ, Филаретъ, Юна.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, я былъ у Митрополита Филарета. Тутъ былъ сперва Протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ.⁸⁷ Рѣчи Владыки съ нимъ о бракоразводномъ дѣлѣ какихъ-то Челищевыхъ; потомъ пришелъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ.⁸⁸

Я всталъ, не сказавъ ни слова, поклонился Владыкѣ до земли, что прощаюсь со Владыкою (онъ ѣдетъ въ Москву). Владыка сказалъ: «Ну, прости!» По вскорѣ: «Да! Еще увидимся; въ Воскресенье будемъ служить.»

Я вышелъ.

Подлинно, 27 Апрѣля, въ Воскресенье, я точно служилъ въ Казанскомъ Соборѣ со Владыкою Филаретомъ. Было рукоположеніе о. Николая во Епископа Тамбовскаго. Владыка первенствовалъ. Были еще два: Митрополитъ Юна и Венедиктъ Викарій.

Послѣ посвященія, вручая новопосвященному Епископу Николаю Архіерейскій жезлъ, Митрополитъ произнесъ ему наставленіе: жаль, мы не слышали, по тому что были въ алтарѣ, а жезлъ врученъ былъ на Архіерейскомъ амвонѣ.⁸⁹

28 Апрѣля я, однако же, опять навязался быть у Митрополита. (Я видѣлъ надъ собою тучи. На меня стали смотрѣть косо и холодно (Графъ, Комовскій, и все, что есть власть). Милостивый Владыка принялъ.

Видя, что я не начинаю рѣчей, Владыка заговорилъ о моей Грамматикѣ: «Хочешь ли, чтобъ я увезъ ее въ Москву, и тамъ прочитаю, и не отдамъ другимъ?» Я изъявилъ согласіе поклономъ.

Потомъ, ожидая съ минутой, и видя, что я ничего не говорю, сказалъ: «Ну, прости!» Я поклонился въ ноги. Милостивый Владыка облобызалъ меня!

Я вышелъ, обливаясь слезами умиленія.

29 числа Митрополитъ Филаретъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, въ 6 часовъ утра.

3 Мая, въ домѣ Протоіерея Іоакима Семеновича Кочетова, гдѣ я былъ съ Преосвященнымъ Николаемъ, послѣ служенія съ нимъ въ Петро-Павловскомъ Соборѣ (въ Крѣпости), я слышалъ живого рассказчика, Егора Никитича (перваго курса С.-Петербургской Академіи, свѣтскаго), ⁹⁰ о Архіереяхъ:

О Митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ онъ сказалъ: «Отлично кадитъ; въ служеніи красивъ, но ваятъ, какъ бы мертвецъ; ходитъ, будто считаетъ шаги свои; вообще монотоненъ, хотя отлично регуляренъ. Мститъ обидѣвшимъ благотвореніемъ (рассказъ о Священникѣ въ Печатникахъ. Не помню ни имени Священника, ни дѣла.)

LVIII.

Въ Іюнѣ 1831 года я назначенъ Ректоромъ въ Одессу, въ Херсонскую Семинарію.

Меня продержали въ Петербургѣ до Августа. 22 Августа я выѣхалъ, 28 пріѣхалъ въ Москву.

29 числа былъ у Митрополита Филарета.

М. «Ты куда?»

Я.—Въ Одессу, въ Ректора тамошней Семинаріи.»

М. «Уже ли?»

На этомъ «уже ли» и остановилась рѣчь. Владыка не пояснилъ ее.

Напутствовалъ благожеланіями и наставленіями честности, трудолюбія и покорности Архіерею.

30 Августа, въ день Св. Александра Невскаго, я былъ у литургіи въ Успенскомъ Соборѣ. Служилъ Митрополитъ. Служеніе величественное, чинное и высоко благоговѣйное.

Здѣсь я видѣлъ всю знать духовную Москвы, а именно:

Архіереи:

Викарій Викентій, рыжеватый. ⁹¹

Ааронъ (Архангельскій). ⁹²

Діонисій (Пермскій), согбенный старецъ, кроткій. ⁹³

Архимандриты:

Теофанъ Донской, щеголеватый, но простакъ. ⁹⁴

Платонъ Даниловскій—черствая личность. ⁹⁵

Мельхеседекъ Симоновскій—мягкій и ко мнѣ ласковый. ⁹⁶

Аполлосъ Новоспасскій—гордость и досада уступаютъ дрихлости. ⁹⁷

Гермогенъ съ конвульсіями, но осанистый и непринужденный, Андрониковскій. ⁹⁸

Иосифъ, Ректоръ Семинаріи, худощавый, однѣ кости..... ⁹⁹

Протопресвитеръ..... ¹⁰⁰

Не знаю, какъ я попалъ въ Чудовъ, въ залу, гдѣ Митрополитъ съ служащими кушалъ чай.

Владыка былъ веселъ и благодушенъ; жаловался на простуду въ горлѣ, и не соглашался лѣчиться холодною водою (предлагалъ Архимандритъ Теофанъ.)

Со мною не было ни слова.

Я не видывалъ Владыку въ такомъ положеніи—полнаго хозяина, среди своихъ знаменитыхъ чадъ, въ знаменитомъ храмѣ.

Я просилъ у Владыки дозволенія съѣздить на родину (въ Рузу): Владыка промолчалъ. Но мудрое и краснорѣчивое молчаніе!

Побывавши на родинѣ, и возвратясь въ Москву, я 14 Сентября постарался быть у Владыки, чтобы принять благословеніе.

Я стоялъ литургію на подворьѣ. Владыка позвалъ меня послѣ обѣдни.

М. «Ты еще здѣсь? Пора отправляться къ мѣсту.»

Я сказалъ, что завтра выѣду.

М. «Старайся поладить съII реосвященнымъ въ Одессѣ!» ¹⁰¹

Я умолялъ Владыку взять отъ меня 17-лѣтняго, краткаго ума, мѣшавшагося въ разсудкѣ, Тульскаго родомъ, юношу Андрея.

Владыка согласился, хотя съ досадою.

(А мнѣ ей была мука съ нимъ!)

Я глубоко былъ благодаренъ.

(Андрей умеръ въ больницѣ умалишенныхъ, въ Тулѣ, куда его доставили изъ Лавры Преподобнаго Сергія.)

LIX.

Въ Октябрѣ 1841 года Ректора Московской Академіи, Архимандрита Филарета, избрали во Епископа Рижскаго, Викарія Псковскаго.

(На мѣсто Принарха, котораго уволили.) ¹⁰²

Въ Декабрѣ мнѣ написалъ въ Одессу о. Ректоръ С.-Петербург-

ской Академіи, Архимандритъ Аѳанасій: ¹⁰³ «Ректоромъ Московской Академіи, на мѣсто Филарета, назначили Инспектора той же Академіи, Архимандрита Евсевія. ¹⁰⁴ Были рѣчи и о васъ (обо мнѣ): отклонилъ Московскій.»

Я не думаю, чтобы клеветалъ о. Ректоръ Аѳанасій: но могло случиться, что онъ получилъ невѣрное извѣстіе.

Если же извѣстіе вѣрно: то я все же виню себя самого, и отчасти бывшаго Ректора Академіи, Филарета. Будучи раздраженъ противъ меня строгою критикою сочиненій 8 Студентовъ, по просьбѣ покойнаго Преосвященнаго Кирилла, онъ вѣроятно употребилъ все, чтобъ Владыку отклонить отъ принятія меня въ Ректора Московской Академіи. Самъ же Владыка, видя неустойчивость моего характера и много другихъ недостатковъ, вѣроятно нашелъ не успокоительнымъ для себя и не полезнымъ для Академіи мое Ректорство въ ея Академіи.

Владыка ко мнѣ былъ ласковъ: но ему же надлежало быть и справедливымъ и попечительнымъ о благѣ Академіи.

Совершилась же воля Божія!

LX.

Въ Маѣ 1842 года Митрополитъ Филаретъ прислалъ мнѣ изъ Петербурга мою злополучную Грамматику, при письмѣ, въ которомъ снисходительно изъяснилъ мнѣ причины, по которымъ онъ не могъ утѣшить меня напечатаніемъ сей моей Грамматики, даже для Училищъ Московской Епархіи.

Вотъ письмо его ко мнѣ:

«Преподобнѣйшій отецъ Архимандритъ и Ректоръ!

Сдѣланныя на вашу Россійскую Грамматику нѣкоторыми наставниками Московскихъ Духовныхъ Училищъ замѣчанія, вмѣстѣ съ самою Грамматикою, при семъ къ вамъ препровождаю для вашего соображенія.

Если о моемъ мнѣніи спросите, къ сожалѣнію, не нахожу себя убѣжденнымъ въ томъ, чтобы достигнуто было желаемое—упрощеніе изученія Русской Грамматики для дѣтей.

Большой камень претѣканія — система глаголовъ. Надобно признать, что новыя * системы ищутъ основанія своего въ духѣ языка,

* Т. е., критикъ мой.

а старая* въ образцахъ предшествовавшихъ Грамматикъ чужихъ языковъ.

Можно было бы не заботиться о теоріи для удобства практической: но если Грамматика мало будетъ имѣть преимуществъ въ семъ послѣднемъ отношеніи, чѣмъ будетъ она въ состояніи отразить нападенія за теорію?

На сихъ дняхъ изданы 3 тома Филологическихъ Наблюденій Протоіерея Г. Павскаго ¹⁰³ надъ составомъ Русскаго языка. Вамъ не бесполезно познакомиться съ сею книгою прежде вашего рѣшенія о вашей Грамматикѣ. **

Впрочемъ на вашу благонамѣренную и полезную дѣятельность благословеніе Божіе усердно призываю.

Филаретъ Митрополитъ Московскій.

№ 131.

28 Апрѣля, 1842 года.

Одесской Семинаріи Ректору о. Архимандриту Никодиму.»

При Грамматикѣ приложена и копія замѣчаній на нее, сдѣланныхъ, какъ я дозналъ, Александромъ Евѣимовичемъ Нечаевымъ, Протоіереемъ и Ректоромъ Московскаго Донскаго Духовнаго Училища.

Это мой товарищъ по Академіи, эмицентъ; ибо написанъ въ спискѣ первый.

Здѣсь не мѣсто входить въ состязанія съ цѣнителемъ моей Грамматики.

Но не могу, однако же, не выразить моего сожалѣнія объ озлобленіи, какое выразилъ критикъ не только противъ моихъ познаній, таланта, ума, но и противъ всей моей личности. Такъ что замѣчанія Александра Евѣимовича, по поводу моей Грамматики, суть поношеніе моихъ познаній и укоризна моей личности.

Добрый Владыка принимался было защищать меня (есть его отѣтки карандашемъ всегда въ мою пользу): но, увидѣвши рѣшитель-

* Т. е., я.

** Я ихъ приобрѣлъ, прочиталъ внимательно (на силу!), и пожалѣлъ о пустыхъ трудахъ умаго человека! Книги сіи меня не исправили.

ное озлобленіе и полную противъ моей Грамматики контру, остановился.

Меня съ Александромъ Евѣимовичемъ и мою Грамматику съ его замѣчаніями разсудить потомство.

Скажу, однако же: есть много замѣчаній дѣльных; и если бы онѣ были изложены безъ желчи и униженія моей личности, можетъ быть онѣ послужили бы въ пользу и мнѣ и Грамматику.

Митрополитъ Филаретъ въ этотъ годъ простился съ Петербургомъ и Синодомъ и уже не бывалъ здѣсь до кончины своей. ¹⁰⁶

LXI.

Въ Іюлѣ 1847 года, будучи уже Ректоромъ Курской Семинаріи, я ѣздилъ изъ Бѣлгорода въ Москву и Бронницы, для посѣщенія моей матушки, старушки, овдовѣвшей, поступившей было въ женскій монастырь (на Бородинскихъ поляхъ), но оттуда вышедшей, отъ перенесенія, въ послѣдніе лѣта жизни, подчиняться прихотямъ молодыхъ послушницъ.

Матушка помѣстилась у младшаго сына своего, Михаила, бывшаго Священникомъ въ городѣ Бронницахъ.

Я взялъ съ собою, для повода, Профессора Семинаріи Василя Николаевича Платонова (нынѣ Ректоръ Харьковской Семинаріи, Архимандритъ Веніаминъ.)

Мы пріѣхали въ Москву 24 Іюля. Въ тотъ же день вечеромъ я былъ у Митрополита.

Владыка принялъ меня въ гостиную, и посадилъ противъ себя, сѣвши самъ къ свѣту, а меня посадивъ отъ свѣта. Онъ не спросилъ меня, за чѣмъ я здѣсь, а началъ: «Въ чемъ сущность моего Одесскаго дѣла, и въ чемъ начало его?»

Не готовившись отвѣчать на такой неожиданный для меня вопросъ, я началъ разсказывать хронологически, какъ постепенно завязывался узелъ недоумѣній, раздраженія и открытой вражды.

Владыка нѣсколько разъ меня останавливалъ, указывалъ, гдѣ я ошибался, и сказывалъ, какъ бы мнѣ надлежало дѣйствовать.

Говорилъ: «Напрасно ты представлялъ дѣло твое открытой совети, когда видѣлъ, что съ противной стороны строятъ козни. Противъ козней надлежало дѣйствовать кипжаломъ формъ.

«Ты узналъ, что твою братію противъ тебя возмущаютъ: тебѣ

надлежало употребить противоположное благоразуміе, а именно: поелику, безъ сомнѣнія, не вся братія противъ тебя, а ты, конечно, зналъ, кто изъ нихъ добросовѣстнѣе и тебѣ преданъ, тебѣ и надлежало тотчасъ сихъ людей привлечь къ себѣ тихимъ и соответствующимъ положенію дѣла разсужденіемъ. Такимъ образомъ и ты не остался бы одинъ, и противники почувствовали бы и на твоей сторонѣ силу.»

Я сталъ проситься въ Бронницы, гдѣ моя матушка, для которой я и прѣхалъ, гдѣ мой братъ, и изъяснить въ короткѣ цѣль моей поездки. Просилъ дозволенія служить.

М. «Когда ты ѣдешь?»

Я.—Сегодня.

М. «Жаль, что съѣздишь» (не знаю по чему).

Я.—Не могу медлить. 26 числа матушка именинница: хочу угостить ее моимъ служеніемъ въ присутствіи ея въ сей день.

М. «Богъ благословитъ!»

И я точно уѣхалъ сего же дня. Ъхалъ всю ночь, и едва не погибъ, будучи завезенъ въ какое-то болото; ямщикъ—ребенокъ.

Я пробылъ въ Бронницѣ недѣли двѣ. Потомъ, изъ Москвы, не безпокоя уже Владыку, прѣхалъ въ Лавру и Виѣанію. Въ Виѣаніи былъ въ день Пріображенія, обѣдалъ у о. Настоятеля, Архимандрита Антонія, въ комнатахъ Митрополита Платона, видѣлъ всю знать Лавры, Академіи, Виѣаніи; былъ въ Скитѣ, молился въ Лаврѣ, былъ въ Академіи.

Возвратясь опять въ Москву, 10 Августа, въ Воскресенье, вечеромъ я опять былъ у Митрополита.

Владыка сперва спросилъ о Бронницѣ, о братѣ моемъ, о матушкѣ.

Потомъ сталъ хвалить городъ Бронницу за благочестіе, старшаго Священника Іакова Семенова за усердіе и хлопоты при постройкѣ новаго храма.

Потомъ велѣлъ передать имъ обоимъ (т. е., и моему брату) его сожалѣніе и неудовольствіе за то, что они не пекутся о обращеніи раскольниковъ (ихъ цѣлая треть), не говорятъ проповѣдей.

Примѣтно было, что Владыкѣ хотѣлось завести рѣчь о моей матушкѣ, я отклонялъ. Тутъ могли бы быть рѣчи, которые не угодны были бы Владыкѣ. Игуменія Марія Тучкова, у коей въ монастырѣ жила матушка, и потомъ вышла, была уважаема Митрополитомъ. Но мнѣ не захотѣлось бы повинить матушку въ побѣгѣ изъ монастыря.

А оправдывая ее, трудно было бы не бросить тѣнь на управленіе монастыря и правительницу. Тонкій и наблюдательный человѣкъ, Митрополитъ, наводя меня нѣсколько разъ на это дѣло, умѣлъ, конечно, прочесть въ моемъ молчаніи, что я затрудняюсь говорить не безъ важныхъ причинъ.

Я сказалъ Владыкѣ, что, выѣхавши изъ Бронницъ въ Москву, я, не останавливаясь, отправился въ Лавру, былъ въ Академіи и въ Виѣніи.

Владыка молчалъ. Молчаніе краснорѣчивое, хотя и столь ясное, какъ рѣчи.

Владыка опять заговорилъ о моемъ Одесскомъ дѣлѣ. Дивился открытой недобросовѣстности поступковъ тамошняго Преосвященнаго Гавріила (сконч. въ Твери). «Дивится, что Синодъ доселѣ не кончаетъ дѣла.

Я сказалъ: «Часть сего дѣла, счетная, передана въ Курскую Консисторію.»

Владыка: «Когда кончатъ въ Синодѣ твое дѣло, ты мнѣ напиши, какъ и чѣмъ будетъ кончено. Это мнѣ нужно для соображеній.»

Спросилъ о моемъ настоящемъ монастырѣ (Николаевскомъ въ Рыльскѣ) и его сносахъ. Я сказалъ: «Монастырь порядочный.»

М. «Если тебя заставитъ Синодъ платить деньги Одесскому (Успенскому) монастырю: что ты намѣренъ дѣлать?»

Я.—Платить.

М. «А гдѣ возмешь деньги?»

Я.—Продамъ, что имѣю.

М. «Много ли, полагаешь, насчитать на тебя можно?»

Я.—До тысячи рублей серебромъ.

Потомъ:

М. «Сколько лѣтъ ты монахомъ?»

Я.—Осминадцать.

М. «Очень довольно!»

Повернулся. Опустилъ голову. Думаетъ.

Тутъ пришелъ Церервинскаго монастыря Игуменъ Парменъ. Просилъ у Митрополита дозволенія вынести изъ монастыря какую-то икону, пронести чрезъ Москву въ село Хорошево, куда просятъ тамошніе жители: дозволено.

Поданъ чай. Выпили по двѣ чашки.

Я всталъ. Поклонился. Просилъ дозволенія съѣздить на родину въ г. Рузу и въ село Комлево: дозволено. Но я не поѣхалъ: застигла тяжелая болѣзнь.

Въ Москвѣ я имѣлъ пребываніе въ Духовной Семинаріи, новой, что бывшій Остермановскій домъ, ¹⁰⁸ у о. Ректора, Архимандрита Филовея (нынѣ Архіепископъ Тверскій): вотъ сущій рабъ Божій, кроткій, и братолюбивый и терпѣливый. ¹⁰⁹

Я заболѣлъ желудочною лихорадкою, которая грозила превратиться въ горячку.

Пришелъ праздникъ Успенія Божія Матери. Мнѣ захотѣлось быть въ соборѣ у литургіи въ сей знаменитый день. Я поѣхалъ съ о. Архимандритомъ Филовеемъ, назначеннымъ къ служенію.

Служилъ Митрополитъ съ пятью Архимандритами, а шестой Протопресвитеръ, всѣ въ митрахъ. Я не видывалъ такого служенія. Служба благоговѣйная, въ отличномъ порядкѣ: каждый знаетъ свое мѣсто и дѣло.

Съ Херувимской мнѣ стало дѣлаться дурно. Боюсь, что не могу выстоять. Милость Божія поддержала. Я слушалъ и проповѣди Владыки.

Мнѣ не понравились двѣ вещи: 1, изъ алтари, сквозь царскія двери, для слушанія проповѣди, пошли всѣ духовные, бывшіе въ алтарѣ, въ рясахъ! Этого еще нигдѣ я не видывалъ (безъ эпитрахили нельзя пройти сквозь царскія двери, я дотолѣ думалъ, и теперь мысля такъ же.) 2, Лишь вышелъ Владыка на амвонъ, для произнесенія проповѣди, народъ съ шумомъ потянулся изъ собора, на право и на лѣво. И этого я почти не видывалъ. Въ провинціяхъ наши проповѣди слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ.

Я хотѣлъ было послѣ литургіи тотчасъ уѣхать домой. Но Митрополитъ, замѣтивъ меня въ алтарѣ, послалъ сказать, чтобъ и я былъ на соборномъ обѣдѣ.

Принужденъ быть. Но и принужденъ же былъ выйти изъ за стола: со мною сдѣлалось рѣшительно дурно.

Болѣзнь моя усиливалась. Съѣхались родные меня провожать. Я отягощалъ собою о. Ректора. Сближался срокъ возвращаться къ мѣсту службы. А тутъ громовая вѣсть: идетъ холера отъ Кавказа и несетъ съ собою лютую смерть, идетъ прямо на сѣверъ, широкою полосой, и расширяясь на право и на лѣво. Я увидѣлъ себя въ ужасномъ положеніи. Я долженъ былъ ѣхать въ Бѣлгородъ, на встрѣчу ей.

23 день Августа, промежуточный отъ лихорадки, я доползъ до Митрополита принять отъ него напутственноеблагословеніе. Я скрылъ отъ него болѣзнь мою; не знаю, догадался ли онъ.

Рѣчи короткія. Поговоривъ опять не много объ Одесскомъ дѣлѣ, Владыка сказалъ: «Потерпи не много! Можетъ быть получишь что ни будь лучше этого.»

«Когда кончатъ въ Синодѣ твоё дѣло, меня увѣдомъ.

«Будь остороженъ. Есть холера. Въ Москвѣ уже было случаевъ шесть.»

Я поклонился, и вышелъ, проплакавъ уже дорогою.

Такъ святой и милостивый Владыка заботился обо мнѣ болѣе, нежели я самъ о себѣ.

Но я не извѣстилъ Владыку о рѣшеніи моего дѣла въ Синодѣ. Оно рѣшено, кажется, уже въ 1849 году, и побѣдоносно для меня. Преосвященному Гавриилу (даже въ моемъ Указѣ) написано строгое замѣчаніе о неприличномъ личномъ вмѣшательствѣ его въ дѣла монастыря и о подстрекательствѣ монаховъ къ непослушанію Настоятелю, о неуваженіи справедливыхъ представленій Настоятеля, и о другомъ многомъ; меня же Синодъ упрекнулъ за острые и неприличные объясненія Преосвященному и Консисторіи, за несоблюденіе нѣкоторыхъ формъ по отчетности монастырской, по управленію экономіею, и еще кое о чемъ.

Утверждены начеты Консисторіи на меня до 700 рублей; но за то приказано возратить мнѣ до 2000 рублей, по моимъ претензіямъ.

Дѣло жалкое, безчестное, но само въ себѣ ничтожное.

24 Августа, въ Воскресенье, въ самое время обѣдни, я выѣхалъ изъ Москвы, скрывая предъ матушкою и братомъ мое опасное положеніе и ужасы въ будущемъ. За заставою мы простились. Мы ночевали въ Серпуховѣ: болѣзнь моя растетъ; въ Тулу пріѣхали 25 числа. Я здѣсь былъ дважды Инспекторомъ. Пробылъ 26 число: въ Тулѣ Архіерей ¹¹⁰ обходилъ крестнымъ ходомъ городъ, умоляя о пощадѣ отъ холеры.

За 80 верстъ до Мценска шоссе лишь насыпано. Ожидаютъ проѣзда Государя. Поставлена цѣлая дивизія армій. Клейнмихель ¹¹¹ далъ приказъ направлять проѣзжающихъ по вновь насыпанному шоссе, не разбирая никакихъ лицъ, не уважая никакихъ причинъ, ослушниковъ же бить хоть до смерти! (Такъ мнѣ сказали.)

Я ужаснулся. И по хорошей дорогѣ я едва отводилъ духъ, а по этому щетинистому пути мнѣ не проѣхать бы 80 верстъ.

Была схватка моего изщика (дай, Боже, ему милость!) съ Поля-

комъ солдатомъ, стоявшимъ съ заступомъ, иль ломомъ, на своротѣ съ шоссе. Я опасался смертнаго случая. Полякъ скрежеталъ зубами и посылалъ, замахивался заступомъ, изрыгалъ на проѣзжающаго странныя хулы (ямщикъ величалъ меня Преосвященнымъ): я творилъ молитву!

Мы пріѣхали въ Мценскъ 27 числа вечеромъ.

28 поутру, чувствуя себя въ опасномъ положеніи, я позвалъ приходскаго Священника: исповѣдывался и причастился. Причастился уже въ монастырѣ. ¹¹²

Не имѣя уже никакой возможности слѣдовать далѣе, я выпросилъ у Настоятеля здѣшняго монастыря дозволенія побыть нѣсколько времени въ монастырѣ. Дозволено. Здѣсь я пробылъ до 14 Сентября, лѣчился и получилъ облегченіе.

6 Сентября прѣѣхалъ Императоръ куда-то на югъ.

15 Сентября день моего Ангела, я былъ въ Орлѣ. Былъ у ранней въ приходской церкви.

Былъ у Преосвященнаго Смарагда: ¹¹³ здѣсь совѣтъ гражданъ о Комитетѣ по случаю грядущаго гнѣва Божія—холеры: «Уже было до 50 случаевъ,» сказалъ Владыка.

Ѣдемъ далѣе.

Настъ встрѣчаютъ распущенные учителя изъ нашей Бѣлгородской Семинаріи: тамъ холера; одинъ Профессоръ скончался.

17 Сентября вечеромъ пріѣхали въ Курскъ. Здѣсь страшная холера прошла тучею, оставивъ по себѣ слѣды крушеній—сиротство и бездомность, и еще дымяся гнѣвомъ своимъ, какъ бы послѣ смертоноснаго пожара. Въ Курскѣ умершихъ насчитано болѣе тысячи человѣкъ.

Я остановился въ Архіерейскомъ домѣ: Економъ, Архимаандритъ Серафимъ, задушилъ меня разказами разительныхъ пораженій холерою.

18 числа мы выѣхали изъ Курска, ночевали въ Обоини: и здѣсь еще дымится гнѣвъ Божій—холера, хотя въ исходѣ.

Наконецъ 19 Сентября, въ Пятницу вечеромъ, мы достигли Бѣлгорода, своей Семинаріи, своего жилища.

Мнѣ рады, меня окружили, меня заговорили тысячами повѣстей: я благодарилъ Бога, что остался живъ, и достигъ своего мѣста.

Я заговорился о себѣ: простите, отцы святіи! Слишкомъ разительны для меня событія: не могу удержаться молчаніемъ, и есть перстъ Божій!

LXII.

Въ 1850 году я переведенъ былъ изъ Курской въ Ярославскую Семинарію.

Въ послѣднихъ числахъ Маія я былъ въ Москвѣ. Владыка былъ въ Лаврѣ. Мнѣ по дорогѣ.

Я пріѣхалъ въ Сергіевъ Посадъ рано 1 Іюня, въ день Вознесенія Господня. Остановился въ гостиницѣ.

Владыка въ Скитѣ—Геѳсиманіи, что на Корбухѣ, 3 версты отъ Лавры. Тамъ служить сего дня. Туда отправился и Намѣстникъ¹¹⁴ съ своею старшею братіею, для составленія соборнаго служенія.

Въ Лаврѣ же, въ соборѣ Пресвятыя Троицы, гдѣ почиваетъ Преподобный Сергій, служили Академическіе ученые: Ректоръ Архимандритъ Алексій,¹¹⁵ и съ нимъ два знаменитые Профессора и Протоіерея Петръ Спиридоновичъ Делицынъ¹¹⁶ и Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій,¹¹⁷ и еще какой-то Баккалавръ,¹¹⁸ и три Іеромонаха Лаврскихъ.

Хотя первое и главное въ предметъ у меня было видѣть Владыку, поклониться ему и получить отъ него назиданіе и утѣшеніе: но и святости Божіей я желалъ причаститься у мощей Преподобнаго Сергія, и помолиться здѣсь въ толикій день.

Народу богомольцевъ было такъ много, что, не смотря на то, что я монахъ и Архимандритъ, мнѣ не пройти бы въ соборъ до алтаря: вызвался провести меня, и со мною Профессора Александра Васильевича Горскаго,¹¹⁹ Лаврскій расторопный Іеромонахъ Евменій, мнѣ знакомый.

Я стоялъ литургію въ алтарѣ, въ Лаврѣ. Служеніе важное, чинное, покойное.

Послѣ литургіи меня увлекъ къ себѣ о. Ректоръ. У него я и обѣдалъ съ Александромъ Васильевичемъ.

Послѣ обѣда, проведя нѣсколько времени въ разговорахъ (нѣкоторые мнѣ, впрочемъ, были не нужны и меня тяготили), о. Ректоръ самъ поѣхалъ со мною, чтобъ меня представить Владыкѣ.

О. Ректоръ сперва самъ пошелъ ко Владыкѣ, и доложилъ обо мнѣ. Я позванъ. О. Ректоръ вышелъ.

Владыка, послѣ нѣсколькихъ словъ общихъ, повелѣ близкую рѣчь о мнѣ. Воспоминалъ опять объ Одесскомъ моемъ дѣлѣ, которое уже кончено, а Владыка уже видѣлся съ Преосвященнымъ Одесскимъ Гавріиломъ, переведеннымъ въ Тверь (Преосвященный Гавріилъ хотя родомъ Костромской, по доучивался въ Троицкой Лаврѣ и былъ това-

рищъ и сверстникъ Митрополита Филарета), ¹²⁰ съ которымъ, конечно, была рѣчь и обо мнѣ.

Владыка благъ ко мнѣ и нынѣ, какъ всегда прежде. Жалѣю, что въ то же время не записано въ подробности говоренное.

Говорилъ что-то о странничествѣ. Разсказалъ, какъ онъ, будучи еще Іеродіакономъ, былъ Инспекторомъ Семинаріи или Училища С.-Петербургскаго. Говорилъ, какъ онъ вступилъ въ управленіе Юрьевскимъ Повгородскимъ монастыремъ, будучи уже Архимандритомъ, какъ принималъ и сдавалъ его (1812—1816), монастырь почти разрушенный и исполненный безпорядковъ и безпечностей управлявшихъ. Все это конечно и въ урокъ мнѣ.

Потомъ спросилъ: «Хочешь ли, я напишу о тебѣ Преосвященному Ярославскому? Я поклонился.

Владыка при мнѣ взялъ бумагу и перо, написалъ, запечаталъ и отдалъ мнѣ для врученія Владыкѣ Ярославскому.

Благословляя меня на прощаніи, сказалъ: «Преосвященному Евгению ¹²¹ глубокое почтеніе и поклонъ.»

Пріѣхавши въ Ярославль, я подалъ Преосвященному Евгению письмо Митрополита Филарета. Преосвященный Евгений при мнѣ же распечаталъ и прочиталъ почти въ слухъ.

Въ письмѣ Митрополитъ, между прочимъ, пишетъ: «Этотъ Николай не тотъ, что былъ въ Иркутскѣ.» Преосвященный Евгений сказалъ: «Знаю.» ¹²²

Подумавъ немного, Преосвященный Евгений сказалъ: «Мы находимся подъ вліяніемъ судьбы: что будетъ, увидимъ.»

Теперь я вижу и не сомнѣваюсь, что я переведенъ въ Ярославль по мысли и желанію Митрополита Филарета, столь промыслительнаго о мнѣ.

LXIII.

Въ концѣ 1853 года я назначенъ былъ и вызывался въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія.

Я пріѣхалъ въ Москву 30 Декабря, и остановился въ Новоспаскомъ монастырѣ у о. Архимандрита Агапита. ¹²³

Этотъ день я оставался дома.

31 Декабря, утромъ, пріѣхалъ на Троицкое подворье. Литургія на псходѣ: поютъ Причастенъ.

Я обождалъ у Александра Петровича, Секретаря Владыки.

Доложено обо мнѣ, я позванъ ко Владыкѣ. Вхожу въ залу, иду въ гостиную. Владыка въ рясѣ, въ бѣломъ клобукѣ, стоитъ: видъ строгій, важный, но и улыбка сіяетъ; виднѣ старецъ увядающій.

Я поклонился Владыкѣ до земли и принялъ благословеніе.

М. «Вы (а не ты) въ Петербургъ на чреду?»

Я.—Такъ.

М. «Но Вы кажется уже были на чредѣ?»

Я.—Былъ, и при томъ болѣе двухъ лѣтъ.

М. «Что вашъ Преосвященный Евгений здоровъ ли? Знаетъ ли что ни будь опредѣленное о своей судьбѣ?»

Я.—Опредѣленнаго кажется не знаетъ, но гадаеть, что Святѣйшій Синодъ его увольняетъ отъ службы.

М. «Ну, простите! Мнѣ не время.»

Я поклонился, и пошелъ вонъ. Владыка идетъ за мною. Въ залѣ уже выстроились пѣвчіе, и запѣли: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»..... Отданіе Рождеству Христову.

Когда Владыка со мною говоритъ Ты: это есть либо строгое вразумленіе, выговоръ, либо ласковая рѣчь благодушнаго отца, рѣчь близкая, душевная, простая.

Когда же скажетъ Вы: тутъ надобно выслушать важную рѣчь Митрополита Московскаго, Члена Святѣйшаго Синода.

LXIV.

14 Февраля, 1854 года, въ С.-Петербургѣ, я посвященъ во Епископа, и назначенъ Викаріемъ въ Казань.

12 Марта, отправляясь къ своему мѣсту служенія, я пріѣхалъ въ Москву, и остановился опять у о. Архимандрита Агапита въ Новопассеккомъ монастырѣ.

13 числа я былъ у Митрополита. Я пріѣхалъ въ концѣ 9 часа утра. Мнѣ сказали келейники: «Сей часъ обѣдни. Митрополитъ идетъ къ обѣднѣ.»

Я имѣлъ глупость настоять, чтобъ доложили. Потребовалъ Владыка. Я вошелъ въ гостиную, поклонился Митрополиту до земли.

Посадилъ. Спросилъ о здоровьѣ Архіепископа Григорія, о его занятіяхъ по дѣламъ раскола, ¹²⁴ о моей будущей жизни въ Казани.

Владыка долго разсуждалъ о Пресвященномъ Ярославскомъ Евгеньѣ, и о значеніи пребыванія его въ Донскомъ монастырѣ. Находилъ неумѣстнымъ и непрличнымъ передать монастырь въ его распоряженіе. «Для него низко. Пужмы хлопоты. Монастырь требуетъ починковъ, поддержки: денегъ нѣтъ. Надобно просить. Это не слыхкомъ Архіерейское дѣло. Пусть будетъ Архпмандритъ. А для того, чтобъ его не обижалъ, можно выбрать Архимандрита съ небольшими заслугами.» ¹²⁵

Встрѣчая меня, Митрополитъ сказалъ: «Поздравляю Васъ въ санѣ Святительскомъ. Слава Богу! Вы наконецъ вышли на просторъ. Желаю доброй службы!»

Владыка заговорился со мною до того, что прошло уже болѣе половины обѣдни (онъ велѣлъ пачинать ее). Приходитъ снова келейникъ и докладываетъ: «Поютъ уже... Достойно»... Митрополитъ не много задумался. Потомъ, махнувъ рукою, сказалъ: «Пусть докапчиваютъ. И это служба!»

Однако Владыка скоро всталъ, отпустилъ меня, сказавъ: «Прѣзжайте завтра ко мнѣ обѣдать, вмѣстѣ съ Архимандритомъ Агапитомъ, во 2 часу.»

Я вышелъ въ восторгѣ и умиленіи.

14 Марта, въ 3 Воскресеніе поста, мы прѣехали съ о. Агапитомъ въ назначенное время. Въ залѣ у Владыки встрѣтили двухъ Архимандритовъ, Іоанникія, Чудовскаго Намѣстника, ¹²⁶ и Платона Андрониковскаго.

Тотчасъ вышелъ Владыка. Поговорилъ что-то съ Архимандритомъ Агапитомъ. Сѣли за столъ, въ свѣтлой галерей, налѣво изъ залы. Столъ изысканный, съ рыбою. Митрополитъ держалъ около себя особую бутылку, что-то ало-красное, подобно клюшённому морсѣ. Насъ потчивалъ виномъ. Былъ говорливъ и деликатенъ. Я сидѣлъ съ правой руки его. Рѣчи отборныя, ясныя, округленныя и интересныя. Владыка даже улыбался легкимъ ослабленіемъ. Я увидѣлъ, въ глубинѣ челюстей его уже нѣсколько зубовъ нѣтъ.

Говорилъ про золоченіе церковныхъ главъ, про сочиненіе Андрея Николаевича Муравьева о Раскольникахъ. ¹²⁷ Вообще говорилъ, а не молчалъ.

Архимандритъ Агапитъ жаловался на галокъ, тучами наседающихъ на кровль церковей, и высказывалъ желаніе стрѣлять ихъ.

Владыка зачиталъ: «Ибо птица обрѣте себѣ хранину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положить птенцы своя: олтари твоя, Господи силъ.» О. Агапитъ замолчалъ.

Со мною Владыка кажется ничего не сказалъ.

Встали отъ обѣда. Владыка отозвалъ меня къ сторонѣ, и указалъ картонный ящикъ, въ коемъ сложено Архіерейское облаченіе (не полное, безъ саккоса и подризника), по золотому глазегу шитое «Это Вамъ отъ меня.» Я поклонился Владыкѣ въ землю. Тутъ же и простился.

(Облаченіе это я храню, и употребляю въ важные дни. На пальцы шелками выпитъ праведный Филаретъ въ одеждѣ вельможи.)

Это было уже послѣднее лицезрѣніе мое блаженнаго Митрополита Филарета.

Я уѣхалъ сперва въ Казань, а потомъ въ Красноярскъ, за четыре тысячи верстъ отъ него.

LXV.

Здѣсь и симъ я кончаю мою память о блаженномъ Митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ.

Есть два письма его ко мнѣ, писанныя въ Мартъ и Майъ 1863 года; относительно monkъ мнѣній о свѣчномъ сборѣ въ церквахъ: но онѣ не могутъ быть объявлены до моей смерти.

Здѣсь только скажу, что и самый гнѣвъ на меня святаго Святителя происходилъ изъ отеческой жалости обо мнѣ, и самъ въ себѣ есть сущая благость и мудрость.

Общихъ сужденій о блаженномъ Святителѣ не произношу, даже и по тому, что я знаю малѣйшую частицу его, въ случаяхъ до меня близко касавшихся: а кто я между толикими сонмами великихъ и славныхъ дѣтей его?

Скажу одно, что умѣю сказать и въ чемъ почитаю себя убѣжденнымъ:

Первое. Митрополитъ Филаретъ былъ совершенный монахъ, чистый дѣвственникъ, хранитель обѣтовъ чистоты.

Второе. Филаретъ готовъ былъ на всякую совершенную добродѣтель, какъ скоро признавалъ себя до нея обязаннымъ, и рассчитывалъ на вѣроятность успѣха.

По сему его не пужно было умолять: довольно предложить добрый подвигъ.

Третье. Богословствованіе, Догматствованіе, Церковность, Православіе Филарета я признаю совершенными, безъ пятенъ, безъ погрѣшностей, на столько, на сколько я могу понимать все сіе.

Четвертое. Филаретъ есть искренній и сердечный учитель, не льститъ словеса Божіи: онъ точно такъ мыслить у себя дома, въ тайникахъ души своей, какъ говорить.

Пятое. Никто глубже и вѣрнѣе, никто искреннѣе, не доказывалъ священности власти мірской и нужды послушанія ей.

Шестое. Владыка говорилъ красно и изящно языкомъ, одному ему свойственнымъ: иногда есть и щегольство языка. Прощаю ему вседушно: кто безъ сей слабости? Но едва ли кто ни будь имѣлъ ея менѣе, и былъ болѣе извинителенъ.

Седьмое. Доступность ко Владыкѣ (сколько я знаю, и какъ могу судить по опытамъ со мною)—примѣрная, и увы! по опытамъ же моей жизни безпримѣрная!

Съ Филаретомъ говори, что хочешь: будетъ выслушано терпѣливо, не только тогда, когда это есть глупость, ошибка, заблужденіе, но и тогда, когда рѣчь можетъ относиться невыгодно къ его личности. Филаретъ отвѣтитъ, дастъ наставленіе, судя по достоинству предлагаемаго, и во всякомъ случаѣ безъ озлобленія, и особенно безъ мести въ будущемъ.

Филаретъ такъ великъ, что и малаго видитъ и умѣетъ сочувствовать ему.

Осьмое. Я не знаю случая, гдѣ бы Филаретъ взялъ назадъ свое слово, особенно въ дѣлахъ важныхъ и высокихъ: сіе свидѣтельствуется не только о высокой его мудрости, но и о правильности ея.

Сколько знаменитостей, даже между Духовными, которыя сего дня утверждаютъ это, а завтра другое, сего дня замышляютъ, а завтра оставляютъ: Филаретъ всегда себѣ вѣренъ.

Девятое. Правда, иногда и Филаретъ уступалъ: онъ видно не считалъ себя сильнымъ, обрекъ себя на мученичество, и всего вѣроятнѣе, по своей мудрости, не считалъ полезнымъ и нужнымъ для дѣла свое мученичество.

Тутъ, однако же, разсудить Богъ!

Десятое. Тѣ, которые иногда прекращивались къ особенному довѣрію Филарета, не всегда стоили его довѣрія. Это и я знаю, и жалею.

Но кто провидитъ все?

Какая ни будь Далида иногда усыпить и Самсона.

Да упокоить Господь во царствіи своемъ Преосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго!

Никодимъ, Епископъ Енисейскій и Красноярскій.

6 Октября, 1868 года.

Красноярскъ.

Дополненіе. Игуменъ Валаамскаго монастыря, Дамаскинъ, человекъ безъ всякаго образованія, бывши у Митрополита Филарета (и я былъ тутъ же), въ С.-Петербургѣ, на Троицкомъ подворьѣ, (1842, 3, 4 годовъ) сказалъ:

«У Васъ, Владыка, поютъ пѣвчіе, по новымъ нотамъ и напѣвамъ. Жаль. Лучше бы было, если бы они пѣли по древнему церковному напѣву.»

Я пожалѣлъ было о Владыкѣ, думая, что такого необразованнаго долго бы надобно было убѣждать, что новое пѣніе не срьсѣ. И не зналъ, чтó бы ему сказать надлежало.

Владыка, ничего не думавши, тотчасъ сказалъ:

«Вотъ что, отецъ Игуменъ: И пѣвчіе то же поютъ давно.»

Признаю сей отвѣтъ счастливымъ и единственно приличнымъ и годнымъ на сей разъ и къ такому лицу.

Епископъ Никодимъ.

21 Октября, 1868 г.

Красноярскъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1. Филаретъ Дроздовъ род. 26 Дек., 1782; обучался сперва (съ 1791) въ Коломенской, а потомъ, съ 1800, въ Троицкой Семинаріи, гдѣ былъ, съ 1803, Учителемъ. Постриженъ въ монашество 1808, Ноября 16. Въ Мартѣ 1809 Инспекторъ Петербургской Семинаріи; 1810 Бакалавръ Богословскихъ наукъ и Церковной Исторіи въ С.-Петербургской Академіи. Посвященъ въ Архимандрита 1811, Іюля 8. Въ Мартѣ 1812 Академіи Ректоръ и Юрьева Новгородскаго монастыря Настоятель; 1814 Докторъ Богословія. Въ 1816 переименованъ Постоятелемъ Московскаго Никоспасскаго монастыря. Посвященъ во Епископа Ревельскаго, съ оставленіемъ въ должности Ректора Академіи, 5 Авг., 1817. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 Марта, 1819, повелѣно быть ему Архіепископомъ Тверской Епархіи и вмѣстѣ Членомъ Св. Синода; 1820, Сент. 26, переведенъ на Епархію Ярославскую; 1821, Іюля 3, Архіепископъ Московскій: прибылъ въ Москву изъ С.-Петербурга въ первой половинѣ Августа. Съ 1826, Авг. 22, Митрополитъ; сконч. 1867, Ноября 19.

2. Наумовъ — Инспекторъ съ 19 Авг., 1814; въ 1822 выбылъ въ свѣтское званіе.

3. Дамаскинъ Россовъ, въ 1809 постриженъ въ монашество и изъ Учителей Перервинской Семинаріи определенъ Проповѣдникомъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію (гдѣ получилъ онъ образованіе), а въ слѣд. году посвященъ въ Іеромонаха. Нѣкоторое время былъ Библіотекаремъ. Въ 1812 Закопучитель С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища, 1814 Архимандритъ Серпуховскаго Высотскаго мон.; въ 1816 переведенъ, сначала въ Московскій Даниловъ мон., а потомъ въ С.-Петербургскую Сергіеву пустынь (на Петергофской дорогѣ), съ оставленіемъ Закопучительской должности; 1819 Юрьевскій Архимандритъ, а съ 14 Декабря Викарій Новгородскій; 1821, Іюль. 6, Епископъ Тульскій; 1830, Дек. 19, Архіепископъ Олонекскій; 1831, Фев. 7, уволенъ на покой и ск. въ Іюль 1856.

4. Еягеній Казанцевъ, съ 1791 учился въ Троицкой, а съ 1800 училъ въ Виѣвской Семинаріи; въ 1804 Префектъ, и постриженъ въ монахи; 1809 Инспекторъ С.-Петербургской Академіи, 1810 Ректоръ Троицкой, съ 1814 Московской Семинаріи, съ 1818 Епископъ Курскій, 1822 Архіепископъ Псковскій, 1823 Тобольскій, 1831 Рязанскій, 1837 Ярославскій, а съ 1834 на покой, съ пожалованіемъ въ Члены Св. Синода и управленіемъ Московскимъ Донскимъ мон., гдѣ ск. 1871, Іюля 27.

5. Платонъ Левшинъ, 1739 Префектъ, 1761 Ректоръ Троицко-Лаврской Семинаріи; 1762 Придворный Проповѣдникъ и Закопучитель Государя Императора Павла Петровича; 1766 Архимандритъ Троицкой Лавры. 1767 * Членъ

* Последнее званіе сохранено ему и по посвященіи въ Архіерейскій санъ, въ

Св. Синода, 1770 Архіепископъ Тверскій, 1775, Генв. 21, Московскій, 1787 Митрополитъ; ск. 1812, Нояб. 11.

6. Никаноръ Клементьевскій, по окончаніи образованія въ Троицкой Семинаріи, былъ въ ней Учителемъ съ 1809, Постриженъ 1812, Апр. 9, и въ слѣд. году переведенъ Проповѣдникомъ въ Славяно-Успенско-Латишскую Академію. Въ 1814 Баккалавръ Церковной Исторіи при новооткрытой въ Лаврѣ Московской Духовной Академіи, а съ 8 Ноября Архимандритъ. Съ 1818 Ректоръ Виѣанскій, 1826 Викарій С.-Петербургскій, 1831 Епископъ Калужскій, 1834 Минскій, 1840 Вольнскій, 1843 Архіепископъ Варшавскій и Членъ Св. Синода, 1848 Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій; сконч. 17 Сент., 1856.

7. Ѳеодотій Озеровъ, Магистръ Петерб. Академіи 3-го курса (1823), должность Инспектора проходилъ въ Виѣанской Сем. съ 1823 по 1828; въ семь году опредѣленъ Ректоромъ Оренбургской, а въ 1831 Рязанской Семинаріи; 1837 Викарій Новгородскій, 1842 Симбирскій, 1856 Архіепископъ; ск. 1858, Авг. 20.

8. Поликарпъ Гайтанинъ, Магистръ 1-го курса Петерб. Акад. По окончаніи курса въ 1814 Инспекторъ Петерб. Семинаріи; постриженъ въ Декабрѣ того же года. Въ 1817 Архимандритъ, 1819 Ректоръ Петербургской Семинаріи, 1822 Докторъ Богословія, Ректоромъ Московской Академіи опредѣленъ Ноября 4-го, 1824, и тогда же данъ ему въ управленіе Новоспасскій мон.; въ 1833, Дек. 14, уволенъ отъ Училищной службы и жилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, которымъ управлялъ до 1837; въ семь году, 19 Генвара, скончался.

9. Геронимъ Нестеровскій, Магистръ 1-го курса Моск. Академіи (1818), пѣтъ Профессоромъ Виѣанской Семинаріи опредѣленъ Инспекторомъ въ 1822, а въ слѣд. году произведенъ въ Архимандрита и опредѣленъ Ректоромъ Орловской Семинаріи. Отсюда переведенъ въ Вятку; ск. въ Декабрѣ 1834.

10. «Начертаніе Церковно-Вибліейской Исторіи,» 1816.

11. Авазіеіи, сынъ Священника Тамбовской Епархіи; 1818 пѣтъ Соборныхъ Іеромонаховъ Намѣстникъ Лавры и Архимандритъ Виѣанскаго мон., сконч. 1831, Февр. 23. Указомъ Импер. Павла 1797 предписано: Архимандритомъ Виѣанскаго монастыря быть всегда Намѣстнику Лавры.»

12. Моисей Егор. Молчановъ, Баккалавръ съ 1821 въ по 1828; проходилъ и должность Секретаря Академіи; ск. 1830, санъ Священника Покровской, что въ Левшинѣ, церкви (въ Москвѣ).

13. Владимій Пятанскій окончилъ курсъ въ Московской Академіи со степенью Магистра въ 1820. Пѣтъ Баккалавромъ назначенъ Инспекторомъ той же Академіи 1826. Въ Ноябрь 1831 Ректоръ Виѣанскій, 1834 Викарій Пермскій; 1840 Епископъ Орловскій; 1844 Вологодскій; 1852 Архіепископъ Тобольскій 1856 ув. на покой и сконч. 1862, Марта 12.

14. Филаретъ Гумилевскій, Магистръ Моск. Дух. Академіи 7-го курса. Постриженъ въ монашество 19 Генвара, 1830, и въ семь году, по окончаніи курса, опредѣленъ Баккалавромъ Церковной Исторіи, 1833 Инспекторъ, 1835 Ректоръ Академіи съ 1841 Епископъ Рязанскій, Викарій Пензенской Епархіи, 1848 Харьковскій, 1857 Архіепископъ, 1859 Черниговскій; сконч. 1866, Авг. 9.

1770 г., и со времени назначенія его на кафедру Московскую, остается преимущественно Іерарховъ Московскихъ.

15. Соборный Гермономъхъ Дамаскинъ управлялъ въ Лаврѣ писанными дѣлами. Для управленія вообще Лаврой учреждены, такъ называемый, Духовный соборъ. Кроме членовъ сего Собора, есть въ Лаврѣ другіе Соборные, т. е. лица, для служенія приуроченныя въ Соборному Троицкому храму.

16. Маргарита Михайловна Тучкова, на Бородинскомъ полѣ, на мѣстѣ кончины своего мужа, Ген.-Майора Александра Александрова Тучкова, навѣщаго со славой героя въ битвѣ Бородинской, воздвигла храмъ во имя Всемилостиваго Сласа; заступавала при ономъ съ 1826. Окт. 26. и съ разрѣшенія Св. Синода отъ 4 Марта, 1833, основала тамъ женское общество, коего были Попечительницею и Начальницею. Въ одностѣе общество преобразованъ было съ Высочайшаго дозволенія, отъ 1 Января, 1838, въ обитель, именовъ. Елиза Тучкова постриглась въ монашество съ именемъ Марія (1840. Июня 28), на другой день возведена въ санъ Нгуменъ этой обители; сконч. 1852, Апр. 29.

17. А. И. Святославскій ум. въ Февралѣ 1836.

18. Иліодоръ Чистяковъ, 1820 Магистръ 2-го курса Моск. Академіи, былъ съ 1823 Ректоромъ Рязанской и Новгородской Семинарій; 1832. Марта 13, Епископъ Курскій, 1844 Архіепископъ, 1859 ум. на покой; ск. 1861. Фев. 2.

19. Елиидиоръ Бенедиктовъ, 1825 старшій Наблюдатель Петерб. Акад. 6-го курса, 1826 Магистръ. 1829 постриженъ, съ 1832 Ректоръ Курской и Воронежской Семинарій, 1842 Викарій Воронежскій, 1848 Епископъ Харьковскій, 6 Января Подольскій, 1851 Вятскій, 1860 Архіепископъ Тавричскій. Мая 25 уволенъ; ск. 1860, Мая 31.

20. Анатолій Мартыновскій, уроженецъ Подольской Губ. Псалт. Семинарскаго курса былъ съ 1817 Священникомъ иудейск., изъ Училищъ Подольской Семинаріи поступилъ въ Киевскую Академію, гдѣ, 1822 постриженъ, а въ 1823 окончилъ курсъ Магистромъ и послѣ остался въ той Бакалавромъ. Съ 1829 Ректоръ Курской Семинаріи и въ томъ же году перемѣнился въ Новгородскую; 1840 Викарій Черемскій, 1841 Вольнской Епархіи. 1844 Епископъ Могилевскій, 1853 Архіепископъ, 1859 Докторъ Богословія, 1860 увол. на покой; сконч. 1872, Авг. 8.

21. Тимоѣевъ, 1806 окончилъ курсъ въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, 1821 постриженъ, 1822 Архимандритъ Смоленскаго Троицкаго мон. 1828 Викарій Новгородскій, 1834 Епископъ Смоленскій, 1835 Архіепископъ. 1839 ум. на покой; сконч. 1862, Июля 24.

22. Смарагдъ Крыжановскій, изъ Малороссійца. По окончаніи курса въ Киевской Академіи 1813 и, следовательно, еще до преобразованія оной 1819 г., отиравался въ С.-Петербургскую Академію въ качествѣ Студента; 1819 Магистръ 3-го курса и Бакалавръ Петерб. Академіи. 29 Авг. постриженъ; 1821 Писекторъ Киевской Академіи, 1824 Архимандритъ. 1826 Ректоръ Киевской Семинаріи, 1828 Вязьмской, съ 23 Авг. Ректоръ Киевской Академіи 1830 Петербургской, 1831 Викарій С.-Петербургскій, 1833 Епископъ Новозибскій. 1836 Архіепископъ, 1837 Могилевскій, 1840 Харьковскій, 1841 Астраханскій, 1844 Орловскій, 1858 Рязанскій; ск. 1863, Июля 11.

23. Серафимъ Улаголевскій, 1785 Училищ. Троицкой Сем. гдѣ обучался, 1787 перешелъ въ Моск. Академію и поступилъ. 1790 Провскій, 1798 Ректоръ Академіи; 1799, Дек. 25, Викарій Московскій. 1804 Епископъ Вятскій.

1805 Смоленскій, 1812 Архіепископъ Минскій, 1814 Тверскій, 1819 Митрополитъ Московскій, 1821 Новгородскій, ск. 1843, Генв. 17.

24. Иліодоръ, см. прим. 18.

25. Фогіи Спасекіи, Новгородскаго Юрьева мон. Архимандритъ, ск. 1838, Фев. 26. Инспекторъ Новгородской Семинаріи, о. Никодимъ, могъ бытъ у него.

26. С. Д. Нечаевъ былъ Оберъ-Прокуроромъ съ 1833 по 1836, а преемникъ его, Графъ Н. А. Протасовъ съ 1836 по 1855.

27. Въ бытность Никодима въ Новгородѣ.

28. Инспекторъ М. Академіи, о. Елѣаміи обзрѣвалъ эту Семинарію, по предписанію Комисіи Духовныхъ Училищъ въ 1829 г.

29. Владиміръ Ужинскій, воспитанникъ Александровской Академіи, 1809 Учитель Новгородской Семинаріи, 1807 постриженъ, 1811, въ санѣ Инспектора, Архимандритъ Новгородскаго Антоніева мон., 1812 Ректоръ Новгородской Семинаріи, 1816 Настоятель Иверскаго мон., 1819 Викарій С.-Петербургскій, 1822 Епископъ Курскій, 1831 Архіепископъ Черниговскій, 1836 Казанскій, 1848 ув. на покой; ск. 1855, Дек. 16.

30. Гавріиль Петровъ родился въ Москвѣ 1730. По окончаніи курса ученія въ Славено-Греко-Латинской Академіи, былъ съ 1754 справщикомъ или старшимъ корректоромъ въ Московской Синодальной Типографіи, съ 1758 Учителемъ Риторикіи въ Троицкой Семинаріи; въ томъ же году, 28 Іюня, постриженъ, 7 Іюля Ректоръ Троицкой Семинаріи, въ 1761 Академіи, въ которой обучался; 1763 Епископъ Тверскій, 1770 Архіепископъ Петербургскій, 1775 Новгородскій и Петербургскій, 1783 Митрополитъ, 1799 Новгородскій и Олонекскій, въ Декабрѣ 1800 ув. на покой; ск. 1801, Генв. 26. При немъ Петербургская Семинарія, 4 Ноября, 1775, передана въ Александро-Невскій монастырь (съ 1797 Лавра), и къ ней въ 1788 присоединена Новгородская; а въ 1800 Новгородская Семинарія, въ которой оставались одни низшіе только классы, открыта въ полномъ ея составѣ, по прежнему.

31. Амвросій Подобѣдовъ, 1765 Библіотекаръ и Катихизаторъ при Троицкой Семинаріи, а въ 1767 Учитель. Въ 1768 постриженъ и переведенъ въ Славено-Греко-Латинскую Академію Провѣдникомъ; 1771 Префектъ, 1774 Ректоръ Академіи, 1778 Викарій Московскій, 1782 Епископъ Крутицкій, 1785 Архіепископъ Казанскій, 1799 Петербургскій, 1800 Новгородскій и Петербургскій, 1801 Митрополитъ, 1818 Новгородскій, того же года ув. на покой и сконч. 21 Мая. Петербургская Семинарія еще до него (въ 1797), переименованная въ Александровскую Академію, при немъ, въ 1809, Фев. 17, преобразована въ высшее учебное заведеніе подъ именемъ С.-Петербургской Духовной Академіи, съ открытіемъ при ней, 1 Марта, Петербургской Семинаріи, въ той же Лаврѣ. Съ 1819 зданіе Академіи находится въ Лаврѣ, фасадомъ обращено къ Невѣ.

32. Новгородскую Семинарію обзрѣлъ Филаретъ въ 1815 г.

33. Варлаамъ Успенскій, 1827 постриженъ, 1828 Магистръ 6-го курса Моск. Академіи, Инспекторъ Виленскій, 1833 Ректоръ Тульской Семинаріи, 1834 Воронежской, 1837 Курской, 1843 Викарій Кіевскій, 1845 Епископъ Архангельскій, 1854 Пензенскій, 1860 Архіепископъ, 1862 Tobольскій, 1872 ув. на покой; ск. 1876, Марта 31.

34. Никонъ — товарищъ Никодима.

35. Дамаскинъ. см. прим. 3.

36. Іоанникій Образцовъ, 1817 Кандидатъ 2-го курса Петерб. Ак., 1819 постриженъ, 1825 Ректоръ Пензенской Семинаріи, потомъ Тобольской, 1832 Епископъ Вятскій, 1835 Оренбургскій, 1849 Кавказскій, 1857 увол. на покой.

37. Платонъ Городецкій, Магистръ 7-го курса Петерб. Академіи, 1830 постриженъ, 1831 изъ Баккалавровъ Инспекторъ Академіи, 1837 Ректоръ Костромской Семинаріи, 1843 Викаріи Литовскій, 1848 Псковскій, 1850 Епископъ Рижскій (учреждена Марта 11, 1850 г.), съ 21 Апр. Архіепископъ, 1867 Донской, 1877 Херсонскій.

38. Григорій Миткевичъ, 1831 Магистръ 5-го курса и Баккалавръ Киевской Ак., принявъ постриженіе; 1833 Инспекторъ Казанской Сем., 1836 Киевской Академіи, 1838 Ректоръ Ярославской Сем., 1844 Казанской Академіи, 1851 Епископъ Калужскій, 1869 Архіепископъ.

39. Товарищъ Никодима, см. прим. 14.

40. Филаретъ Амфитеатровъ, будучи Учителемъ Орловской Сем., постриженъ 1798; въ той же Семинаріи былъ съ 1802 Ректоромъ, 1804 въ Оренбургской, 1810 въ Тобольской, 1814 Инспекторъ Петерб. Академіи, въ Августѣ Докторъ Богословія и Московской Ак. Инспекторъ, 1816 Ректоръ, 1819 Епископъ Калужскій, 1825 Рязанскій, 1826 Архіепископъ, 1828 Казанскій, 1836 Ярославскій, 1837 Митрополитъ Киевскій; ск. 1857, Дек. 21.

41. Владимиръ Укинскій, см. прим. 29.

42. Павлапалъ Савченко, 1825 Магистръ 2-го курса и Баккалавръ Киевской Академіи, 1827, согласно прошенію, Профессоръ Курской Семинаріи, 1833 постриженъ, 1834 Ректоръ Подольской Сем., 1839 Костромской, 1845 Викаріи Петербургскій, 1850 Новгородскій, съ Дек. 19 Епископъ Полтавскій, 1860 Архангельскій, 1871 Черниговскій, 1874 Архіепископъ, ск. 1875, Мар. 4.

43. Павлапалъ Павловскій, 1817 Магистръ 2-го курса и Баккалавръ Петерб. Ак., 1819 Инспекторъ Академіи, 1821 Ректоръ Ярославской Сем., 1830 Епископъ Полтавскій, 1834 Псковскій, потомъ Архіепископъ; ск. въ Августѣ 1849.

44. «Поученіе, говоримое къ Духовъ день Іереемъ Василиемъ» Фоль-Визпъ, Деишъ Нв., ум. 1792.

45. Высочайше утверждены въ 30 день Августа, 1814.

46. Семенъ Н. Красноствѣтовъ, 1-й Магистръ 8-го курса Петерб. Ак., въ Июлѣ 1830 опредѣленъ Свщеникомъ къ Правосл. церкви въ Швейцаріи; въ 1857 Протоіерей Успенской церкви, что на Сынной, въ С.-Петербурѣ.

47. Анна Федоровна обвиняна съ Великимъ Княземъ 13 Фев., 1796, формально разведена съ мужемъ, 1 Апр., 1820; ум. въ Эльфенау, близъ Берна, 12 Августа 1860.

48. Графъ С. Ѳ. Уваровъ, 1833 — 1849.

49. Никодимъ родился въ Московской Епархіи.

50. О преобразованіи Духовныхъ Семинарій относительно учебной части.

51. Димитрій Петр. Горнхвостовъ, Капитанъ Гвардіи, въ 1831 основалъ въ Москвѣ заведеніе для воспитанія спротивъ — дѣвицъ Духовнаго званія, для приращенія вдовъ и пожилыхъ дѣвицъ того же званія; ум. 15 Авг., 1846.

52. А. И. Карасевскій ум. въ Декабрѣ 1856.

53. Мелетій Смотрицкій, Архіепископъ Полоцкій написалъ превосходную для своего времени Славянскую Грамматику, изданную въ Москвѣ, 1648.

53. Сербичовичъ, пачъ Бѣлоруссовъ, Т. Сов., ум. 1874, Геньв. 18.

55. Князь А. П. Голицынъ и П. С. Мещерскій были Оберъ-Прокурорами Св. Синода, первый съ 1803 по 1817, а второй съ 1817 по 1833.

56. Макаріій Глухаревъ, Магистръ 2-го курса Петерб. Академіи, до назначенія къ Миссіи (1829) проходилъ наставническое и начальническое служеніе въ Семинаріяхъ Екатеринославской и Костромской; ск. 1847, Мая 18, на 56 году своей жизни.

57. «Пророческія книги Вѣтхаго Завѣта (опытъ переложенія на Русскій языкъ.» М., 1863.

58. Т. О. Никольскій, ум. въ 1848 г.

59. Пимокентій Орловъ ск. 1870, Фев. 9.

60. Тотъ и другой скончались 19 Полбры.

61. Штиглицъ Юнгъ, въ слѣдствіе экзальтированнаго благочестія, впалъ въ мистицизмъ и суевѣріе, и въ этомъ духѣ написалъ многія сочиненія; ум. 1817

62. Эта Библія состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдѣльноизданныхъ книгъ (одна книга утрачена); и находится нынѣ въ Московскомъ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На поляхъ ея встрѣчаются краткія выписки изъ Библіи Греческой, Латинской, и изъ толковниковъ, не то обозначены одніе только имена толкователей, не исключая Западныхъ.

63. Г-жа Гіонъ написала изъясненіе на Новыи Завѣтъ, переведенное на Русскій языкъ въ 1821, и на нѣкоторыя книги Вѣтхаго Завѣта.

64. Афанасій Дроздовъ, 1823 постриженъ, 1824 Магистръ 4-го курса Моск. Академіи и Бакалавръ, 1828 Ректоръ Пензенской, 1829 Костромской, 1838 Рязанской, 1840 Херсонской Семинаріи, 1841 Петерб. Академіи, 1842 Епископъ Владимірскій, съ оставленіемъ въ званіи Ректора Академіи, 1847 Епископъ Саратовскій, 1856 Астраханскій, 1858 Архіепископъ, 1870 ув. на покой; ск. 1876, Дек. 7.

65. Николай Доброхотовъ, Магистръ 3-го курса Кіевской Академіи (1827), постриженъ 1828; изъ Ректоровъ Ирославеркой Сем. опредѣленъ, 1837, Ректоромъ Петерб. Академіи; 1841 Епископъ Тамбовскій, 1857 ув. на покой ск. 1864, Окт. 21.

66. Афанасій Соколовъ, 1825 старшій Кандидатъ 6-го курса Петерб. Акад.; постриженъ и оставленъ при ней Бакалавромъ, 1826 Магистръ, Инспекторъ Нековской Сем., 1828 Ректоръ Харьковской, 1830 Черниговской Сем., 1832 Тверской, 1838 Петербургской, 1841 Епископъ Томскій, 1853 Архіепископъ Иркутскій, 1856 Казанскій, 1866 ув. на покой; ск. 1868, Генваря 1.

67. Въ Августѣ 1840 г. Духовно-Учебное Управленіе предписало Семинарскимъ Правленіямъ: «1, Изъ главныхъ собственно духовныхъ предметовъ Семинарскаго ученія въ особенности приспособить къ обязанностямъ сельскаго священника Богословіе Пастырское и Собесѣдовательное. 2, Изъ вспомогательныхъ предметовъ преподавать всѣмъ вообще ученикамъ начала Философіи (Логикѣ и Психологію), Россійскую Словесность, Исторію, Физикѣ, Геометрію и языки Греческій и Латинскій. 3) Въмѣстѣ съ тѣмъ ввести новыя предметы, особенно полезныя въ обществѣ и житейскомъ быту Священника, какъ-то: Естественныя науки, начала Медицины и Сельское Хозяйство.... 4) Учредить въ Семинаріяхъ приготовительный классъ для кандидатовъ священства...»

68. Кириллъ Богословскій-Платоновъ, изъ Студентовъ Троицкой Семинаріи Магистръ 1-го курса Петерб. Ак. (1814) и Баккалавръ ея, 1817 Ректоръ Подтавской Сем., 1819 Моск. Академіи, 1824 Викаріи Московскій, 1827 Епископъ Вятскій, 1842 Архіепископъ Каменецъ-Подольскій; ск. 1841, Мар. 8.

69. Іона Васильевскій, 1792, по окончаніи курса въ Троицкой Сем., Священникъ въ Калугѣ, 1803 Протоіерей, 1807 Архимандритъ и Законоучитель С.-Петербург. Коммерческаго Училища, 1808 Ректоръ Калужской Семинаріи, 1810 Инспекторъ Петерб. Академіи, 1812 Епископъ Тамбовскій, 1821 Архіепископъ Астраханскій, съ Окт. 1 Экзархъ Грузін, 1828 Митрополитъ; съ 1832, по уклоненіи отъ управленія Епархіей, присутствовалъ въ Св. Синодѣ, въ качествѣ Члена; ск. 1849, Іюни 22.

70. Стурдза, Бессарабскій помѣщикъ, изъ Молдаванъ, одинъ изъ основателей и первый Вице-Президентъ (по 25 Фев., 1842) Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, ум. 1854, Іюля 8.

71. Госплѣтъ Сѣмашко, 1820 Магистръ Богословія бывшаго Виленскаго Университета, 1821 Священникъ, 1828 Протоіерей, 1829 постриженъ и въ томъ же году Епископъ Мстиславскій, 1833 Литовскій, 1839 пѣтъ Уніятствъ пришилъ въ общеніе Православной Церкви, тогда же Архіепископъ, 1852 Митрополитъ; ск. 1868, Іюль 23.

72. Венедиктъ Григоровичъ, Магистръ 1-го курса Петерб. Ак.; въ 1814, прямо по окончаніи курса, Ректоръ Могилевской, 1829 Виѣнскои Семинаріи, 1831 Петерб. Академіи, 1833 Викаріи С.-Петербургскій, съ оставленіемъ въ Ректорской должности, 1842 Епископъ Олонекій, потомъ Архіепископъ; сконч. 1850, Дек. 7.

73. Іоасафъ Покровскій, Магистръ 11-го курса Петерб. Ак., Архимандритъ и Ордин. Профессоръ той же Академіи.

74. Нилъ Протоіерей Моск. Архангельскаго Собора, Докторъ Богословія.

75. Героевъ, Патріархъ съ 1851 донынѣ. Въ 1833, въ санѣ Архіепископа горы Оанорской, прѣѣхалъ въ Россію для сбора пожертвованій въ пользу Іерусалимской Церкви; возвратился въ 1839.

76. Святитель, когда былъ Учителемъ въ Троицкой Семинаріи, писалъ (въ Апрѣлѣ 1808) къ родственнику-Діакону: «взять готовое (свѣтское платье) и готовь... При томъ, если уже Вы принимаете на себя трудъ нарядить меня, то не оставьте купить мнѣ шляпу.» Душеспод. Чтеніе, 1870, Ноябрь, отдѣлъ 2, стр. 89.

77. Въ 1840 была дороговизна на хлѣбъ.

78. В. А. Леви́сонъ, по принятіи Правосл. вѣры въ 1840, опредѣленъ въ Академію Преподавателемъ Еврейскаго языка, и скорѣе наименованъ Ординарнымъ Профессоромъ.

9. Бесѣды на 5 — 11 главы Сл. Евангелиста Матвея. Кіевъ, 1842.

80. Платонъ Оивейскій, Магистръ 9-го курса Моск. Акад., постриженъ 1834 и того же года Баккалавръ; онъ же и библіотекарь (съ 1838), съ 1841 исправлялъ должность Инспектора Моск. Академіи, Ноября 9 Архимандритъ, 1842 Ректоръ Казанской Сем., 1843 Орловской, 1847 Тамбовской, 1852 Владимірской, 1856 Викаріи Новгородскій, съ 31 Іюля Петербургскій, 1857 Епископъ Костромскій, 1868 Архіепископъ; ск. 1877, Мая 13.

81. Василій Ивановичъ Кутлевичъ, 1832 Оберъ-Священникъ

Арміи и Флота, 1833 Присутствующій, а въ 1848 Членъ Св. Синода съ присвоеніемъ званія Протопресвитера.

82. Н. В. Музовскій, Оберъ-Свищеникъ, Придворнаго Благотѣщенскаго Собора въ Москвѣ, Протопресвитерскъ въ 1848 г.

83. Ѳеофилактъ Русановъ, воспитанникъ и Учитель Невской Семинаріи, въ 1792 вступилъ въ монашество, 1793 Архимандритъ Звелецкаго мон., потомъ Сергіевой пустыни, 1799 Новгород. Иверскаго мон., съ 30 Окт. Епископъ Калужскій, 1807 вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствования въ Св. Синодѣ, 1808 Архіепископъ, 1809 Рязанскій, 1817 Экзархъ Грузіи, 1819 Митрополитъ Карталинскій; ск. 1821, Іюля 19.

84. Разсказъ Филарета о томъ же см. въ «Иправосл. Обзор.» 1868, ч. 26 стр. 516.

73. Андрей Ив. Окупевъ былъ послѣ Протоіереемъ Исаакіевскаго Собора; ум. 1860, Дек. 23.

86. Г. С. Дебольскій, нынѣ Протоіерей Казанскаго Собора, въ С.-Петербургѣ.

87. Кочетовъ, Протоіерей Каѳедральнаго Петропавловскаго Собора; ум. 1854, Март. 16.

88. Муравьевъ, А. Н., Камергеръ, сконч. въ Кіевѣ, 18 Авг., 1874.

89. Рѣчь эта не была напечатана.

90. Вѣроятно, Егора Полотебнова, не то Егора Лебедева: тотъ и другой — товарищи Кочетова.

91. Виталій Щенетевъ, Магистръ 5-го курса Петерб. Акад., 1823 Инспекторъ Моск. Семинаріи, 1826 Ректоръ Семинаріи, 1833 Петерб. Академіи, 1837 Викарій Московскій, 1842 Епископъ Костромской, 1843 ув. на покой; ск. 1846, Генв. 29.

92. Ааронъ Нарциссовъ, 1807 Учитель, Катихизаторъ и Проповѣдникъ Моск. Академіи, 1826 изъ Настоятелей Толгскаго мон., близъ Ярославля, Епископъ Архангельскій, 1830 ув. въ Донской мон.; ск. 1842, Генв. 15.

93. Діонисій Цвѣтаевъ, 1800 постриженъ, 1802 изъ Учителей Прелектъ, а 1805 Ректоръ Орловской, 1811 Астраханской Семинаріи, 1821 Настоятель Донского мон., съ увольненіемъ отъ Училищной службы, 1823 Епископъ Пермскій, съ 1828 жилъ въ Моск. Богоявленскомъ мон.; ск. 1846, Апр. 24.

94. Ѳеофанъ Александровъ, 1850 переведенъ въ Нѣжинскій Благотѣщенскій мон., Черняговской Еп., а оттомъ въ Каляинскій Троицкій, Тверской Епархіи, гдѣ и ск. 1852, Окт. 23.

95. Платонъ, съ 1848 Андрониковскій; ск. 1863, Генв. 28.

96. Мельхиседекъ, съ 1851 Новоіерусалимскій; ск. 1852, Генв. 6.

97. Аполлосъ, въ 1851 ув. на покой въ Ростовскій Яковлевскій мон., гдѣ и ум. 1859.

98. Гермогенъ Сперацскій, ск. 1845, Іюня 19. Онъ товарищъ Преосв. Аарона, роста средняго, съ окладистою сѣдою бородой и густыми бровями, походилъ на подвижника.

99. Іосифъ Богословскій, Кандидатъ 56-го курса Моск. Ак., 1828 постриженъ и опредѣленъ Смотрителемъ Перервинскихъ Училищъ, 1829 Испекторъ, а 1834 Ректоръ Моск. Семинаріи, 1842 Викарій Московскій, 1849 Епископъ Оренбургскій, 1853 Воронежскій, 1860 Архіепископъ, 1864 ув. на покой.

100. Протопресвитеръ Василій Ивановичъ Платоновъ.

101. Гавріиль Розановъ, въ Окт. 1799 поступилъ въ Костромскую въ Троицкую Семинарію, 1803 Учитель Костромской Сем., 1811 постриженъ и Префектъ Вологодской Сем., 1814 Ректоръ, 1820 Настоятель Толгскаго мон., 1821 Епископъ Орловскій, 1828 Архіепископъ Екатеринославскій, 1837 Херсонскій и Одесскій, 1848 Тверской, 1857 ув. на покой; ск. 1838, Сент. 8.

102. Прицархъ Поповъ, 1817 старшій Кандидатъ Петерб. Ак. 2-го курса и, въ санѣ Іеромонаха. Инспекторъ Орловской Сем., 1818 Магистръ; въ 1819 посланъ въ Италію, въ г. Миланъ, въ домовую церковь Маркисы Терци, урожденной Кивилли Голлиной; съ 1824 находился при Посольской церкви во Флоренціи, съ 1827 въ Римѣ, съ 1833 въ Афинахъ, а съ 1831 по 1833 былъ Архимандритомъ Толгскаго мон., 1836 Викаріи Тверской, съ 15 Сент. Псковскій, 1841 Воронежскій, 1842 Епископъ Вологодскій, 1844 Киншипевскій, 1845 Архіепископъ, 1858 Подольскій, 1863 Рязанскій, 1867 ув. на покой.

103. Афанасій Дроздовъ; см. прим. 64.

104. Евсевій Орлинскій, Магистръ 8-го курса Моск. Академіи, 1832 постриженъ и опредѣленъ Инспекторомъ Введенской Сем.; 1834 Инспекторъ Московской Сем., 1838 Моск. Академіи и Архимандритъ, 1841 Ректоръ той же Академіи, 1847 Епископъ Випинскій и Ректоръ Петерб. Академіи, 1850 Епископъ Самарскій, 1856 Иркутскій, 1858 Архіепископъ, 1860 Могилевскій.

105. Герасимъ Петр. Павскій, Протоіерей Малой церкви Зимняго Дворца, ум. 1863, Апр. 7. «Филологическія наблюденія его надъ составомъ Русскаго языка» явились въ 1841 — 1842 гг. Въ 1850 г. вышло новое изданіе этого сочиненія съ прибавленіемъ новой (четвертой) части. Знатокъ отзывался о немъ съ величайшимъ уваженіемъ.

106. См. «Письма Филарета къ Г-ну Муравьеву» примѣчаніе къ 81 пис., стр 109 — 110.

107. Гавріиль Розановъ, см. прим. 101.

108. Моск. Семинарія въ домѣ бывшемъ Графа Остермана помѣщена 1 Нолбря, 1844, а прежде была при Заиконоспасскомъ монастырѣ.

109. Флоровей Успенскій, 1832, по окончаніи курса (8-го), Баклавръ Моск. Академіи, постриженъ 13 Нолбря; съ 1838 Инспекторъ Петерб. Академіи, 1839 Архимандритъ, 1842 Ректоръ Уарысвскій, съ 1 Сент. Введенской, 1847 Московской Семинаріи, 1849 Викаріи Мстислвскій, 1853 Епископъ Костромской, 1857 Тверской, 1861 Архіепископъ. 1876 Митрополитъ Кіевскій и Членъ Св. Синода.

110. Дамаскинъ, см. прим. 3.

111. Графъ П. А. Клейнмихель, Главноуправляющій Путиами Сообщенія, 1842 — 1855.

112. Въ Петропавловскомъ мон., Орловской Епархіи.

113. Смарагдъ Крыжановскій, см. прим. 22.

114. Антоній, постриженъ въ 1822 г. въ Высокогорской Арзамасской пустыни; изъ Строителя сей пустыни переведенъ Намѣстникомъ въ Троицкую Лавру и посвященъ въ Архимандрита Введенскаго мон., 15 Марта, 1831; сконч. 1877, Мая 12.

115. Алексій Ржаницынъ, 1837 постриженъ, 1838 Магистръ 11-го курса Моск. Академіи, Инспекторъ Моск. Семинаріи, 1843 Ректоръ Семинаріи,

1847 Моск. Академіи, 1853 Влкарій Московскій, 1857 Епископъ Тульскій, 1860 Тавричскій, 1867 Архіепископъ Рязанскій, 1876 Тверской; сконч. 1877 г.

116. Деляпчинъ ск. 1863 г., 30го Ноября.

117. Голубинскій, сконч. 1854, Авг. 22.

118. Священникъ.

119. Горскій, 1860 Протоіерей, 1862 Ректоръ Московской Академіи; ск. 11 Окт., 1875.

120. Гавріиль Розановъ, см. прим. 101.

121. Евгеній Казанцевъ, см. прим. 4.

122. Никодимъ Лебедевъ обучался сперва въ Костромской Сем., а съ 1823 въ Петерб. Академіи; 1825, Нояб. 20, постриженъ, 1827 Магистръ и Инспекторъ Костромской Сем.; 1829, Мая 19, Игуменъ Духовскаго Николаевскаго мон., 26 Сент. Баккалавръ Петерб. Ак., 1830 Ректоръ полоучрежденной Саратовской Сем. и Архимандритъ, 1833 Ректоръ Иркутской, 1840 Пермской Семинарій, 1842 Тамбовской, 1847 Тверской.

123. Агапитъ Введенскій, съ 1832 Настоятель Новоспасскаго монастыря. 1877 г.

124. Григорій Постликовъ, 1814 Магистръ 1-го курса и Баккалавръ Петерб. Ак., въ томъ же году и постриженъ, 1816 Инспекторъ Академіи 1817 Докторъ Богословія и Архимандритъ, 1819 Ректоръ Ак., 1822 Влкарій С.-Петербургскій, 1826 Епископъ Калужскій 1829 Архіепископъ Рязанскій, 1831 Тверской, 1848 Казанскій, 1856, Авг. 26, Митрополитъ, Окт. 1 Новгородскій и Петербургскій ск. 1860, Юня 17. Противъ раскола въ 1855 г. издалъ книгу: «Истинно древняя и истинно Православная Церковь», 2 части.

125. Евгеній управлялъ Донскимъ мон. съ 1854, а Намѣстникъ его былъ посвященъ въ Архимандрита, съ оставленіемъ въ прежней должности.

126. Іоанникій съ 1861 управлялъ Заиконоспасскимъ мон., а въ 1876 ум. на покой.

127. «Расколъ, обличаемый своею исторіей.»